УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ

ЛИТЕРАТУРА

5

КЛАСС

2
часть

ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия входит в комплект книг для 5–9 классов, обеспечивающий преподавание по авторской программе литературного образования. В него также входят книги для чтения «Книжная полка», пособие для учителя.

В основу концепции литературного образования положено изучение литературы как вида искусства, постижение литературного произведения в единстве формы и содержания, выявление национального своеобразия русской литературы.

Учебник-хрестоматия предназначен для образовательных учреждений гуманитарного профиля с углубленным изучением литературы.

- Литература. 5 класс
  - Третий урок волшебства
    - Басня
      -
      - Эзоп
        - Жук и муравей
        - Два горшка
        - Крестьянин и его сыновья
        - Лисица и виноград
      - Жан Лафонтен
        - Похороны львицы
      - Федор Александрович Эмин
        - Голубь и ястреб
      - Иван Андреевич Крылов
        -
        - Волк и ягненок
        - Волк на псарне
      - Сергей Владимирович Михалков
        -
        - Две подруги
        - Слон-живописец
    - В мастерской художника слова
      -
    - Новелла (рассказ)
      -
      - Эдгар Аллан По
        -
        - Лягушонок
      - Лев Николаевич Толстой

- Кавказский пленник
- Борис Степанович Житков
- Механик Салерно
- Виктор Петрович Астафьев
- Васюткино озеро
- Читательская лаборатория
- В мастерской художника слова
- Литературный очерк
- Джозеф Конрад
- «Тремолино»
- Константин Георгиевич Паустовский
- Мещорская сторона
- В мастерской художника слова
- Сокровища книжных полок

○ Четвертый урок волшебства

- Что такое лирика и особенности художественного мира лирического произведения
- Алексей Константинович Толстой
- Афанасий Афанасьевич Фет
- Анна Андреевна Ахматова
- Юрий Поликарпович Кузнецов
- Литературная баллада
- Василий Андреевич Жуковский
- Лесной царь
- Суд божий над епископом
- Михаил Юрьевич Лермонтов
- Перчатка
- Бородино
- Дмитрий Борисович Кедрин
- Зодчие
- Читательская лаборатория

        - Сокровища книжных полок
    - Пятый урок волшебства
        - Театр и драма
            -
            - Тамара Григорьевна Габбе
            - Город мастеров, или сказка о двух горбунах
                -
                - Пролог
                - Действие первое
                - Действие второе
                - Действие третье
                - Действие четвертое
        - В мастерской художника слова
        - Читательская лаборатория
        - Сокровища книжных полок
    - Краткий словарь терминов
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

Литература. 5 класс
Учебник-хрестоматия для школ с углубленным изучением литературы. Часть 2
(Под редакцией М. Б. Ладыгина)

Третий урок волшебства

Басня

Этот литературный жанр возник очень давно. В Древней Греции огромной популярностью пользовались басни Эзопа, а в Древнем Риме этот жанр успешно разрабатывает Федр. Басни писал лидер церковной Реформации в Германии Мартин Лютер и выдающийся деятель английской революции XVII века Джон Милтон. Очень хорошо известна была басня на Руси. Еще в период Средневековья здесь с удовольствием читали сборник «Стефанит и Ихнилат». В XVIII веке начинается подлинный расцвет этого жанра. Басни пишут А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, И. И. Дмитриев, Ф. А. Эмин и многие другие выдающиеся русские писатели.

XIX век как бы принимает эстафету у предыдущего столетия. Начало его литературной истории связано с именем крупнейшего русского баснописца Ивана Андреевича Крылова. Вслед за ним создают басни В. А. Жуковский, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой и некоторые другие.

И в современной литературе писатели обращаются к басне, и продолжается развитие этого удивительно молодого и современного жанра, несмотря на его многовековую историю. В чем же секрет неизменной преданности писателей и постоянного интереса читателей к басне?

Басня – эпический литературный жанр, создающий в емкой и простой форме аллегорическую картину взаимоотношений человека с другими людьми и окружающим миром.

Сам человек в басне появляется редко. Гораздо чаще мы находим в ней животных, растения, а то и одушевленные предметы, живущие удивительно знакомой нам жизнью. Это и есть прием **аллегории.** В образах животных, растений и предметов писатель изображает отдельные человеческие качества.

За долгое время литературной жизни жанра сложилась определенная традиция наделения отдельных персонажей конкретными пороками или добродетелями. Так, лисица олицетворяет хитрость, осел – глупость, свинья – невежество и неблагодарность. Баснописцы охотно используют традиционные образы, но одновременно придумывают и новые аналогии.

Точно так же баснописцы поступают и с сюжетами. Каждый из них придумывает новые ситуации и новые темы, но очень часто они обращаются к давно уже известным сюжетам и персонажам. Иногда они слегка изменяют традиционный сюжет. (Я предлагаю тебе сравнить помещенную в хрестоматии басню Эзопа «Жук и

Муравей» с басней И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».) Но есть сюжеты, которые встречаются у большинства самых известных баснописцев почти без изменений. Так, сюжет басни Эзопа «Лисица и виноград» мы находим у французского писателя XVII века Ж. Лафонтена, у русского баснописца И. А. Крылова и у некоторых других писателей.

Основная задача басни – воспитательная. Баснописец учит читателей различать порок и добродетель, на простых, доступных примерах объясняет, в чем опасность того или другого недостатка, выявляет различие между истинными и мнимыми достоинствами.

Существуют вечные проблемы, которые волнуют людей во все времена во всех странах. Решая такие проблемы, писатели используют традиционные сюжеты и образы. Но они же спешат откликнуться на запросы своего времени, нарисовать картины жизни своего народа, и поэтому появляются все новые и новые басни.

Народность этого жанра проявляется также в том, что он может использовать как стихотворную, так и прозаическую форму.

Басня демократична, то есть она направлена против человеческих пороков вне зависимости от принадлежности человека к какому-то сословию или его имущественного положения. Она не щадит ни богатых, ни бедных, ни обладающих властью, ни рабов, ни ученых, ни невежд. Она наглядно показывает, к чему приводят человеческие пороки, и эта наглядность делает ее уроки доступными и для детей, и для взрослых, для людей образованных и лишенных систематического образования.

Обычно басня содержит в себе **мораль:** краткий и четкий вывод из заключенного в басне урока, где прямо называется порок и его последствия. Басня может завершаться моралью («Две подруги» С. В. Михалкова), а может и начинаться с нее («Ворона и Лисица» И. А. Крылова). Очень часто басне предшествует зачин.

Попробуй найти зачин и мораль в приведенных баснях.

Эзоп

Жук и муравей

В летнюю пору Муравей, ползая по полям, собирал зерна и колосья, накапливая себе корм на зиму. А Жук, увидев его, подивился его трудолюбию и тому, что он работает в ту пору, когда остальные твари, избавившись от трудов, живут беззаботно.

Тот промолчал тогда. Когда же пришла зима и дожди размыли навоз, голодный Жук пришел к нему и попросил еды. А он ему сказал: «О, Жук! Если бы ты тогда потрудился, когда я работал, – а ты смеялся надо мной, – не пришлось бы тебе теперь нуждаться в корме».

Два горшка

Река несла в своем течении два горшка – глиняный и медный. «Держись от меня подальше, не подплывай близко, – просит глиняный горшок медный. – Чуть ты дотронешься до меня, ты расколотишь меня в куски, а самому мне касаться тебя нет охоты».

Нет житья бедняку, если под боком у него поселился богач.

Крестьянин и его сыновья

В предсмертный свой час призвал крестьянин своих сыновей и, желая приохотить их к занятию земледелием, говорит им: «Дети мои, я умираю. Обыщите наш виноградник, в нем вы найдете спрятанным все, что я имел». – «Должно быть, там зарыт клад», – думают сыновья и после смерти отца перерыли весь виноградник. Клад они, правда, не нашли, зато хорошо вскопанная почва дала сбор винограда обильней прежнего. Истинное сокровище для людей – умение трудиться.

Лисица и виноград (Перевод А. Алексеева)

Голодная Лисица заметила свесившуюся с лозы гроздь винограда и хотела было достать ее, но не могла. Ушла она и говорит: «Он еще не дозрел».

Иной не может доделать что-либо из-за недостатка сил, а винит в этом случай.

Жан Лафонтен

Похороны львицы (Перевод О. Румера)

Глаза навек закрыла львица,
И знатные столпились лица,
Пришедшие со всех сторон,

Чтоб государю скорбь свою и сокрушенье
Поведать с целью утешенья.
О дне и месте похорон
По государеву приказу
Всех верноподданных оповестили сразу,
И был назначен ряд особ
Нести покойной львицы гроб.
На зов сей не явись, поди-ка!
Пещера, где сидел владыка,
Вся от его гудела крика:
У львов другого храма нет.
Придворные за ним вослед —
Всяк местным говором своим – ревели зычно,
Двор – сборище людей, которым безразлично,
Смеяться ль, плакать ли. Одно для них привычно:
Так поступать всегда, как государь велит,
Иль, в крайности, хоть делать вид.
Ну, чем не обезьян наряженных синклит[1]?
Ты скажешь: сотней тел там правит дух единый;
Вот уж поистине, где действуют машины!
Вернусь к рассказу моему.
Не плакал лишь олень, – должно быть, потому,
Что эта по сердцу была ему кончина:
Он потерял жену и сына
В когтях покойницы. Олень стоял без слез,
А льстец бессовестный донес,
Что, мол, смеялся он. Владыки гнев ужасен,
Как учат «Притчи»[2], – тут вдвойне он был опасен;
Но ведь безграмотным олень сызма́льства рос.
Владыка закричал: «Смеешься ты, негодный?
Тебе и дела нет до скорби всенародной?
Тобою мы когтей своих не оскверним.
Сюда мне кликнуть волчью стаю!
Пускай покажут негодяю,
Расправятся по-свойски с ним!»
Олень ему в ответ: «О государь, стенаний
Не надо больше, нет! Печали минул час.
Мне государыня двумя часами ране
Явилась тут вблизи как раз,
И я узнал ее тотчас.
Она сказала мне: «Не будь в тоске унылой
И не оплакивай, о друг, судьбу мою:
Живу блаженно я среди святых в раю.
Супруга моего, однако, не насилуй, —

Пусть он часок-другой поплачет над могилой:
Отрадно будет мне от этих нежных слез».
«О чудо! – стали все кричать, – апофеоз[3]!»
И получил олень подарок вместо кары.

Бесстыдно расточайте лесть,
Коль милость от владык желаете обресть.
Хотя бы сердце их пылало гневом яро,
Они вам все простят, —
всесильны лести чары.

Федор Александрович Эмин

Голубь и ястреб

Дикий голубь, прилетев в свое гнездо, нашел голубку свою жестоко рыдающую. Он ее спросил о причине такой нечаянной печали. Голубка ему сказала, что ворон утащил из гнезда детей ее. Тогда полетел голубь в отчаянии искать справедливости; он увидел ястреба, на высоком дубе сидящего, и, прилетев к нему, жаловался на ворона и просил его о защищении. Ястреб, будучи голоден, бросился на голубя. Голубь обратился в бегство и с полчаса был ястребом гоним. Наконец едва с превеликою трудностью от него улетел и, прилетев к своей голубке, жаловался на несправедливого ястреба, что он нарушил право странноприимства; что услыша, голубка так ему говорила:

– Ты на мошенника жаловался разбойнику; где это слыхано, – продолжала она, – чтоб тот, который всем птицам вредит, помог одному голубю!

Безрассудителен тот, кто от злодея благодеяний надеется.

Иван Андреевич Крылов

Трудно представить себе русского человека, который не знал бы имени Ивана Андреевича Крылова, русского писателя начала XIX века. Его перу принадлежат разнообразные произведения, но славу принесли ему его басни (всего им написано свыше 200 басен). И это не случайно. Позаимствовав сюжеты у своих предшественников (Эзопа, Лафонтена, Сумарокова), что является характерной басенной традицией, И. А. Крылов наполнил свои басни новым содержанием: главным для него стало создание русского характера, передача мудрости русского народа.

Приглядись повнимательнее к басням И. А. Крылова, и ты увидишь, что рядом с отрицательными персонажами, в которых писатель высмеивает пороки, находятся персонажи удивительно достойные и благородные. Автор учит своих читателей не только на отрицательных, но и на положительных примерах.

Найди, пожалуйста, положительных героев в баснях Крылова, причем можешь вспомнить и те известные тебе произведения, которые не вошли в нашу магическую книгу.

Во время Отечественной войны 1812 года поэт написал целый цикл басен, отражавших весь ход борьбы русского народа с захватчиками. В этом цикле нет ни одного заимствованного сюжета, но зато в нем много положительных героев, несущих на себе лучшие черты соотечественников баснописца.

Сила сатирического воздействия басен И. А. Крылова – это результат мастерского владения словом и ритмом. Изменяя длину строки, поэт изменяет и интонацию говорящего. Мораль его басен, как правило, заключает в себе яркие, точные и образные выводы, ставшие широко известными пословицами и поговорками.

Постарайся сам вспомнить строки из басен И. А. Крылова, которые мы используем сейчас в нашей речи.

Читая басни замечательного поэта, обрати внимание на то, как он строит повествование, как подводит читателя к выводу. Отметь, какие слова подбирает баснописец для характеристики персонажей.

Волк и ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и отроду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал – и в темный лес Ягненка поволок.

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня!.. – кричат, – огня!» – Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я…» – «Послушай-ка, сосед, —
Тут ловчий[4] перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Сергей Владимирович Михалков

Автор знаменитого «Дяди Степы», писатель С. В. Михалков известен и как автор сказок и пьес для детей, многочисленных стихотворений, ему принадлежат басни в стихах и в прозе.

Как я уже говорил, за долгое время литературного существования басни сложились определенные традиции этого жанра.

В стихотворной форме басни автор использует традиционные приемы: вольный стих, обязательную мораль в конце. Но есть и исключения. Басня «Форма и содержание» внешне напоминает лирическое стихотворение, и лишь название указывает на скрытый в ней назидательно-аллегорический смысл. Басни в прозе созданы несколько иначе, повествование в них строится как в сказке, мораль не обязательно логически завершает басню.

Как правило, и стихотворная, и прозаическая басня невелики по объему. Язык прост, доступен, лаконичен. Диалоги, художественные детали и условности направлены исключительно на раскрытие основного аллегорического конфликта, решение проблемы и подготавливают читателя к основному выводу, заключенному в морали.

Тематика басен разнообразна. Михалков вслед за Крыловым высмеивает людские пороки, отвратительные черты человеческого характера. Крыса из басни «Две подруги» напоминает определенную категорию людей, которые кичатся слепым поклонением «заграничному», «а сало… русское едят».

Героями басен становятся различные животные, растения, наделенные пороками, характерными для своего времени. Царь зверей из басни «Лев и ярлык», которому кто-то шутя прицепил ярлык с печатью, постепенно превращается в Осла – «и как-то на заре из логовища Льва вдруг донеслось ослиное: «И-аа!»

Сюжет басни «Ромашка и Роза» типичен, взят из жизни. Ведь Ромашка и Роза – это аллегорическое изображение различных слоев общества, а их диалог отражает характерные черты его представителей. Басня, как любой литературный жанр, ставит перед собой определенную задачу. Автор в сжатой, лаконичной фразе (морали) поучает своего читателя.

И конечно же писателей волновали и будут волновать вечные проблемы: добра и зла, несоответствие формы содержанию, именно так и случилось с «великолепным» мыльным пузырем из басни «Форма и содержание».

Тебе предоставляется возможность самому найти басенные традиции в баснях С. В. Михалкова «Слон-живописец», «Две подруги», а помощниками в работе станут мои вопросы.

Представь, что ты художник… Тобою создано произведение искусства, пейзаж или портрет. Чье мнение для тебя будет важным и авторитетным?

Подумай и ответь: кто-нибудь из зверей дал правильную и четкую оценку картины? Зачем Слон переделал свою картину и чем он руководствовался, исправляя ее? Какова роль диалога в басне «Две подруги»? Какие проблемы на самом деле волнуют Крысу и мешают ей спокойно жить? Почему в качестве «заморского» у Крысы «волос из турецкого дивана», «лоскуток персидского ковра»? Какое характерное явление современной жизни высмеивает автор?

Две подруги

«Красиво ты живешь, любезная сестрица! —
Сказала с завистью в гостях у Крысы Мышь. —
На чем ты ешь и пьешь,
На чем сидишь,
Куда ни глянешь – все из-за границы!» —

«Ах, если б, душенька, ты знала, —
Со вздохом Крыса отвечала, —
Я вечно что-нибудь ищу!
Я день-деньской в бегах за заграничным —
Все наше кажется мне серым и обычным,
Я лишь заморское к себе в нору тащу:
Вот волос из турецкого дивана!
Вот лоскуток персидского ковра!
А этот нежный пух достали мне вчера —
Он африканский. Он от Пеликана!» —
«А что ты ешь? – спросила Крысу Мышь. —
Есть то, что мы едим, тебе ведь не пристало!» —
«Ах, душенька! – ей Крыса отвечала. —
Тут на меня ничем не угодишь!
Вот разве только хлеб я ем и сало!..»

Мы знаем, есть еще семейки,
Где наше хают и бранят,
Где с умилением глядят
На заграничные наклейки…
А сало… русское едят!

Слон-живописец

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:
Что, если вдруг не удалось оно?
Вниманием гостей художник наш польщен!
Какую критику сейчас услышит он?
Не будет ли жесток звериный суд?
Низвергнут? Или вознесут?
Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошел поближе.
«Ну, что же, – начал Крокодил, —
Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу…» —
«Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень. – Но где снега? Где льды?» —
«Позвольте! – удивился Крот. —
Есть кое-что важней, чем лед!
Забыл художник огород».
«Хрю-хрю, – прохрюкала Свинья, —
Картина удалась, друзья!

Но с точки зренья нас, свиней,
Должны быть желуди на ней».
Все пожеланья принял Слон.
Опять за краски взялся он
И всем друзьям по мере сил
Слоновьей кистью угодил,
Изобразив снега, и лед,
И Нил, и дуб, и огород,
И даже – мед!
(На случай, если вдруг Медведь
Придет картину посмотреть…)
Картина у Слона готова,
Друзей созвал художник снова.
Взглянули гости на пейзаж
И прошептали: «Ералаш!»

Мой друг! Не будь таким Слоном:
Советам следуй, но с умом!
На всех друзей не угодишь.
Себе же только навредишь.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуй жанр басни и укажи его признаки.

2. Как использует прием аллегории в своих баснях Эзоп?

3. Как в басне Ж. Лафонтена «Похороны львицы» описывается «двор» льва?

4. Что заставляет оленя в басне Ж. Лафонтена «Похороны львицы» лгать льву?

5. Кто из персонажей басни Ф. Эмина «Голубь и Ястреб» подтверждает мораль басни?

6. Как в басне И. А. Крылова «Волк и Ягненок» выражены специфические черты таких животных, как Волк и Ягненок?

7. Какое историческое событие послужило основой басни И. А. Крылова «Волк на псарне»?

8. Какие человеческие пороки подвергает критике С. В. Михалков в басне «Две подруги»?

9. Как следует понимать в басне С. В. Михалкова «Слон-живописец» фразу «советам следуй, но с умом»?

10. Подготовь выразительное чтение наизусть басен И. А. Крылова и басни С. В. Михалкова «Две подруги».

11. Подготовь инсценировку басни Лафонтена.

12. Попробуй самостоятельно придумать басню.

В мастерской художника слова
Секреты создания басни

Ты прочитал несколько замечательных басен и конечно же заметил, что прозаическая басня чем-то похожа на сказку, а стихотворная басня напоминает балладу. Для того чтобы особенности басни как жанра стали тебе более понятными, я предлагаю обратиться за помощью к В. А. Жуковскому, к его статье «О басне и баснях Крылова».

Дело в том, что этот поэт, сам писавший очень хорошие баллады и сказки (в чем ты уже убедился), выделил **четыре главные жанровые особенности басни.** Давай и мы с тобой рассмотрим их повнимательнее.

Первая черта басни, по мнению В. А. Жуковского, выражена в **«особенности характера,** которой каждое животное отлично одно от другого». Ну и что, спросишь ты, характер одного человека тоже отличается от характера другого? Не спеши! Послушаем, как объясняет эту особенность русский поэт: «Мир, который находим в басне, есть некоторым образом чистое зеркало, в котором отражается мир человеческий. Животные представляют в ней человека, но человека в некоторых только отношениях». А дальше В. А. Жуковский прямо указывает: «Вы заставляете действовать волка – я вижу кровожадного хищника; выводите на сцену лисицу – я вижу льстеца или обманщика, – и вы избавлены от труда прибегать к излишнему объяснению».

Итак, как видишь, басня в характере животного или в образе какого-то предмета находит сходство с каким-либо одним человеческим качеством и воплощает его. В балладе или сказке человек, наделенный одним-единственным качеством, казался бы неинтересным, в этих жанрах даже животные обладают характерами весьма сложными (вспомни кобылицу или конька-горбунка из сказки П. П. Ершова или воронов из баллады, переведенной А. С. Пушкиным). А вот в басне трудолюбивый Муравей и легкомысленная Стрекоза выглядят вполне естественно, и дополнительные сведения об их характере только повредили бы басне.

Очень точно указывает В. А. Жуковский и на вторую особенность басни: «Перенося воображение читателя в новый мечтательный мир, вы доставляете ему удовольствие **сравнивать вымышленное с существующим».** Действительно, задача басни – на очень простом примере помочь читателю разобраться в сложных житейских ситуациях. Простота басенных характеров

делает любую жизненную ситуацию предельно наглядной, и это позволяет басне решить свою главную задачу, которая и составляет третью особенность этого жанра, по мнению В. А. Жуковского: **«Басня есть нравственный урок,** который с помощью скотов и вещей неодушевленных даете вы человеку; представляя ему в пример существа, отличные от него натурою и совершенно для него чуждые, вы щадите его самолюбие, вы заставляете его судить беспристрастно, и он нечувствительно произносит строгий приговор над самим собою».

Помнишь, я говорил тебе, что художественный мир произведения воспринимается читателем эмоционально. В. А. Жуковский и говорит о том, что басня заставляет читателя осуждать отрицательное качество какого-нибудь персонажа и воспитывает самого читателя, если в нем скрывается сходство с высмеиваемым в басне «скотом» или «вещью неодушевленной». В этом и заключается нравственный урок **(мораль)** басни.

А вот над четвертой особенностью басни нам с тобой придется серьезно поразмыслить. В. А. Жуковский называет ее **«прелестью чудесного»** и объясняет так: «На ту сцену, на которой привыкли мы видеть действующим человека, выводите вы могуществом поэзии такие творения, которые в существенности удалены от нее природою». Проще говоря, вместо людей в басне оживают животные и предметы и подобно людям начинают действовать. Это и наивно, и очень мудро. Человек – венец природы, лучшее из всего существующего на земле, поэтому он не смеет позволить себе оказаться хуже «скотов» и «вещей неодушевленных». Теперь ты сам видишь, сколько секретов скрыто в жанре басни. Впрочем, для тебя они уже перестали быть секретами, и ты можешь даже сам попробовать свои силы в сочинении басен. Но при этом, какую бы форму ты ни выбрал (стихотворную или прозаическую), тебе следует придерживаться тех правил, которые отметил В. А. Жуковский.

И еще один маленький секрет, о котором тоже упоминает В. А. Жуковский: басня должна обладать «ясным слогом» и краткостью.

Если ты возьмешься написать басню, у тебя появится прекрасная возможность проверить, насколько подвластен тебе самый гибкий из всех существующих языков – русский. Ну а если вдруг что-нибудь не получится, не огорчайся.

Новелла (рассказ)

Рассказ – один из самых распространенных литературных жанров. За долгое время существования литературы было написано множество рассказов. Их создавали писатели всех стран, во все времена, на самые разные темы. Именно поэтому жанр рассказа очень нелегко описать.

Во-первых, существуют два термина, с помощью которых определяется этот жанр: рассказ и **новелла.** А во-вторых, чаще всего его пытаются выделить по объему произведения, говоря, что это «малый эпический жанр». Такое определение трудно использовать, потому что не совсем понятно, какой же должна быть разница в объеме между «большим» и «малым» жанрами, а кроме того, сказка-то такой же «малый эпический жанр».

Вот видишь, даже у волшебников бывают свои серьезные проблемы. Магия слова – наука очень сложная, и до сих пор между некоторыми учеными идут споры о том, как назвать какое-нибудь явление в литературе и что понимать под тем или другим термином.

Придется тебе учиться решать такие проблемы. Сначала попробуем выяснить, один или два разных жанра называются словами «рассказ» и «новелла».

Тут полезно посмотреть, как обстоит дело в других странах. Должен тебе сказать, что в иностранных языках (английском, французском, итальянском, испанском) существует только один термин, которым жители той или иной страны прекрасно обходятся, хотя читают ту же самую литературу, что и мы с тобой.

Но это еще ни о чем не говорит. Ведь магия слова в нашей стране имеет немало терминов, для которых просто нет параллелей в других языках, потому что в чем-то наш язык богаче, а наука – точнее.

Правда, у русских волшебников слова тоже не всегда было два термина для обозначения интересующего нас жанра. Писатели XIX века прекрасно обходились одним словом – рассказ. Лишь в самом конце столетия появился термин «новелла».

Установить точное различие между жанровыми признаками этих произведений практически невозможно, и вот поэтому я думаю, что у нас существует только один жанр, который следовало бы обозначать одним термином. Мне также кажется, что лучше воспользоваться термином «новелла». Во-первых, словом «рассказ» мы называем не только жанр, но и способ повествования («услышать рассказ о каких-то событиях»), а во-вторых, писателей, создающих свои произведения в этом жанре,

удобнее называть именно новеллистами, а не рассказчиками (второе определение предполагает противопоставление устной речи и письменной).

Не знаю, удалось ли мне убедить тебя, но во всяком случае я начал знакомить тебя с вопросами, которые пока еще не нашли однозначного ответа у наших волшебников.

Что же такое новелла? (Я буду в дальнейшем пользоваться именно этим термином.) Новелла отличается от других жанров отнюдь не своим объемом. Нам известны и очень короткие, и очень длинные новеллы. Новелла отличается тем, что в ее основе лежит описание какого-то одного законченного, завершенного случая. Художественный мир новеллы сгруппирован вокруг конкретного, исчерпывающе изображенного происшествия. В новелле присутствует лишь то, что имеет непосредственное отношение к описываемому происшествию.

В сказке же художественный мир гораздо обширнее и почти всегда включает в себя несколько происшествий, ряд событий.

Я уже имел случай заметить, что новеллы весьма различны. Одни действительно изображают единственное краткое событие, описанное лаконично и точно. В других же, для того чтобы понять, что произошло и чем могло закончиться, автору приходится прибегать к длительным рассуждениям и описаниям, привлекать дополнительный материал. Но все это подчинено объяснению одного-единственного основного события. Например, в этой книге среди прочих ты прочитаешь новеллу Б. Житкова «Механик Салерно». В ней, казалось бы, очень много разнообразных сведений и много эпизодов. Не случайно новелла разделена автором на главки. Но все, что рассказано Б. Житковым, имеет прямое отношение к одному важному событию – пожару на пароходе, и ничего, что не имело бы отношения к этому происшествию, в новелле нет.

Эдгар Аллан По

Э. А. По – американский писатель, живший в первой половине XIX века. За свою небольшую жизнь он успел испытать много горестей, но, несмотря на тяжелые удары судьбы, продолжал верить в безграничные возможности человека. В своих произведениях Э. А. По часто прибегает к фантастике. Он умеет вызывать у своих читателей ужас, а может заставить их весело смеяться.

Писатель был одним из непревзойденных новеллистов и даже написал специальную работу о том, как надо создавать новеллы. В этой работе он отметил, что новеллы должны быть небольшими

по объему, чтобы можно было прочесть сразу, целиком.

> *Как ты думаешь, почему писатель считал, что новеллу следует прочитывать «за один присест»?*

Новелла «Лягушонок», которую ты найдешь в нашей книге, рассказывает о силе духа и верной дружбе двух карликов, оказавшихся в неволе на чужбине. Обрати внимание, как много успевает рассказать По о своих героях в этом небольшом произведении.

> *Чтобы лучше понять произведение, посмотри, как построен рассказ: какой эпизод из жизни героев выбран повествователем и (это очень важно!) кто этот повествователь?*

В «Лягушонке» ты столкнешься со скрытой насмешкой автора. Это очень интересный литературный прием, который называется иронией. Именно ирония используется повествователем, когда он представляет читателю короля и его министров.

> *Как ты полагаешь, зачем для их характеристики используется этот прием? Подумай и над тем, почему Лягушонок решил наказать короля и его министров так жестоко?*

Лягушонок
(Перевод М. Энгельгарда)

Я в жизни своей не знавал такого шутника, как этот король. Он, кажется, только и жил для шуток. Рассказать забавную историю, и рассказать ее хорошо – было вернейшим способом заслужить его милость. Оттого и случилось, что все его семь министров славились как отменные шуты. По примеру своего короля, они были крупные, грузные, жирные люди и неподражаемые шутники. Толстеют ли люди от шуток или сама толщина располагает к шутке – этого я никогда не мог узнать доподлинно, но во всяком случае худощавый шутник – rara avis in terries[5].

Король не особенно заботился об утонченности или, как он выражался, о «духе» остроумия. В шутке ему нравилась главным образом *широта,* и ради нее он готов был пожертвовать *глубиною.* Он предпочел бы «Гаргантюа» Рабле «Задигу» Вольтера[6], и, в общем, ему больше нравились смешные выходки, чем словесные остроты.

В эпоху, к которой относится мой рассказ, профессиональные шуты еще не перевелись при дворах. В некоторых великих континентальных «державах» имелись придворные «дураки», носившие пестрое платье и колпак с погремушками и обязанные отпускать остроты по первому требованию за объедки с королевского стола.

Разумеется, и наш король держал при своей особе «дурака». Правду сказать, он чувствовал потребность в некоторой дозе глупости, хотя бы только в качестве противовеса к утомительной мудрости семи премудрых министров, не говоря уже о его собственной.

Однако его дурак – то есть профессиональный шут – был не *только* дурак. В глазах короля он имел тройную цену, потому что был и карлик и калека. Карлики при тогдашних дворах были явлением столь же обычным, как и дураки; и многие короли не знали бы, как скоротать время (а время при дворе тянется томительнее, чем где-либо), не будь у них возможности посмеяться над шутом или карликом. Но, как я уже заметил, шутники в девяноста девяти случаях из ста тучны, пузаты и неповоротливы, – ввиду этого наш король немало радовался тому, что в лице Лягушонка (так звали шута) обладает тройным сокровищем.

Я не думаю, чтоб имя «Лягушонок» было дано этому карлику восприемниками[7] при крещении, вернее всего, оно было пожаловано ему – с общего согласия семи министров – за его неумение ходить по-людски. Действительно, Лягушонок двигался как-то порывисто – не то ползком, не то прыжками; его походка возбуждала безграничное веселье и немало утешала короля, считавшегося при дворе красавцем, несмотря на огромное брюхо и природную одутловатость лица.

Но хотя Лягушонок мог передвигаться по земле или по полу только с большим трудом, чудовищная сила, которой природа одарила его руки, как бы в возмещение слабости нижних конечностей, позволяла ему проделывать изумительные шутки, когда можно было уцепиться за ветки или веревки или надо было куда-нибудь взобраться. В таких случаях он больше походил на белку или обезьянку, чем на лягушку.

Я не знаю хорошенько, откуда был родом Лягушонок. Во всяком случае, из какой-то варварской страны, о которой никто не слышал, и далекой от двора нашего короля. Лягушонок и молодая девушка, почти такая же карлица, как он (но удивительно пропорционально сложенная и превосходная танцовщица), были оторваны от родных очагов и посланы в подарок королю одним из его непобедимых генералов.

Немудрено, что при таких обстоятельствах между двумя маленькими пленниками возникла тесная дружба. В самом деле, они вскоре сделались закадычными друзьями. Лягушонок, который, несмотря на свои шутки, отнюдь не пользовался популярностью, не мог оказать Трипетте больших услуг, но она благодаря своей грации и красоте пользовалась большим влиянием и всегда готова была пустить его в ход ради Лягушонка.

Однажды, по случаю какого-то важного события – какого именно, не помню, – король решил устроить маскарад или что-нибудь в этом роде, Лягушонку и Трипетте приходилось демонстрировать свои таланты. Лягушонок был очень изобретателен по части декораций, новых костюмов и масок, так что без его помощи решительно не могли обойтись.

Наступил вечер, назначенный для этого fête[8]. Роскошная зала была убрана, под надзором Трипетты, всевозможными эмблемами, способными придать éclat[9] маскараду. Весь двор томился в лихорадке ожидания.

О масках и костюмах всякий сам позаботился нее. Многие приготовили их (в согласии с теми ролями, которые решили взять на себя) за неделю, за месяц; на этот счет ни у кого не было колебаний, кроме короля и семи министров. Почему они медлили, я не могу объяснить, – разве что для шутки, но, вернее, затруднялись придумать что-либо вследствие своей толщины. Однако время уходило, и в конце концов они послали за Лягушонком и Трипеттой.

Когда маленькие друзья явились на зов короля, он сидел со своими министрами в зале совета за бутылкой вина, но, казалось, был в очень дурном расположении духа. Он знал, что Лягушонок не любит вина, так как вино доводило бедного калеку почти до безумия, а безумие совсем неприятно. Но король любил подшутить и потому заставил Лягушонка (как выразилось его величество) «пить и веселиться».

– Поди сюда, Лягушонок, – сказал он, когда шут и его подруга вошли в комнату, – осуши этот стакан за здоровье своих отсутствующих друзей (Лягушонок вздохнул) и помоги нам своей изобретательностью. Нам нужны костюмы, *костюмы,* слышишь, малый, – что-нибудь новое, небывалое. Нам наскучило одно и то же. Ну же, пей! Вино прочистит тебе мозги.

Лягушонок попытался было ответить шуткой на любезности короля, но испытание оказалось слишком трудным. Был как раз день рождения бедного карлика, и приказание выпить за здоровье «отсутствующих друзей» вызвало слезы на его глазах. Тяжелые горькие капли закапали в кубок, когда с поклоном шут принял его из рук тирана.

– А! Ха! ха! ха! – загоготал последний, когда карлик с отвращением осушил кубок. – Вот что значит стакан хорошего вина! Сразу глаза заблестели!

– Бедняга! Его глаза скорее засверкали, чем заблестели, потому что действие вина на его легко возбуждаемый мозг было сильно и мгновенно. Судорожным движением он поставил кубок на стол и обвел присутствующих уже полубезумным взглядом. Все, по-видимому, находили королевскую «шутку» крайне забавной. А теперь к делу, – сказал первый министр, человек очень тучный.

– Да, – подтвердил король, – помоги же нам, Лягушонок! Нам нужны характерные костюмы, милый мой! Нам всем не хватает характера, всем – ха! ха! ха! – И так как он всерьез считал это удачной шуткой, то все семеро принялись вторить его хохоту.

Лягушонок тоже засмеялся, но слабым и довольно бессмысленным смехом.

– Ну же, ну, – сказал король нетерпеливо, – неужели ты не можешь ничего придумать?

– Я стараюсь придумать что-нибудь новое, – ответил карлик почти бессознательно, так как вино совершенно затуманило ему голову.

– Стараешься? – воскликнул король с гневом. – Это еще что? А, понимаю! Тебе грустно оттого, что ты мало выпил. На, пей еще. – С этими словами он снова наполнил кубок до краев и протянул калеке, который только смотрел на него, с трудом переводя дух.

– Пей же, говорят тебе, – гаркнуло чудовище, – или, клянусь всеми чертями…

Карлик медлил. Король побагровел от гнева. Придворные ухмылялись. Трипетта, бледная как мертвец, приблизилась к трону короля и, упав на колени, умоляла пощадить ее друга.

В течение нескольких мгновений тиран глядел на нее вне себя от изумления. Он просто растерялся, не зная, как лучите выразить свое негодование по случаю такой дерзости. Наконец, не проронив ни слова, он оттолкнул ее изо всех сил и выплеснул ей в лицо содержимое кубка.

Бедная девушка кое-как оправилась и, не смея дохнуть, вернулась на свое место в конце стола.

Наступило гробовое молчание, продолжавшееся с полминуты; можно было услышать падение листка или пушинки. Тишина была прервана тихим, но резким и продолжительным скрежетом, который, казалось, раздавался изо всех углов комнаты.

– Что, что, что это за звук? Как ты смеешь скрежетать? – спросил король с бешенством, поворачиваясь к карлику.

По-видимому, опьянение последнего в значительной степени прошло; он спокойно и твердо взглянул на короля и воскликнул:

– Я? Да разве это я?

– Звук идет как будто снаружи, – заметил один из придворных. – Должно быть, это попугай, что висит в клетке за окном, вздумал точить клюв о прутья.

– Правда, – отвечал монарх, успокоенный этим замечанием, – но я готов был поклясться честью рыцаря, что скрипел зубами этот бездельник.

Тут карлик рассмеялся (король был слишком признанным шутником, чтобы рассердиться на чей-либо смех), обнаружив ряд огромных, сильных и безобразных зубов. Мало того, он изъявил готовность пить сколько угодно. Монарх угомонился, и Лягушонок, осушив еще кубок без всяких заметных последствий, тут же с жаром приступил к обсуждению вопроса о маскараде.

– Не могу вам объяснить, в силу какой связи идей, – заметил он совершенно спокойно, точно и не прикасался к вину, – но сейчас же *после того,* как ваше величество ударили девушку и плеснули ей в лицо вином, – сейчас же *после того,* и в ту самую минуту, когда попугай так странно заскрежетал клювом, мне вспомнилась чудесная забава, очень принятая на моей родине, на наших маскарадах, но совершенно неизвестная здесь. К несчастью, для нее требуется восемь человек, и…

Да вот же они! – воскликнул король, радуясь своей остроумной выдумке. – Ровнехонько восемь – я и мои семь министров. Продолжай! Какая же это забава?

– Мы называем ее, – отвечал калека, – *восемь орангутангов в цепях.* И если хорошо разыграть, то зрелище получится презабавное.

– Мы разыграем ее, – заметил король, приосанившись и опуская веки.

– Главная прелесть игры, – продолжал Лягушонок, – в том, что она пугает женщин.

– Превосходно! – проревели хором монарх и министры.

– Я наряжу вас орангутангами, – продолжал Лягушонок, – предоставьте это мне. Сходство будет так поразительно, что все примут вас за настоящих обезьян и, разумеется, будут страшно испуганы и удивлены.

– О, это великолепно! – воскликнул король. – Лягушонок, я награжу тебя по-королевски.

– А цепи своим бряцанием еще увеличат суматоху. Будет пущен слух, что все вы убежали от своих сторожей. Ваше величество может представить себе, какой эффект произведет появление на маскараде восьми орангутангов, которых публика

примет за настоящих, когда они бросятся с диким визгом в толпу разряженных дам и кавалеров. Контраст получится бесподобный.

– Так и сделаем, – сказал король.

Было уже поздно, и поэтому совет немедленно принялся приводить в исполнение выдумку Лягушонка.

Средства, с помощью которых он хотел нарядить всю компанию орангутангами, были очень примитивны, но вполне годились для целей Лягушонка. В то время животные, о которых идет речь, редко привозились в цивилизованные страны; и так как костюмы, придуманные карликом, придавали наряженным в них действительно звероподобный и достаточно отвратительный вид, то публика могла принять их за настоящих обезьян. Прежде всего король и министры надели трико в обтяжку. Затем их вымазали дегтем. Один из них посоветовал употребить перья, но это предложение было отвергнуто карликом, который убедил всех восьмерых, что для шерсти такого зверя, как орангутанг, лучше всего воспользоваться *пенькой.* Густой слой пеньки был налеплен на деготь. Затем достали длинную цепь. Сначала ее обвили вокруг талии короля и заклепали, потом вокруг талии одного из министров и тоже заклепали, – и так далее, пока не сковали друг с другом всех. Когда все ряженые были соединены цепью, то, встав как можно дальше друг от друга – насколько позволяла цепь, – они образовали круг. Дабы усилить правдоподобие, Лягушонок натянул оставшийся конец цепи поперек круга, крест-накрест, как делают в наше время охотники, занимающиеся ловлей шимпанзе и других крупных пород обезьян на Борнео[10]. Большая зала, предназначенная для маскарада, была высокая и круглая, с единственным окном в потолке. Ночью (зала предназначалась преимущественно для ночных увеселений) она освещалась огромной люстрой, висевшей на цепи, прикрепленной в центре окна. Люстру, как обычно, поднимали и опускали с помощью блока, но последний, чтобы не портить вид залы, находился снаружи здания.

Убранство залы было поручено Трипетте, хотя в некоторых частностях она, очевидно, пользовалась указаниями своего более изобретательного друга-карлика. По его совету люстра была снята. Восковые свечи (которые не могли не таять при такой жаре) причинили бы серьезный ущерб роскошным костюмам гостей, ибо в зале было так тесно, что середина ее, прямо под люстрой, тоже не осталась бы пустой. Взамен люстры в различных местах залы – так, чтобы не мешать публике, были поставлены канделябры[11], а в правой руке каждой кариатиды[12] – их было пятьдесят или шестьдесят, высившихся вдоль стен, – укреплен был благовонный факел.

Восемь орангутангов, по совету Лягушонка, терпеливо дожидались полночи (когда зала наполнится гостями). Но лишь только затих бой часов, они разом ворвались, или, скорее, вкатились в залу, ибо из-за цепи все они спотыкались и падали.

Переполох среди гостей был страшный и привел короля в восторг. Как и ожидали, большинство гостей приняло ряженых если не за орангутангов, то, во всяком случае, за каких-то настоящих зверей. Многие дамы попадали в обморок, и, если бы король не запретил являться на маскарад с оружием, веселая компания могла бы поплатиться жизнью за свои проказы. Все тут же кинулись к выходу, но король заранее приказал замкнуть двери, едва ряженые войдут в залу, а карлик предложил отдать ключи ему.

Когда суматоха достигла крайней степени и каждый думал только о своем спасении (так как давка, начавшаяся среди обезумевшей толпы, *действительно* угрожала опасностью), цепь, на которой висела люстра и которая была поднята к потолку, мало-помалу опустилась так, что конец ее, загнутый в виде крюка, оказался на расстоянии трех футов от пола.

Вскоре после этого король и его семеро товарищей, кружившие по зале, в конце концов очутились на ее середине, под самой цепью. Лишь только они очутились здесь, карлик с молниеносной быстротой подцепил их крюком в том месте, где пересекались две поперечные цепи. В ту же минуту какая-то невидимая сила подняла цепь от люстры и вместе с нею орангутангов, повисших рядком, лицом к лицу.

Тем временем гости несколько оправились от первого испуга и, сообразив, что это только ловко разыгранная шутка, захохотали при виде комического положения обезьян.

– Предоставьте их *мне,* – завизжал Лягушонок, покрывая своим пронзительным голосом даже эту суматоху. – Предоставьте их *мне.* Кажется, я знаю их! Дайте только взглянуть на них, и я скажу вам, кто они!

Тут он пробрался по головам зрителей к стене, выхватил факел у одной из кариатид, вернулся обратно, прыгнул с ловкостью обезьяны на голову королю, вскарабкался по цепи и, очутившись над орангутангами, осветил их факелом, продолжая восклицать:

– Сейчас я узнаю, кто они!

Внезапно, когда толпа и сами орангутанги помирали со смеху, он пронзительно свистнул – и цепь быстро поднялась футов[13] на тридцать, увлекая за собой испуганных, барахтавшихся обезьян, повисших между полом и потолком. Лягушонок, поднимавшийся вместе с цепью, оставался на

прежнем расстоянии от восьми ряженых и по-прежнему (будто ничего не случилось) освещал их факелом, точно старался рассмотреть, кто они.

Публика была так поражена этим подъемом, что на минуту водворилось гробовое молчание. Оно было нарушено тихим, резким, скрежещущим звуком – таким же, как тот, что поразил слух короля и его министров, когда король выплеснул вино в лицо Трипетте. Но теперь нечего было и спрашивать, *откуда* он исходит. Его издавали страшные зубы карлика, который с пеной у рта скрипел и скрежетал ими, устремив бешеный взгляд на обращенные вверх лица короля и его семи министров.

– Ха, ха! – захохотал вдруг разъяренный шут. – Ха! Ха! Я начинаю узнавать этих людей!

Тут, как бы желая получше рассмотреть короля, он поднес факел к его пеньковой одежде, и она мгновенно вспыхнула ярким пламенем. Не прошло и минуты, как все восемь орангутангов уже пылали – при криках толпы, которая в ужасе смотрела на них снизу, бессильная оказать им какую-либо помощь.

Усиливавшееся пламя заставило карлика взобраться повыше, и, пока он поднимался по цепи, толпа опять на мгновение смолкла. Воспользовавшись этим, карлик снова крикнул:

– Теперь я вижу *ясно,* что за люди – эти ряженые. Это великий король и его семь советников! Король, который не постыдился ударить беззащитную девушку, и семь его советников, которые одобрили эту выходку! А я – я просто Лягушонок, шут, и *это моя последняя шутка.*

Пенька и смола воспламеняются быстро, и мщение карлика завершилось прежде, чем он успел докончить свои слова. Восемь тел висели на цепи – смрадная, черная, отвратительная, неразличимая масса. Калека швырнул в них факел, взобрался по цепи на потолок и исчез в окне наверху. Полагают, что Трипетта, находившаяся на крыше, помогала своему другу в его огненной мести и что они бежали на родину, так как с тех пор их никто не видел.

Вопросы и задания

1. Какое событие в жизни героев становится темой новеллы?

2. Как в новелле объясняется жестокость мести Лягушонка?

3. Почему короля и его министров наряжают именно

орангутангами?

4. Для чего автор описывает внешнее безобразие Лягушонка?

5. Как строится повествование в этой новелле и какова в ней роль повествователя?

6. Какую роль в новелле играет образ Трипетты?

7. Что можно сказать об образе повествователя и его отношении к повествуемому?

8. Какой литературный прием использует автор, когда рассказывает о «шутках» короля?

9. Какую роль в новелле играет портрет (описание внешности) короля?

10. Используется ли в этой новелле фантастика?

11. Подготовься к выразительному чтению диалогов короля с Лягушонком.

12. Выскажи свою точку зрения на то, что можно назвать жестокостью в этом произведении.

Лев Николаевич Толстой

Лев Николаевич Толстой – гордость не только русской, но и мировой литературы. Его повести «Хаджи Мурат», «Казаки», «Крейцерова соната», романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», многочисленные новеллы переведены почти на все языки мира и читаются в самых отдаленных уголках земного шара. Всю свою жизнь Л. Н. Толстой искал ответ на вопрос о смысле человеческой жизни.

Писателя очень интересовала жизнь детей, особенно крестьянских. Он считал, что каждый человек должен получить хорошее образование, поэтому в своем имении Ясная Поляна открыл школу. Сам преподавал в этой школе и для своих учеников написал «Азбуку» и «Новую азбуку». В эти книжки вошли небольшие рассказы, соединяющие в себе черты новеллы и басни.

Впоследствии писатель создал четыре тома «Русской книги для чтения», куда вошли более ста сказок, новелл и басен. Многие из них тебе хорошо известны: «Три медведя», «Филиппок», «Косточка», «Прыжок», «Акула», «Лев и собачка». В четвертом томе «Русской книги для чтения» помещен «Кавказский пленник». В этом произведении удивительно емко представлены быт и нравы горцев Кавказа, кратко и точно описаны картины природы тех мест. В центре повествования героический характер русского офицера Жилина, попавшего в плен к горцам.

В «Кавказском пленнике» важное место занимает образ

девочки Дины, первой почувствовавшей доброту и силу характера Жилина. Писатель показывает, как складываются отношения между находящимся в заточении русским офицером и татарской девочкой.

Задумайся, почему Дина почувствовала симпатию к человеку, которого все в ауле считают врагом. Как Л. Н. Толстой показывает отношение девочки к Жилину?

Тебе следует обратить внимание еще на один характер в «Кавказском пленнике». Это русский офицер Костылин.

Как ты думаешь, зачем он введен в повествование? Случайно ли дана ему автором именно эта фамилия? (Кстати, подумай и о значении фамилии Жилин.) Какие слова выбирает писатель, чтобы вызвать у читателя определенное отношение к каждому из офицеров?

Прочитав «Кавказского пленника», попытайся объяснить, что такое «героический характер».

Кавказский пленник
Быль

1

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с Богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «Ив самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придется увидать. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые

солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в средине едет народ. Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо: то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят – дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. – А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

– А ружье заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

– Что смотреть? Поедем вперед. Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотницкая (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил), крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь – а перед самым им, на десятину места[14], стоят татары верхами, человек тридцать. Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружье! – а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнешься – пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, вместо того чтобы подождать, только увидал

татар – закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит – близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нему сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, – да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах, и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги[15] запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, – до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, – на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать. Она все бьется, – он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепанулась, и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие подсадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнем за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татарином, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, – да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали еще речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул[16]. Послезали с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали каменьями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришел ногаец[17] скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принес работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лег.

2

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит – в щелке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щелку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щелки дорога – под гору идет, направо сакля[18] татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит – из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской[19], в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин, вчерашний с красной бородой, в бешмете[20] шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп[21] мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щелку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает – хоть бы

пришли проведать. Слышит – отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смеется. Одет черноватый еще лучше: бешмет шелковый синий, галунчиком обшит; кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый – быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит – подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает, все приговаривает: «Корошо урус! корошо урус!»

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!»

Черный смеется. «Корош урус», – все по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, крикнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие, с высокими каблуками; на шее монисто[22], все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, а в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает – смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец и говорит,

– Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногайцем. Видит –

деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, все говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – все в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток[23], и весь перед ним угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил черный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковер, а на голый пол, залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядком, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

– Тебя, – говорит, – взял Кази-Мугамед, – сам показывает на красного татарина, – и отдал тебя Абдул-Мурату, – показывает на черноватого. – Абдул-Мурат теперь твой хозяин. – Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и все показывает на Жилина, и смеется, и приговаривает: «Солдат урус, корошо урус».

Переводчик говорит: «Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит». Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары, переводчик и говорит:

– Три тысячи монет.

– Нет, – говорит Жилин, – я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, – все думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: «Сколько же ты дашь?»

Жилин подумал и говорит: «Пятьсот рублей».

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощелкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

– Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, – думает Жилин, – с ними что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил черный, подошел к Жилину.

– Урус, – говорит, – джигит, джигит урус! Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

– Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: «Больше пятисот рублей не дам. А убьете – ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришел работник, и идет за ним человек какой-то толстый, босиком и ободранный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин – узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружье осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевел переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

– Вот, – говорит Жилину, – ты все серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо, и обижать не будут. Жилин и говорит:

– Товарищ как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, – говорит, – как сказал, так и будет. Хотите убивайте – пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

– Погоди еще, – говорит Жилин переводчику, – скажи ты ему, чтобы он нас кормил хорошо, одел-обул как следует, чтоб держал вместе – нам веселей будет, и чтобы колодку снял. – Сам смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин. Выслушал и говорит:

– Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе – пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять – уйдут. На ночь только снимать буду. – Подскочил, треплет по плечу. – Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, чтобы не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

3

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется. – «Твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош». – А кормил плохо – только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто непеченое. Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст – и сам выберусь».

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Дина увидала куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит: что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на

нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, – отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, «хорошо», – говорит. Как взрадуется Дина! – Хорошо, Иван, хорошо! – вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

С тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, – так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, – так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки; где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил[24], а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, одел он кукол: одна – мужик, другая – баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

– Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

– Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принес ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, – и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружье или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «Поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, – когда нужно, кличут: «Иван, Иван!»; а которые все, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин, только когда он в мечеть[25] приходил Богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, бородка и усы подстрижены – белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идет, бывало, в чалме[26] своей, костылем подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернется.

Пошел раз Жилин под гору – посмотреть, где живет старик. Сошел по дорожке – видит садик, ограда каменная; из-за ограды – черешни, шепталы[27] и избушка с плоской крышей. Подошел он ближе; видит – ульи стоят, плетенные из соломы, и пчелы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся – как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеется и спрашивает:

– Зачем ты к старику ходил?

– Я, – говорит, – ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, машет руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку[28] —Богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеется, сам приговаривает по-русски: «Твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!»

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, – думает, – мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул на гору – хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

– Не ходи! Отец не велел. Сейчас народу позову! Стал его Жилин уговаривать.

– Я, – говорит, – далеко не уйду – только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти – ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору – не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни[29], за горой, лощина, табун ходит и аул другой в низочке виден. От аула другая гора – еще круче, а за той горой еще гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы все выше и выше поднимаются. А выше всех – белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат – все такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, – думает, – это все ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, – бабы сидят, полоскают.

За аулом, пониже, гора, и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, и на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых – алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться – маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое – крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно – мулла[30] прокричал. Стадо гонят – коровы ревут. Малый все зовет: «Пойдем», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, – думает Жилин, – теперь место

знаю; надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные – ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они – гонят с собою скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары[31] за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

– Алла! (значит, Бог). – Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

– Алла! – и все повторили: «Алла!» – и опять замолчали. Мертвый лежит на траве, не шелохнется, и они сидят как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветра поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки да под лытки[32], перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил нагаец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сравняли, а в голову к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилой. Долго молчали.

– Алла! Алла! Алла! – Вздохнули и встали. Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

Наутро видит Жилин – ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, – ручищи здоровые, – вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать – кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал; только Абдул дома остался. Месяц

только народился, ночи еще темные были.

«Ну, – думает Жилин, – нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

– Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

– Я знаю дорогу.

– Да и не дойдем в ночь.

– А не дойдем – в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо – пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые – за то, что ихнего русские убили. Поговаривают – нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

– Ну, пойдем.

5

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтобы и Костылину пролезть, и сидят они – ждут, чтобы стихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была – пестрая собака, и злая-презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин – забрехал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услыхал, загайкал из сакли: «Гайть! Гайть! Уляшин!»

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом машет. Посидели они за углом. Затихло все; только слышно, овца перхает[33] в закуте[34] да низом вода по камушкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц закраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат – запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» Значит – пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

– Ну, с Богом! – Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки – стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Подпрыгивает с камушка на камушек да на звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

– Тише, – говорит, – иди: сапоги проклятые, все ноги стерли.

– Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком – еще того хуже: изрезал все ноги по камням и все отстает. Жилин ему говорит:

– Ноги обдерешь – заживут, а догонят – убьют – хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат – вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

– Эх, – говорит, – ошиблись мы – вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо давлево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все.

– Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес. Костылин все отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет.

Поднялись на гору. Так и есть – лес. Вошли в лес – по колючкам изодрали все платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

– Стой! – Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они – опять затопало. Они остановятся – и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге – стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло – слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку – как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:

– Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж Высожары[35] спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, – не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих – верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночь – не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

– Как хочешь, а я не дойду, – у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

– Нет, – говорит, – не дойду, не могу. Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

– Так я же один уйду, – прощай!

Костылин вскочил, пошел. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звезды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топает лошадь. Слышно – подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

– Так и есть, – сюда, к нам, конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит – верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин, Жилин вернулся к Костылину:

– Ну, пронес Бог, вставай, пойдем. Стал Костылин вставать и упал.

– Не могу, – ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел, да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, – он и рассолодел[36].

Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

– Ой, больно! Жилин так и обмер.

– Что кричишь? Ведь татарин близко – услышит. – А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

– Ну, – говорит, – вставай, садись на закорки, снесу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

– Только, – говорит, – не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтобы повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услыхал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил – не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

– Ну, – говорит Жилин, – пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три – пропали. – А сам думает на Костылина: «И черт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел».

Костылин говорит:

– Иди один, что тебе из-за меня пропадать.

– Нет, не пойду, не годится товарища бросать. Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с версту. Все лес идет, и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звезд. Измучился Жилин.

Пришел, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

– Дай, – говорит, – отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить – слышит: затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат – трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары – тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три – встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул. Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «Надо убить». Абдул спорит, говорит: «Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «Ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить – и кончено».

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

– Если, – говорит, – мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, я тебя, как собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвезли за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

6

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непеченое, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всем теле стала; и все стонет или спит. И Жилин приуныл, видит – дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли

Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин – затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырные лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит:

– Иван! Тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко. Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, – что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла. Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?»

Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не всходил. Мулла прокричал, затихло все. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил – шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх – звезды высоко на небе блестят; и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» – а сама руками у лица все машет, – что «тише, мол».

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома. Жилин и говорит:

– Ну, Костылин, пойдем попытаемся в последний раз; я тебя

подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

– Нет, – говорит, – уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

– Ну, так прощай, не поминай лихом. – Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез, два он обрывался, – колодка мешала. Поддержал его Костылин, – выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий – никак не собьет, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко подпрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит: – Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, – ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит – налево за горой зарево красное загорелось, месяц встает. «Ну, – думает, – до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина: шарит по нем руками, ищет – куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно – монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошел по дороге, – ногу волочит, а сам все на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямиком идти верст восемь. Только бы до лесу дойти, прежде чем месяц совсем выйдет. Перешел он речку, – побелел уже свет за горой. Пошел лощиной, – идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны лощины все светлее, светлее становится. Ползет под гору тень, все к нему приближается.

Идет Жилин, все тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, – бело, светло совсем,

как днем. На деревах все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло все. Только слышно – внизу речка журчит. Дошел до лесу – никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепешку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил, – ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, – думает, – буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет – лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шел. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услыхал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошел. «Ну, – думает, – еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошел тридцать шагов, видит – лес кончается. Вышел на край – совсем светло, как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близехонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется и люди у костров.

Вгляделся – видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошел под гору. А сам думает: «Избави Бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумал – глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его – пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши – выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

– Братцы! братцы! братцы! Казаков человек пятнадцать было. Испугались татары, – не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: кто он, что за человек, откуда? А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним все дело было, и говорит:

– Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только еще через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Вопросы и задания

1. Сопоставь характеры Жилина и Костылина.

2. Почему, находясь в плену, Жилин постоянно что-то мастерит?

3. Какова роль Дины в этом произведении?

4. Почему Дина помогала Жилину?

5. Как писатель изображает горский аул?

6. Какую роль в данном произведении играют пейзажи?

7. Охарактеризуй тон повествования.

8. Какая форма условности лежит в основе этого произведения?

9. Определи жанр произведения и укажи его признаки.

10. Сформулируй тему произведения.

11. Подготовь выразительное чтение понравившегося отрывка.

12. Подготовь сообщение о значении подзаголовка «Быль».

Борис Степанович Житков

Б. С. Житков был одним из родоначальников современной литературы для детей. Для детских радиопередач он придумал образ Алеши Почемучки. Им написано немало новелл, со многими из которых знакомятся еще в детском саду: «Мангуста», «Про обезьянку» и другие.

Стремясь помочь маленькому человеку познать окружающий его мир и ответить на многочисленные «что?», «где?» и «почему?», он создает ряд научно-художественных книг: «Что я видел», «Про эту книгу», «Пароход».

Прежде чем начать писать, Б. С. Житков был моряком, и море часто описывается в его произведениях. Действие новеллы «Механик Салерно» также происходит на море. Новеллистическая основа этого произведения – пожар на пароходе. Писатель последовательно раскрывает перед читателем причины пожара,

его начало, действия команды, спасение пассажиров и гибель парохода. Кажется, что все внимание сосредоточено на внешних проявлениях опасности и на состоянии корабля, однако главное для писателя – поведение людей.

Как ты думаешь, случайно или закономерно спасение экипажа и пассажиров? Что ты можешь сказать о характере повествователя по его речи?

Механик Салерно

I

Итальянский пароход шел в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шел с вахты спать. Он шел по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шел он босиком. И вот голую подошву жжет. Будто идешь по горячей плите. «Что такое? – подумал кочегар. – Дай проверю рукой. – Он нагнулся, пощупал. – Так и есть, очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошел сказать механику. Механик спал в каюте. Раскинулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснул».

Кочегар забоялся и пошел к себе. По дороге еще раз тронул палубу. И опять показалось – вроде горячая.

II

Кочегар лег на койку и все не мог уснуть. Все думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как в духовке. И все жарче, жарче казалось. Глянул кругом – все товарищи спят, а двое в карты играют. Никто ничего не чует. Он спросил игроков:

– Ничего, ребята, не чуете?

– А что? – говорят.

– А вроде жарко. Они засмеялись:

– Что ты, первый раз? В этих местах всегда так. А еще старый моряк!

Кочегар крякнул и повернулся на бок. И вдруг в голове ударило: «А что, как беда идет? И наутро уже поздно будет? Все пропадем. Океан кругом на тысячи верст. Потонем, как мыши в ведре».

Кочегар вскочил, натянул штаны и выскочил наверх. Побежал по палубе. Она ему еще горячей показалась. С разбегу стукнул механику в двери. Механик только мычал да пыхтел. Кочегар вошел и потолкал в плечо. Механик нахмурился, глянул сердито, а как увидел лицо кочегара, крикнул:

– Что случилось? – и вскочил на ноги. – Опять там подрались?

А кочегар схватил его за руку и потянул вон. Кочегар шепчет:

– Попробуйте палубу, синьор Салерно.

Механик головой спросонья крутит – все спокойно кругом. Пароход идет ровным ходом. Машина мурлычет мирно внизу.

– Рукой палубу троньте, – шепчет кочегар; схватил механика за руку и прижал к палубе.

Вдруг механик отвернул руку.

– Ух, черт, верно! – сказал механик шепотом. – Стой здесь, я сейчас.

Механик еще два раза пощупал палубу и ушел быстро наверх.

III

Верхняя палуба шла навесом над нижней. Там была каюта капитана.

Капитан не спал. Он прогуливался по верхней палубе. Поглядывал за дежурным помощником, за рулевым, за огнями.

Механик запыхался от скорого бега.

– Капитан, капитан! – говорит механик.

– Что случилось? – и капитан придвинулся вплотную, глянул в лицо механику и сказал: – Ну, ну, пойдемте в каюту.

Капитан плотно запер дверь. Закрыл окно и сказал механику:

– Говорите тихо, Салерно. Что случилось? Механик перевел дух и стал шептать.

– Палуба очень горячая. Горячей всего над трюмом, над средним. Там кипы с пряжей и эти бочки.

– Тсс! – сказал капитан и поднял палец. – Что в бочках, знаем вы да я. Там, вы говорили, хлористая соль? Не горючая? – Салерно кивнул головой. – Вы сами, Салерно, заметили или вам сказали? – спросил капитан.

– Мне сказал кочегар. Я сам пробовал рукой. – Механик тронул рукой пол. – Вот так. Здорово…

Капитан перебил:

– Команда знает? Механик пожал плечами.

– Нельзя, чтобы знали пассажиры. Их двести пять человек. Начнется паника. Тогда мы все погибнем раньше, чем пароход. Надо сейчас проверить.

Капитан вышел. Он покосился на пассажирский зал. Там ярко горело электричество. Нарядные люди гуляли мимо окон по палубе. Они мелькали на свету, как бабочки у фонаря. Слышен был веселый говор. Какая-то дама громко хохотала.

IV

– Идти спокойно, – сказал капитан механику. – На палубе ни звука о трюме. Где кочегар?

Кочегар стоял, где приказал механик.

– Давайте градусник и веревку, Салерно, – сказал капитан и закурил.

Он спокойно осматривался кругом. Какой-то пассажир стоял у борта.

Капитан зашагал к трюму. Он уронил папироску. Стал поднимать и тут пощупал палубу. Палуба была нагрета. Смола в пазах липла к руке. Капитан весело обругал окурок, кинул за борт.

Механик Салерно подошел с градусником на веревке.

– Пусть кочегар смерит, – приказал капитан шепотом.

Пассажир перестал глядеть за борт. Он подошел и спросил больным голосом:

– Ах, что это делают! Зачем, простите, эта веревка? Веревка, кажется? – И он стал щупать веревку в руках кочегара.

– Ну да, веревка, – сказал капитан и засмеялся. – Вы думали, змея? Это, видите ли… – Капитан взял пассажира за пуговку. – Иди, – сказал капитан кочегару. – Это, видите ли, – сказал капитан, – мы всегда в пути мерим. В палубы идет труба до самого дна.

– До дна океана? Как интересно! – сказал пассажир.

«Он дурак, – подумал капитан. – Это самые опасные люди».

А вслух рассмеялся:

– Да нет! Труба до дна парохода. По ней мы узнаем, много воды в трюме или нет. Капитан говорил сущую правду. Такие трубы были у каждого трюма.

Но пассажир не унимался.

– Значит, пароход течет, он дал течь? – вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче:

– Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Ее нарочно запасают.

– Ай, значит, мало осталось! – И пассажир заломил руки.

– Целый океан! – И капитан показал за борт.

Он повернулся и пошел прочь. Впотьмах он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полоску брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал у трюма.

V

– Ну, сколько? – спросил капитан. Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

– Да говорите, черт вас дери! – крикнул капитан.

– Шестьдесят три, – еле выговорил Салерно. И вдруг сзади голос:

– Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый. Тот самый, в роговых очках.

– Мадонна путана! – выругался капитан и сейчас же сделал веселое лицо. – Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверху веселее. Вы поссорились там?

– Я нелюдим, я всегда здесь один, – сказал длинный пассажир.

– Капитан взял его под руку. Они пошли, а пассажир все спрашивает: Неужели шестьдесят? Боже мой! Шестьдесят? Это ведь правда?

– Чего шестьдесят? Вы еще не знаете чего, а расстраиваетесь. Шестьдесят три сантиметра. Этого вполне хватит на всех.

– Нет, нет! – мотал головой пассажир. – Вы не обманете! Я чувствую.

– Выпейте коньяку и ложитесь спать, – сказал капитан и пошел наверх. – Такие всегда губят, – бормотал он на ходу. – Начнет болтать, поднимет тревогу. Пойдет паника.

Много случаев знал капитан. Страх – это огонь в соломе. Он охватит всех. Все в один миг потеряют ум. Тогда люди ревут по-звериному. Толпой мечутся по палубе. Бросаются сотнями к шлюпкам. Топорами рубят руки. С воем кидаются в воду. Мужчины с ножами бросаются на женщин. Пробивают себе дорогу. Матросы не слушают капитана. Давят, рвут пассажиров. Окровавленная толпа бьется, ревет. Это бунт в сумасшедшем доме.

«Этот длинный – спичка в соломе», – подумал капитан и пошел к себе в каюту. Салерно ждал его там.

VI

– Вы тоже! – сказал сквозь зубы капитан. – Выпучили глаза – утопленник! А этого болвана не увидели? Он суется, носится за мной. Нос свой тычет, тычет, – капитан тыкал пальцем в воздух. – Он всюду, всюду! А нет его тут? – И капитан открыл двери каюты.

– Белые брюки шагнули в темноте. Стали у борта. Капитан

запер дверь. Он показал пальцем на дверь и сказал зло: Тут, тут, вот он. Говорите шепотом, Салерно. Я буду напевать.

– Шестьдесят три градуса, – шептал Салерно. – Вы понимаете? Значит…

– Градусник какой? – шепнул капитан и снова замурлыкал песню.

– С пеньковой кистью. Он не мог нагреться в трубе. Кисть была мокрая. Я быстро подымал и тотчас глянул. Пустить, что ли, воду в трюм?

Капитан вскинул руку:

– Ни за что! Соберется пар, взорвет люки. Кто-то тронул ручку двери.

– Кто там? – крикнул капитан.

– Можно? Минуту! Один вопрос! – Из-за двери всхлипывал длинный пассажир.

Капитан узнал голос.

– Завтра, дружок, завтра, я сплю! – крикнул капитан.

Он плотно держал дверь за ручку. Прошла минута. Капитан шепотом приказал Салерно:

– Первое: дайте кораблю полный ход. Не жалейте ни котлов, ни машины. Пусть ее хватит на три дня. Надо делать плоты. Вы будете распоряжаться работой. Идемте к матросам.

Они вышли. Капитан осмотрелся. Пассажира не было. Они спустились вниз. На нижней палубе беспокойно ходил пассажир в белых брюках.

– Салерно, – сказал капитан на ухо механику, – занимайте этого идиота чем угодно! Чем хотите! Играйте с ним в чехарду! Анекдоты! Врите! Но чтобы он не шел за мной! Не спускайте глаз!

Капитан зашагал на бак. Спустился в кубрик к матросам. Двое быстро смахнули карты на палубу.

– Буди всех! Всех сюда! – приказал капитан. – Только тихо. Вскоре в кубрик собралось восемнадцать кочегаров и матросов. С тревогой глядели на капитана. Молчали, не шептались.

– Все? – спросил капитан.

– Остальные на вахте, – сказал боцман.

VII

– Военное положение! – крепким голосом сказал капитан.

Люди глядели и не двигались.

– Дисциплина – вот. – И капитан стукнул револьвером по столу. Обвел всех глазами. – На пароходе пожар.

Капитан видел: бледнеют лица.

– Горит в трюме номер два. Тушить поздно. До опасности осталось три дня. За три дня сделать плоты. Шлюпок мало. Работу покажет механик Салерно. Его слушаться. Пассажирам говорить так: капитан наказал за игру и драки. Сболтни кто о пожаре – пуля на месте. Между собой об этом ни слова. Поняли?

Люди только кивали головами.

– Кочегары! – продолжал капитан. – Спасенье в скорости: не жалеть сил!

Капитан поднялся на палубу. Глухо гудели внизу матросы. А впереди капитан увидал: Салерно стоял перед пассажиром. Старик-механик выпятил живот и покачивался.

– Уверяю вас, дорогой мой, слушайте, – пыхтел механик, – уверяю, это в Алжире… ей-богу…и арапки… танец живота… Вот так!

Пассажир мотал носом и вскрикивал:

– Не верю, ведь еще семь суток плыть!

Клянусь мощами Николая-чудотворца! – механик задыхался и вертел животом. – Поймал, поймал! – весело крикнул капитан. Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

– Все там играли в карты. И все передрались. Это от безделья. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездельники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пилят. Куют. Идите, Салерно. По горячему следу. Застегните китель.

VIII

– Идемте, синьор. Вы мне нравитесь… – Капитан обхватил пассажира за талию.

– Нет, я не верю, – говорил пассажир упрямо, со слезами. – У нас есть пассажир. Он – бывший моряк. Я его спрошу. Что-то случилось. Вы меня обманываете.

Пассажир рвался вперед.

– Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

– Я скажу. Вы правы – случилось, – сказал тихо капитан. – Станемте здесь. Тут шумит машина. Нас не услышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

– Я вам объясню подробно, – начал капитан. – Видите вы вон там, – капитан перегнулся за борт, – вон вода бьет струей? Это из машины за борт.

– Да, да, – сказал пассажир, – теперь вижу. Он тоже глядел вниз. Придерживал очки.

– Ничего не замечаете? – сказал капитан.

Пассажир смотрел все внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком запрокинул вверх и толкнул за борт. Пассажир перевернулся через голову. Исчез за бортом. Капитан повернулся и пошел прочь. Он достал сигару, отгрыз кончик. Отплюнул на сажень. Ломал спички, пока закуривал.

IX

Капитан пошел наверх и дал распоряжение: повернуть на север. Он сказал старшему штурману:

– Надо спешить на север. Туда, на большую дорогу. Тем путем ходит много кораблей. Там можно скорее встретить помощь.

Машина будто встрепенулась. Она торопливо вертела винт. Пароход заметно вздрагивал. Он мелко трясся корпусом – так сильно вертела машина.

Через час Салерно доложил капитану:

– Плоты готовят. Я велел ломать деревянные переборки. Сейчас машина дает восемьдесят два оборота. Предохранительные клапаны на котлах заклепаны. Если котлы выдержат… – И Салерно развел руками.

– Тогда постарайтесь дать восемьдесят пять оборотов. Только осторожно, Салерно. Машина сдаст, и мы пропали. Люди спокойны?

– Они молчат и работают. Пока что… их нельзя оставлять. Там второй механик. Третий – в машине. Фу!

Салерно отдувался. Он снял шапку. Сел на лавку. Замотал головой. И вдруг вскочил:

– Я смерю сколько градусов.

– Не сметь! – оборвал капитан.

– Ах да, – зашептал Салерно, – этот идиот! Где он? – И Салерно огляделся.

Капитан не сразу ответил.

– Спит. – Капитан коротко свистнул в свистоки приказал вахтенному. – Третьего штурмана ко мне!.. Слушайте, Гропани, вам двадцать пять лет…

– Двадцать три, – поправил штурман.

– Отлично, – сказал капитан. – Вы можете прыгать на одной ножке? Ходить колесом? Сколько есть силы, забавляйте пассажиров! Играйте во все дурацкие игры! Чтобы сюда был слышен ваш смех! Ухаживайте за дамами. Вываливайте все ваши

глупости. Кричите петухом. Лайте собакой. Мне наплевать. Третий механик вам в помощь, на весь день. Я вас научу, что врать.

– А вахта? – И Гропани хихикнул.

– Это и есть ваша вахта. Всю вашу дурость сыпьте. Как из мешка. А теперь спать!

– Есть! – сказал Гропани и пошел к пассажирам.

– Куда? – крикнул капитан. – Спать!

X

Капитан не спал всю ночь. Под утро приказал спустить градусник. Градусник показал 67. «Восемьдесят пять оборотов», – доложили из машины. Пароход трясся, как в лихорадке. Волны крутым бугром расходились от носа.

Солнце взошло справа. Ранний пассажир вышел на палубу. Посмотрел из-под руки на солнце. Вышел толстенький аббат в желтой рясе. Они говорили. Показывали на солнце. Оба пошли к мостику.

– Капитан, капитан! Ведь солнце взошло справа, оно всходило сзади, за кормой. Вы изменили курс. Правда? – говорили в два голоса и пассажир и священник.

Гропани быстро взбежал наверх.

– О, конечно, конечно! – говорил Гропани. – Впереди Саргассово море. Не знаете? Это морской огород. Там водоросли, как змеи. Они опутают винт. Это прямо похлебка с капустой. Вы не знали? Мы всегда обходим. Там завязло несколько пароходов. Уж много лет.

Пожилая дама в утреннем платье вышла на голоса.

– Да, да, – говорил Гропани, – там дамы хозяйничают как у себя дома.

– А есть-то что? – спросила дама.

– Рыбу! Они ловят рыбу! – спешил Гропани. – И чаек. Они чаек наловили. Они у них несутся. Цыплят выводят. Как куры. И петухи кричат: «Ку-ка-ре-ку!»

– Вздор! Вздор! – смеялась дама.

А Гропани бил себя в грудь и кричал:

– Клянусь вам всеми спиртными напитками! Пассажиры выходили на палубу. Вертлявый испанец суетился перед публикой.

– Господа, пока не жарко, партию в гольд! – кричал он по-французски и вертел черными глазами.

– Будьте мужчиной, – говорил испанец и тряс за руку

Гропани, – приглашайте дам!

– Одну партию до кофе! Умоляйте! – Испанец стал на колени и смешно шевелил острыми усами.

– Вот так и будете играть, – крикнул Гропани, – на коленях!

– Да! Да! На коленях! – закричали дамы.

Все хохотали. Испанец делал рожи, смешил всех и кричал:

– Приглашайте дам!

Гропани поклонился аббату и сделал руку кренделем:

– Прошу.

Аббат замахал рукой.

– Ах, простите, я близорук.

Всем стало весело. Кто-то притащил клюшки и большие шашки. Началась игра; на палубе начертили крестики. Клюшками толкали шашки.

XI

– Сегодня особенно трясет, – вдруг сказал испанец. – Я чувствую коленками. Не правда ли?

Все минуту слушали.

– Да вы посмотрите, как мы идем! – крикнул Гропани.

Публика хлынула к борту.

– Это секрет, секрет, – говорил Гропани; он поднял палец и прищурил глаз.

– Матео! – крикнул Гропани вниз. – Скорей, скорей, бегом!

Третий механик быстро появился снизу. Он был маленький, черный. Совсем обезьяна. Он бежал легко, семенил ножками.

– Гоп! – крикнул Гропани, и механик с разбегу прыгнул через испанца.

Все захлопали в ладоши.

– Слушай, секрет можно сказать? – спросил Гропани. – Нам не влетит?

– Беру на себя, – сказал маленький механик и улыбнулся белыми зубами на темном лице.

Все обступили моряков. Испанец вскочил с колен.

– Наш капитан, – начал тихим голосом механик, – через два дня именинник. Он всегда останавливает пароход. Все выходят на палубу и должны поздравлять старика. Часа три стоим все, поздравляем, все равно, даже в шторм. Вот он и велит гнать. А то опоздает в порт. Чудачина-старичина! И катанье какое-то затевает, морской пикник, – совсем тихо прибавил механик. – Только чур, молчок! – И он волосатой рукой прикрыл рот.

– Ох, интересно, – говорили дамы. Буфетчик звонил к кофе.

Механик и Гропани отошли к борту. У нас в кочегарке, – быстрым шепотом сказал механик, – переборка нагрелась – рука не терпит. Как утюг. Понимаешь?

– А трюм нельзя открыть, – сказал Гропани. – Войдет воздух, и сразу все вспыхнет.

– Как думаешь, продержимся два дня? Как думаешь? – Механик глянул в самые глаза Гропани.

– Пожар, можем задохнуться в своем дыму, – сказал Гропани, – а впрочем, черт его знает.

Они пошли на мостик. Капитан их встретил.

– Идите сюда, – сказал капитан.

Он потащил механика за руку. В каюте он показал ему рулетку, новенькую, блестящую.

– Вот шарик. – Капитан поднес шарик к носу механика. – Пусть крутят, бросают шарик, пусть играют на деньги. Говорите – это по секрету от капитана. Тогда они будут сидеть внизу. Мужчины хотя бы… Дамы ничего не заметят. Возьмите, не потеряйте шарик! – И капитан ткнул рулетку механику.

Третий механик вышел на палубу. Официанты играли на скрипках. Две пары уже танцевали.

XII

Команда работала и разбирала эмигрантские нары. Под палубой было жарко и душно. Люди разделись, мокрые от пота.

– Ни минуты, ни секунды не терять! – говорил старик Салерно; он помогал срывать толстые брусья. – Потом покурите, потом! – пыхтел старик.

– Ну, чего стал? – крикнул Салерно молодому матросу.

– Вот оттого и стал! – во всю глотку крикнул молодой матрос.

– Все на миг бросили работу. Все глядели на матроса и Салерно. Стало тихо. И стало слышно веселую музыку. Ты это что же? – сказал Салерно; он с ключом в руке пошел на матроса.

– Там танцуют, а мы тут кишки рвем! – Матрос подался вперед с топором в руке. – Давай их сюда! – кричал матрос.

– Верно, правильно говорит! – загудели матросы.

– Кому плоты? Нам шлюпок хватит.

– А плоты пусть сами себе делают.

Все присунулись к Салерно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричали:

– К черту! Довольно! Баста! Остановить пароход! К шлюпкам!

Один уже бросился к трапу.

– Стойте! – крикнул Салерно и поднял руку. На миг затихли.

Остановились.

– Братья матросы! – сказал с одышкой старик. – Ведь там пассажиры. Мы взялись их свезти… А мы их… выйдет… выйдет… погубим… Они ведь ехать сели, а не тонуть…

– А мы тоже не гореть нанялись! – крикнул молодой матрос в лицо механику.

И молодой матрос, растолкав всех, бросился к трапу.

XIII

Капитан слышал крик. Он спустился на нижнюю палубу. Шел к мостику и прислушивался.

«Бунт, – подумал капитан. – Они бьют Салерно. Пропало все. Уйму, а нет – взорву к черту пароход, пропадай все пропадом!»

И капитан быстро зашагал к люку.

Вдруг навстречу матрос с топором. Он с разбегу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан столкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стали и смотрели на капитана. – Назад! – рявкнул капитан.

Люди попятились. Капитан спустился вниз.

– Чего смотреть?! – крикнул кто-то. Народ встрепенулся.

– Молчать! – сказал капитан. – Слушай, что я скажу.

Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жарко дышали. Ждали.

– Не будет плотов – погибли пассажиры. Я за них держу ответ перед миром и совестью. Они нам доверились. Двести пять живых душ. Нас сорок восемь человек…

– А мы их свяжем, как овец! – крикнул матрос с топором. – *Клянусь* вам!

– Этого не будет! – крепко сказал капитан. – Ни один мерзавец не тронет их пальцем. Я взорву пароход!

Люди загудели.

– Убейте меня сейчас! – Капитан сунулся грудью вперед. – И суньтесь только на палубу – пароход взлетит на воздух! Все готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двести душ – и женщин и малых детей. Даю слово: погибнете вместе. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил вниз злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

– Плоты почти готовы. Их осталось собрать и сделать мачты.

На шесть часов работы. У нас ведь есть сутки. Двадцать четыре часа. Пассажиры в воде – это дети. Они узнают о несчастье – они погубят себя. Нам вручили их жизнь. Товарищи моряки! – громко крикнул капитан. – Лучше погибнуть честным человеком, чем жить прохвостом. Скажите только: «Мы их погубим», – капитан обвел всех глазами, – и я сейчас пущу себе пулю в лоб. Тут, на трапе. – И капитан сунул руку в карман.

Все загудели глухо, будто застонали.

– Ну так вот, вы – честные люди, – сказал капитан. – Я знал это. Вы устали. Выпейте по бутылке красного вина. Я прикажу выдать. Кончайте скорее – и спать. А наши дети, – капитан кивнул наверх, – пусть играют, вы их спасете, и будет навеки вам слава, морякам Италии. – И капитан улыбнулся. Улыбнулся весело, и вмиг помолодело лицо.

– Браво! – крикнул молодой матрос.

Он глядел на капитана. Капитан быстрыми шагами взбегал по трапу.

– Гропани! – крикнул капитан на палубе. Штурман бежал навстречу. – Идите вниз, – говорил капитан, – работайте с ними во всю мочь! И по бутылке вина всем. Сейчас. Там танцуют? Ладно. Я пришлю за вами, в случае если станут скучать. Ну, живо!

– Есть! – крикнул Гропани и бегом бросился к люку.

XIV

Капитан прошел в свою каюту. Он сел на койку, сжал кулаки со всей силой и подпер бока. «Держаться, держаться, – говорил капитан, – что есть сил держаться! Сутки одни, одни только бы сутки!» И нисколько не легче становилось капитану. Он знал: не за сутки, а за один час, за минуту может все погибнуть. Крикнет этот матрос с топором: «Пожар!» – и готово. «Дали им вина?» – подумал капитан и вскочил на ноги. Но тут влетел в каюту Салерно. Старик осунулся в эти два дня. Он схватил капитана за плечи, стал трясти. Тряс и все глядел в глаза, и лицо у старика кривилось и вдруг совсем сморщилось, и он заплакал, заревел в голос. Он с размаху сел на койку и уткнул лицо в подушку.

– Что ты? – Капитан первый раз говорил с ним на «ты». – Что ты? Салерно…

Капитан повернулся, взялся за ручку двери. Старик встрепенулся.

– Минуту! – говорил старик.

Он задыхался, схватил графин и пил из горлышка. Обливался. Другой рукой он держал капитана.

– Ведь я умру подлецом, – говорил старик сквозь слезы. – Пожар не потухнет. В этих бочках, ты не знаешь, – в них бертолетова соль!

– Как? – спросил капитан. – Ведь ты сказал – хлорноватая какая-то соль…

– Да, да! Это и есть бертолетова. Я не соврал. Но я знал, что ты не поймешь.

– Я спрашивал ведь тебя: не опасно? А ведь это – взрыв!..

– Нет, нет, – плакал старик, – не взрыв. Ее нагревает, она выпускает кислород, а от него горит. Сильней, сильней все горит. – Старик умоляюще глядел на капитана. – Ну, прости, прости хоть ты, Господи! – Старик ломал руки. – Никто, никто не простит… – И Салерно искал глазами по каюте. – Мне дали триста лир, чтобы я устроил… дьявол дал… эти двадцать бочек. Что же теперь? Что же? – Салерно глотал воздух ртом. – Иисусе святой, милый, дорогой…

– Идите к аббату, приложитесь к его рясе. Нет? Тогда вот револьвер – стреляйтесь! – сказал капитан и брякнул на стол браунинг.

Старик водил выпученными глазами.

– Тоже не хотите? Тогда умрите на работе. Марш к команде.

Капитан, – хрипло сказал Салерно, – на градуснике вчера было не семьдесят восемь, а восемьдесят семь… Капитан вскинул брови, вздрогнул.

– Я не мог сказать… – Старик рухнул с койки, стал на колени.

Капитан с размаху ударил старика по лицу, вышел и пристукнул за собой дверь.

XV

Капитан взял веревку с градусником. Он сам смерил температуру, было 88 градусов.

Маленький механик подошел и сказал (он был в одной сетке, мокрый от пота):

– На переборке краска закудрявилась, барашком пошла, но мы поливаем… Полно пару… Люди задыхаются… Работаем мы со вторым механиком.

Капитан подошел к кочегарке. Глянул сверху, но сквозь пар не мог увидеть. Слышал только – лязгают лопаты, стукают скребки. Маленький механик шагнул и пропал в пару.

Солнце садилось. Красным отсветом горели буруны по бокам парохода. Черный дым густой змеей валил из трубы. Пароход летел что есть силы вперед. В трюме парохода горел смертельный

огонь. Пассажиры приятно пели испанскую песню. Испанец махал рукой. Все на него смотрели, а он стоял на табурете выше всех.

– Споемте молитву, – говорил испанец. – Его преподобию будет приятно.

Испанец дал тон.

Капитан быстро пошел вниз, к матросам.

– Сейчас, готово! – крикнул навстречу Гропани. Он, голый до пояса, долбил долотом. Старик Салерно, лохматый, мокрый, тесал. Он без памяти тесал, зло садил топором.

– Баста! Довольно уж! – кричал ему судовой плотник. Салерно, красный, мокрый, озирался вокруг.

– Еще по бутылке вина, – сказал капитан. – Выпить здесь – и по койкам. Двое в кочегарку, помогите товарищам. Они в аду. Вахта по часу.

Все бросили инструменты. Один Салерно все стоял с топором. Он еще два раза тяпнул по бревну. Все на него оглянулись.

Капитан вышел на палубу. На трюме в пазах стена пошла пузырями. Они надувались и лопались. Смола прилипала к ногам. Черные следы шли по палубе.

Солнце зашло.

Яркими огнями вспыхнул салон; оттуда мирно мурлыкал пассажирский говор.

Гропани догнал капитана.

– Я доложу, – весело говорил Гропани, – очень здорово, то есть замечательные плоты, говорю я… а Салерно…

– Видел все, – сказал капитан. – Готовьте провизию, воду, фляги, ракеты. Фальшфейера не забудьте. Сейчас же…

– А Салерно чудак, ей-богу! – крикнул Гропани и побежал хлопотать.

XVI

Ночью капитан пошел мерить температуру. Он мерил каждый час. Температура медленно подходила к 89 градусам. Капитан осторожно прислушался, не гудит ли в трюме. Он приложил ухо к трюмному люку. Было горячо, но капитан терпел. Было не до того. Слушал: нет, ничего – это урчит машина. Ее слышно по всему пароходу. Капитану начинало казаться: вот сейчас, через минуту пароход не выдержит. Взорвется люк, полыхнет пламя – и конец, крики, вой, кровавая каша. Почем знать, дотерпит ли пароход до утра? И капитан снова щупал палубу. Попадал в жидкую горячую смолу в пазах. Снова мерил градусником уже

каждые полчаса.

Капитан нетерпеливыми шагами ходил по палубе. Глядел на часы. До рассвета было еще далеко. Внизу Гропани купорил в бочки сухари, консервы. Салерно возился тут же. Он слушал Гропани и со всех ног исполнял его приказы. Как мальчик, старик глядел на капитана, будто хотел сказать: «Ну, прикажи скорее, и я в воду брошусь!»

Около полуночи капитану доложили – двоих вынесли из кочегарки в обмороке. Но машина все вертелась, и пароход летел напрямик к торной дороге.

Капитан не мог присесть ни на миг. Он ходил по всему пароходу. Он спустился в кочегарку. Там в горячем пару звякали дверцы топок. Пламя выло под котлами. Распаренные люди изо всех сил швыряли уголь. Не попадали и снова с ожесточением кидали. Ругались, как плакали.

Капитан схватил лопату и стал кидать. Он задыхался в пару.

– Валяй, валяй, сейчас конец, – говорил капитан.

Гайки закрыли. Капитан вылез наверх. Ему показалось холодно на палубе. А это что? Какие-то фигуры в темноте возятся у шлюпки.

Капитан опустил руку в карман, нащупал браунинг. Подошел. Три матроса и кочегар вываливали шлюпку за борт.

– Я не приказывал готовить шлюпок, – тихим голосом сказал капитан.

Они молчали и продолжали дело.

– На таком ходу шлюпку не спустить, – сказал капитан чуть громче. – Погибнете сами и загубите шлюпку.

Капитан сдерживал сердце: нельзя подымать тревогу. Матросы вывалили шлюпку за борт. Оставалось спустить.

Двое сели в шлюпку. Двое других готовились спускать.

– А, дьявол! – вскрикнул один в шлюпке. – Нет весел. Они запрятали весла в паруса. Все. Давай весла! – крикнул он в лицо капитану. – Давай!

– Не ори, – сказал тихо капитан, – выйдут люди, они убьют вас!

И капитан отошел в сторону. Он видел, как люди вылезли из шлюпки. До рассвета оставалось три часа. Капитан увидел еще фигуру: пригляделся – Салерно. Старик, полуголый, шел шатаясь.

Он шел прямо на капитана. Капитан стал.

– Салерно!

Старик подошел вплотную.

– Что мне теперь делать? Прикажите. Салерно глядел сумасшедшими глазами.

– Оденьтесь, – сказал капитан, – причешитесь, умойтесь. Вы

будете передавать детей на плоты.

Салерно с сердцем махнул кулаками в воздухе. Капитан зашагал на бак. По дороге он снова смерил: было почти 90 градусов.

Капитану хотелось подогнать солнце. Вывернуть его рычагом наверх. Еще 2 часа 45 минут до света. Он пошел в кубрик. Боцман не спал. Он сидел за столом и пил из кружки воду. Люди спали головой на столе, многие на койках. Свесили руки, ноги, как покойники. Кто-то в углу копался в своем сундучке. Капитан поманил пальцем боцмана. Боцман вскочил. Тревожно глядел на капитана.

– Вот порядок на утро, – тихо сказал капитан. И он стал шептать над ухом боцмана.

– Есть… есть… – приговаривал боцман. Капитан быстро взбежал по трапу. Ему не терпелось еще смерить. Градусник с веревкой был у него в руке. Капитан спустил его вниз и тотчас вытянул. Глядел, не мог найти ртути. Что за черт! Он взял рукой за низ и отдернул руку: пеньковая кисть обварила пальцы. Капитан почти бегом поднялся в каюту. При электричестве увидал: ртуть уперлась в самый верх. Градусник лопнул. У капитана захватило дух. Дрогнули колени первый раз за это время. И вдруг нос почувствовал запах гари. От волнения капитан не расчуял. Откуда? Озирался вокруг. Вдруг он увидел дымок. Легкий дымок шел от рук. И тут капитан увидел: тлеет местами веревка. И сразу понял: труба раскалилась докрасна в трюме. Пожар дошел до нее. Капитан приказал боцману поливать палубу. Пустить воду. Пусть все время идет из шланга. Тут под трюмом пар шел от палубы. Капитан зашел в каюту Салерно. Старик переодевал рубаху. Вынырнул из ворота, увидал капитана. Замер.

– Дайте химию, – сказал капитан сквозь зубы. – У вас есть химия?

Салерно схватил с полки книгу – одну, другую…

– Химии… химии… – бормотал старик. Капитан взял книгу и вышел вон.

«Может ли взорвать?» – беспокойно думал капитан. У себя в каюте он листал книгу.

«Взрывается при ударе, – прочел капитан про бертолетову соль, – и при внезапном нагревании».

– А вдруг там попадет так… что внезапно… А, черт!

Капитан заерзал на стуле. Глянул на часы: до рассвета оставалось двадцать семь минут.

XVII

Остановить пароход в темноте – все пассажиры проснутся, и в темноте будет каша и бой. А в какую минуту взорвется? В какую из двадцати семи? Иль соль выпускает кислород? Просто кислород, как в школе на уроке химии.

Капитан дернулся смерить, вспомнил и топнул с сердцем в палубу.

Теперь капитан как закаменел: шел твердо, крепким шагом. Как живая статуя. Он прошел в кубрик.

– Буди! – сказал капитан боцману. – Двоих на лебедки! Плоты на палубу! Собирать!

Люди просыпались, серые и бледные. Всеми глазами глядели на капитана. Капитан вышел. С бака на него глядели бортовые огни: красный и зеленый. Яркие, напряженные. Капитан уже слышал сзади возню, гроханье брусьев. Тарахтела лебедка. Вспыхнула грузовая люстра.

– Гропани, к пассажирам! – сказал капитан на ходу. Он слышал голос Салерно. – Салерно, ко мне! – крикнул капитан. – Вы распоряжайтесь спуском плотов. И ни одной ошибки!

Второй штурман с матросами вываливал шлюпки за борт. Одиннадцать шлюпок. Капитан глянул на часы. Оставалось семнадцать минут. Но восток глухо чернел справа.

– Всех наверх! – сказал капитан маленькому механику. – Одного человека оставить в машине.

Пароход несся, казалось, еще быстрей: напоследки – очертя голову.

Капитан вышел на мостик.

– Определитесь по звездам, – сказал он старшему штурману, – надо точно знать наше место в океане.

Легкий ветер дул с востока. По океану ходила широкая плавная волна. Капитан стоял на мостике и смотрел на сборку плотов. Салерно точно, без окриков, руководил, и руки людей работали дружно, в лад. Капитан шагнул вправо. Ветром дунул свет из-за моря.

– Стоп машина! – приказал капитан. И сейчас же умер звук внутри. Пароход будто ослаб. Он с разгону еще несся вперед. Люди на миг бросили работу. Все глянули наверх, на капитана. Капитан серьезно кивнул головой, и люди вцепились в работу.

XVIII

Аббат проснулся.

– Мы, кажется, стоим, – сказал он испанцу и зажег электричество.

Испанец быстро стал одеваться. Поднимались и в других каютах.

– Ах да! Именины! – кричал испанец.

Он высунулся в коридор и крикнул веселым голосом:

– Дамы и кавалеры! Пожалуйста! Прошу! Все в белом! Непременно!

Все собрались в салоне. Гропани был уже там.

– Но почему же так рано? – говорили нарядные пассажиры.

– Надо приготовить пикник, – громко говорил Гропани, а потом, шепотом, – возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадежна.

Пассажиры пошли рыться в чемоданах.

– Я боюсь, – говорила молодая дама, – в лодках по волнам…

– Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в аду, – сказал испанец. Он приложил руку к сердцу. – Идемте, кажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми – проход к трапу. Пассажиры спустились на нижнюю палубу. Капитан строго глядел на пассажиров. Испанец вышел вперед под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

– От лица пассажиров… – начал испанец и шикарно поклонился.

– Я объявляю, – перебил капитан крепким голосом, – мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепенелые.

– Женщины, вперед! – скомандовал капитан. – Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал вперед Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил револьвер в руке. Бледные люди проходили между матросами. Салерно размещал пассажиров по плотам и шлюпкам.

– Все? – спросил капитан.

– Да. Двести три человека! – крикнул снизу Салерно.

Команда молча, по одному, сходила вниз.

Плоты отваливали от парохода, легкий ветер относил их в сторону. Женщины жались к мачте, крепко прижимали к себе детей. Десять шлюпок держались рядом. Одна под парусами и веслами пошла вперед. Капитан сказал Гропани:

– Дайте знать встречному пароходу. Ночью пускайте ракеты!

Все смотрели на пароход. Он один стоял среди моря. Из

трубы шел легкий дым.

Прошло два часа. Солнце уже высоко поднялось. Уже скрылась из глаз шлюпка Гропани. А пароход стоял один. Он уже не дышал. Мертвый, брошенный, он покачивался на зыби.

«Что же это?» – думал капитан.

– Зачем же мы уехали! – крикнул ребенок и заплакал.

Капитан со шлюпки оглядывался то на ребенка, то на пароход.

– Бедный, бедный… – шептал капитан. И сам не знал – про ребенка или про пароход.

И вдруг над пароходом взлетело белое облако, и вслед за ним рвануло вверх пламя.

Гомон, гул пошел над людьми. Многие стали в рост, глядели, затаили дыхание…

Капитан отвернулся, закрыл глаза рукой. Ему было больно: горит живой пароход. Но он снова взглянул сквозь слезы. Он крепко сжал кулаки и глядел, не отрывался.

Вечером виден был красный остов. Он рдел вдали. Потом потухло. Капитан долго еще глядел, но ничего уже не было видно.

Три дня болтались на плотах пассажиры.

На третьи сутки к вечеру пришел пароход. Гропани встретил на борту капитана.

Люди перешли на пароход. Недосчитались старика Салерно. Когда он пропал – кто его знает.

Вопросы и задания

1. Определи жанр этого произведения и укажи его признаки.

2. Определи тему произведения.

3. Кто является главным героем этого произведения?

4. Почему до самого последнего момента от пассажиров скрывают, что на корабле пожар?

5. Каким художественным приемом автор передает растущее напряжение на корабле?

6. Как строится рассказ в «Механике Салерно», с чем связано разделение его на части?

7. Каков тон повествования и позиция повествователя?

8. Определи смысл названия произведения.

9. Подготовь пересказ новеллы, рассказывая о событиях от имени Гропани.

10. Самостоятельно подготовь выразительное чтение XIV главы.

Виктор Петрович Астафьев

В. П. Астафьев – наш современник. Он родился и живет в Сибири. Его творчество широко и разнообразно, как природа этого края. У писателя «сибирский характер», и такие же сильные русские характеры он любит изображать в своих книгах. Перу В. П. Астафьева принадлежат произведения, принесшие ему мировую известность: «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Печальный детектив». С ними тебе предстоит познакомиться в будущем.

Пишет В. П. Астафьев и специально для детей. Его первое «детское» произведение – «Васюткино озеро» – родилось из школьного сочинения, впервые опубликованного в рукописном школьном журнале. В нем описано происшествие, случившееся с самим писателем: однажды летом он заблудился в тайге. Как и ты сейчас, В. П. Астафьев учился тогда в пятом классе.

В новелле очень хорошо показана мудрость «таежного порядка», значение жизненного опыта в воспитании самостоятельности человека. «Сибирский характер» проявляется у Васютки еще до того, как он один оказывается в тайге. Именно характер помогает ему преодолеть все испытания и не только выйти к людям, но и принести им полезные сведения о богатом рыбой озере.

Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное Васютке. Еще бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки – озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашел его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озера уже известны и что у каждого есть свое название. Много еще, очень много в нашей стране безымянных озер и речек, потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, все будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевичи Шадрина – Васюткиного отца – совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморось и темные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на

реку. Заспались рыбаки, рассолодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга теплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

– Нету нам нынче фарту, – ворчал Васюткин дедушка Афанасий. – Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придет время – ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой – дело бесполезное, потому никто с ним не связывался.

Далеко ушли рыбаки в низовья Енисея и наконец остановились.

Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад ученой экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвернутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

– Шабаш, ребята! – сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка закончилась. – Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти.

Он обошел вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластушины корья на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел паромами и переметами. Лодки же, невода, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы. Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили неводы, конопатили лодки, изготовляли якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли переметы и спаренные сети – паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадала ценная: осетр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нем азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвется наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню[37] вытаскивают рыбы по нескольку центнеров.

Совсем скучное житье началось у Васютки. Поиграть не с кем

– нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнется учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбосборочного бота, уже учебники новые из города привез. Днем Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки.

Вечерами в избушке становилось людно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щелкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днем приходилось забираться все дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнет.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушел куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря и с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего десять дней.

Мать недовольно сказала:

– К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадаешь.

– Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Охота ведь рыбакам пощелкать вечером.

– «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьем на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

– Ты от затесей далеко не отходи – сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

– Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

– Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал еще таежные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идешь в лес – бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то еще придерется к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шел он по тайге, следил за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таежная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдет немного, еще топором тюкнет, потом еще. За этим человеком пойдут другие люди: собьют каблуками мох с валежин,

притопчут траву, ягодники, отпечатают следы в грязи – и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут.

Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таежника, появилась и у Васютки. Он еще долго думал бы о дороге и о всяких таежных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!..» – неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук.

Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во все горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружье, прицелился и щелкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожженные патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

– «Кра-кра!» – передразнил Васютка кедровку и запустил в нее палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружье в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось ее скрипучее «кра!».

– Тьфу, ведьма проклятая! – выругался Васютка и пошел.

Ноги мягко ступали по мху. На нем там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчелки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнездышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел ее со всех сторон и покачал головой:

– Эх и пакость же ты! Бранился Васютка так, для солидности. Он ведь знал, что кедровка – птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбовал дерево и полез на пеги. Наметанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок. Потом оглядел окружающий лес и облюбовал еще один кедр.

– Обобью и этот, – сказал он. – Тяжеловато будет, пожалуй, да

ничего, донесу.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую черную птицу. «Глухарь!» – догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему еще не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостоину. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подразнивает ее. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собою Дружка. Обругав себя шепотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затявкал, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперед. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, по ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!..Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик ее задел глухаря… Тр-рах! – и черная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она выправилась и полетела в глубь леса.

«Ранил!» – встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарем.

Только теперь он догадался, в чем дело, и начал беспощадно корить себя:

– Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чуть не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелетами. Они становились все короче и короче. Глухарь слабел. Вот он уже, не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь все – догоню!» – уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко.

Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружье и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

– Стоп, голубчик, стоп! – радостно бормотал Васютка. – Не уйдешь теперь! Ишь какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю – будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь

черными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, – прикинул он и сунул птицу в мешок. – Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шел по лесу, насвистывал, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеей? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно-тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплоить хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые березки с редкими желтыми листьями. Да, лес был такой же. И все же от него веяло чем-то чужим…

Васютка круто повернул назад. Шел он быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

– Ффу-ты, черт! Где же затеей? – Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. – Все этот глухарина! Понесся, как леший, теперь вот думай, куда идти, – заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. – Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак… Почти голая сторона у ели – значит, в ту сторону север, а где ветвей больше – юг. Та-ак…

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой – новые. Но этого-то он и не приметил. Затеей и затеей.

– Эх, дубина!

Страх начал давить еще сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

– Ладно, не робей. Найдем избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдешь. Ну вот, все в порядке, а ты, чудак, боялся! – хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: – Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей все не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на темном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо нее обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал… В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук… – билось сердце. Потом напряженный до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далекого самолета. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник-паук растянул над мертвой птичкой паутину. Паука уже

нет – убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушку бросил. Попалась в нее сытая, крупная муха-плевок и бьется, бьется, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенета. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие это было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришел в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто все получилось. Васютка еще не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», – отрешенно подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда. «Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» – вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать все, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил все в кучку и поджег. Огонек, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул – вокруг посветлело. Васютка подбросил еще веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налетело несколько комаров – веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пень. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ощипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгреб костер в сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыв ее мхом, присыпал горячей землей, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шел пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку – охотничье блюдо. Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал

пресное мясо.

– Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! – укорял он себя.

Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся: – Живем!

Поужинав, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь еще не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега.

Он перенес в сторону костер, убрал все угольки, набросал веток с хвоей, мху и лег, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревало.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверьем. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли бы позариться на Васюткины запасы. И все-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвел курок и положил ружье рядом. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадется. Он открыл глаза и замер: да, крадется! Шаг, второй, шорох, вздох… Кто-то медленно и осторожно идет по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалеку от костра видит что-то темное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится.

Мальчик напряженно вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружье на это темное:

– Кто такой? А ну подходи, не то сдану картечью! В ответ ни звука. Васютка еще некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружье и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» – мучается он и еще раз кричит: – Я говорю, не прячься, а то хуже будет! Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону темного предмета.

– Ох, окаянный! – облегченно вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. – Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несет их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка

управился с дровами, густая, как смоль, темень начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она еще совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костер от сырости зашипел, защелкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую все вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Все замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук – неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или легкий глум ветра в вершинах бородатых елей и корявых лиственниц, может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень.

Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поежился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки.

Солнце уже было высоко. Туман росою пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» – изумленно подумал Васютка и, окончательно проснувшись, услышал оживленную тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговок. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошенно цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, уставилась на Васютку.

– Ну, чего смотришь? Не узнала? – с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

– А я вот заблудился. Понесся сдуру за глухарем и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревет… Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! – Он помолчал и махнул рукой: – Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружье и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья.

Проводив ее взглядом, Васютка выстрелил еще раз и долго ждал ответа. Тайга не откликалась.

По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалеку трудился дятел да пощелкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, кепку и, поплевав на руки, полез на дерево…

Тайга… Тайга… Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным темным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, все ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дольше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проемы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них. Долго Васютка отыскивал глазами желтую полоску лиственника среди неподвижного зеленого моря (лиственный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

– Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!.. Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо – кедровой шишкой в мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали свое дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уж и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос все еще не решен. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял с минуту, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошел строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней вовсе затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнется тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру – это еще не спасение. Поселения там очень редки. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась все еще хорошая. Васютка боялся и подумать о том, что с ним будет, если разбушуется осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шагу. Трава стала попадаться чаще, и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растет обычно вблизи больших водоемов. «Неужели впереди Енисей?» – с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев березки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черемушника, ползучего

тальника, смородинника. Лицо и руки жалила крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперед. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег… Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озер. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты – и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подернутое у берега ряской. Васютка лег на живот, отгреб рукою зеленую кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в нее зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развел огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве тем более. Обжарив в костре шишки, Васютка одну за другой выкатал их из золы палочкой, как печеную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днем, кое-где с грустью тинькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И все-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь еще сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским покрякиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчета. Васютка, прихватив ружье, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверное?» Он потрогал траву палкой. Косячки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка еще никогда не видел. И не просто какой-нибудь озерной рыбы – щуки там, сороги или окуня, – нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сигов. Это было удивительнее всего. В озере – белая рыба!

Васютка сдвинул густые брови, силясь что-то припомнить. Но в этот момент табун уток-свиязей отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выцелил пару и выстрелил. Две нарядные свиязи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Еще одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны перепуганных птиц.

Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко. – Ладно, завтра достану!

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскаленную печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, еще раз поглядел на озеро, на кровянистое небо и с тревогой проговорил:

– Ветер завтра будет. А вдруг еще с дождем?

Он ощипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лег на пихтовые ветки и начал щелкать орехи.

Заря догорела. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звезды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило – к холоду!» – и на душе у него сделалось еще тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея еще нигде не бывал и видел только один город – Игарку.

А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? Затерялся в ней, точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб… может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил…

– Эх, сейчас бы учительницу Ольгу Федоровну увидеть… – думал Васютка вслух. Устал Васютка за день, но сон не шел. Он подбросил в костер дров, снова лег на спину. Облака исчезли. Далекие и таинственные, перемигивались звезды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила небо и растаяла. «Погасла звездочка – значит, жизнь чья-то

оборвалась», – вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели ее наши?» – подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба.

Васютка встал, поежился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костер разгорелся, он погрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озерах будто бы водится белая рыба, но озера эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведет его к Енисею. Нет, лучше не думать. Вчера вон обрадовался – Енисей, Енисей, а увидел шиш болотный. Нет, уж лучите не думать.

Покончив с уткой, Васютка еще полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда все же взялась в озере речная рыба?»

– Тьфу, нечистая сила! – выругался Васютка. – Привязалась, как банный лист. «Откуда, откуда»! Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может… А, к лешакам все! – Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натыкаясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что ее коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом – отголоском озера.

– Вот это да! – ахнул Васютка. – Вот где рыбищи-то, наверно… Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. – И, подбадривая себя, он прибавил: – А что? И выйду! Вот пойду, пойду и…

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошел ближе и увидел подбитую утку. Он так и обомлел: «Неужели моя? Как же ее принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгреб птицу к себе. Да, это была утка-

свиязь с окрашенной в вишневый цвет головкой.

– Моя! Моя! – в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. – Моя уточка! – Его даже лихорадить начало. – Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом, густые ягодники продирался Васютка. И одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалеку. Васютка показал ему кукиш:

– А этого не хочешь? Провалиться мне, если я еще свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер. Качнулись, заскрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подернулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуро, неуютно.

Далеко впереди Васютка заметил входящую вглубь тайги желтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле.

«Опять» какая – нибудь кишка озерная. Мерещится, и все», – засомневался Васютка, однако пошел быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если наклонится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевел дух. Заросли сопели на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

– Вот она, речка! Теперь уж без обмана! – обрадовался Васютка.

Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе… он обессилеет и пропадет. Вон, с чего-то уж тошнит…

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздья красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислятины и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошел дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось… Васютка приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залег под нее. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от

черствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось еще сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжевывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая за воротник Васютке холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его начали смыкаться, будто повесили на них тяжелые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уже спускалась темнота, смешанная с дождем. Было все так же тоскливо; сделалось еще холоднее.

– Ну и зарядил, окаянный! – обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжелым сном. На рассвете Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага. Будто тоненькие пластинки свеклы, на земле лежали темно-красные листья. Вода в речке заметно прибыла. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и лоскуток бересты. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднес к бересте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик черного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесемки и подвязал ими державшуюся на трех гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! – догадался Васютка. – Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоеме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход.

В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог бы отойти метров на двести – триста от речки. Там, по редколесью, легче пробираться, но он боялся потерять

речку из виду.

Мальчик брел, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило – так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперед, упал на край берега и жадными глотками стал хватать воду, шлепать по ней руками, окунать в нее лицо.

– Енисеюшко! Славный, хороший… – шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слезы по лицу.

От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой.

Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, оглядываясь вокруг. Но никого и нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал. Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нем мать, дедушка, отец, еды сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывет, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то вверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится все больше и больше… Вот уж под ним обозначилась темная точка. Идет пароход. Долго еще ждать его. Чтобы как-нибудь скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали у него еще темнее, а губы потрескались.

– Ну и дошел же ты, друг! – покачал головой Васютка.

А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход все приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец это ему удалось, с наслаждением прочитал вслух:

– «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили темные фигурки пассажиров. Васютка заметался на берегу.

– Э-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-эй!.. Слушайте!.. Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

– Эх, вы-ы, еще капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите…

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска капитаны видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься, – и все-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь.

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке все казалось, что кто-то плывет по Енисею. То он слышал шлепанье весел, то стук моторки.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут… Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

– Неужели дождался? – Васютка вскочил, протер глаза и закричал: – Стучит! – И опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: – Бот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки и побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костер все припасенные дрова: догадался, что у костра скорей его заметят. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка отчаянно закричал:

– На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудилсяя! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружье, схватил его и начал палить вверх: бах! Бах! Бах!

– Кто стреляет? – раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота. – Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте послышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок, из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

– Дяденька, не уезжайте! – закричал он. – Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка.

Васютка кинулся в воду, побрел навстречу, глотая слезы и приговаривая:

– За-заблудился я-а, совсем заблудился-а… Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

– Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдет еще бот-то! Вон вчера пароход только мелькнул…

– Ты, малый, що, сказывся?! – послышался густой бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому

выговору старшину бота «Игарец».

– Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! – перестав плакать, заговорил мальчик.

– Який Васька?

– Да шадринский. Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

– Тю-у! А як ты сюды попав?

И когда в темном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказывал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

– Ай, скажэнный хлопець! Та на що тоби той глухарь сдався? Во нал якав ридну маты и батьку…

– Еще и дедушку… Коляда затрясся от смеха: Ой, що б тоби! Он и дида вспомнит! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

– Не-е-е.

– Шестьдесят километров ниже вашего стану.

– Ну-у?

– Оце тоби и ну! Лягай давай спать, горе ты мое гиркое…

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

– Во, герой глухариный, спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы…

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

– На Песчаному острови и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

– Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой понесся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

– Что это вы сегодня один-одинешенек? – спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

– Не говори, паря, – уныло отозвался дед. – Беда у нас, ой беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пятый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

– Почему был! Рано ты собрался его хоронить! Еще с правнуками понянчишься! – И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: – Нашелся ваш пацан, в кубрику спит себе и в ус не дует. Чего это? – встрепенулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак. – Ты… ты,

паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

– Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил – все черти в болото спрятались!

– Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он?

– Це-ел. Старшина пошел его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменил наверх, к избушке:

– Анна! Анна? Нашелся пескаришка-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он…

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги ее подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

…И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стеганными одеялами, оленьей дохой да еще пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопочут около, простуду из него выгоняют. Мать натерла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

– Может, еще что-нибудь покушаешь, Васенька? – нежно, как у больного, спрашивала мать.

– Да, мам, некуда уж…

– А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь!

– Если черничного, ложки две, пожалуй, войдет.

– Ешь, ешь! Эх ты, Васюха, Васюха! – гладил его по голове дедушка. – Как же ты сплоховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мука – вперед наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил все-таки? Дело! Купим тебе новое ружье на будущий год. Ты еще медведя ухлопаешь. Помяни мое слово!

– Ни боже мой! – возмутилась мать. – Близко к избе вас с ружьем не подпущу. Гармошку, приемник покупайте, а ружья – чтобы и духу не было!

– Пошли бабьи разговоры! – махнул рукой дедушка. – Ну, поблукал маленько парень. Так что теперь, по-твоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружье – и весь сказ!

Мать хотела еще что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избушки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шел

Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее щетиной, было мрачно.

– Напрасно все, – отрешенно махнул он рукой. – Нету, пропал парень…

– Нашелся! Дома он…

Григорий Афанасьевич минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

– Ну, а зачем реветь? Нашелся – и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? – и, не дожидаясь ответа, направился к избушке.

Мать остановила его:

– Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже…

– Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашел в избу, поставил в угол ружье, снял дождевик. Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

– Ну, где ты тут, бродяга? – повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

– Вот он я! – привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. – Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не простыл. Вот пощупай, пап. – Он притянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

– Затараторил, варнак! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, попортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

– Он все про озеро какое-то толкует, – заговорил дед Афанасий. – Рыбы, говорит, в нем видимо-невидимо.

– Рыбных озер мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадешь.

– А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

– Речка, говоришь? – оживился Григорий Афанасьевич. – Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал…

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним. Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронувшихся на юг. Васютке теперь любая непогода была нипочем. В резиновых сапогах и в брезентовой куртке, он

держался рядом с отцом, приноравливаясь к его шагу, и наговаривал:

– Они, гуси-то, как взлетя-ят сразу все, я ка-ак дам! Два на месте упали, а один еще ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошел за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

– И ведь я их влет саданул, гусей-то…

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

– А что? Влет еще лучите, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

– Не хвались! – заметил отец и покачал головой. – И в кого ты такой хвастун растешь? Беда!

– Да я не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, – сконфуженно пробормотал Васютка и перевел разговор на другое: – А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

– Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к дедушке в лодку, похвались насчет гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, подождал лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Васютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

– Вот и озеро Васюткино…

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро.

Рыбы в нем оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и еще одна колхозная бригада переключились на озерный лов.

Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось еще одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же наглей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик сбрызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Вопросы и задания

1. Объясни смысл названия этого произведения.

2. Какими качествами наделен герой новеллы?

3. Как определяет свое место в бригаде рыбаков Васютка?

4. Почему никто не ругал Васютку после его возвращения?

5. Как писатель объясняет, почему Васютке удалось найти выход из тайги к Енисею?

6. Какие черты таежного быта и поведения человека в тайге приводит автор в своем произведении?

7. Как писатель показывает картины жизни тайги, какие художественные средства использует для этого?

8. Как в новелле изображается Енисей?

9. Зачем в конце новеллы писатель рассказывает о различных картах?

10. Какова главная мысль этого произведения?

11. Подготовь выразительное чтение понравившегося отрывка.

12. Напиши рассказ о своем самом памятном событии.

Читательская лаборатория
Как пересказать эпизод художественного произведения

Часть художественного произведения, которая обладает относительной самостоятельностью, рассказывает о конкретном событии, происшествии, связана по смыслу с содержанием произведения в целом, называют эпизодом.

Пересказать эпизод художественного произведения очень сложно, потому что необходимо сохранить особенность авторского повествования, индивидуальность речи писателя и его героев, передать эмоциональное отношение автора к героям и событиям, последовательность и полноту авторских описаний.

Подготовка к пересказу начинается с чтения текста в полном объеме. Проверь, все ли значения слов в тексте тебе понятны. Перечитай сноски, данные после текста, и вспомни значения малознакомых слов.

Для того чтобы успешно пересказать эпизод, необходимо определить его границы – задать себе вопросы: *о каком событии идет речь? Где начинается рассказ именно об этом событии и где он завершается?*

Итак, ты выделил из текста художественного произведения рассказ о конкретном событии, определил начало и конец именно этого повествования.

Что же дальше?

Определи, какие события ты будешь пересказывать подробно, а какие – кратко.

Главным событиям надо уделить больше внимания, пересказать их подробно, близко к тексту. Второстепенные события можно пересказать более свободно, своими словами. Значит, следующая твоя задача – найти в тексте самые главные события.

Попробуем вместе подготовиться к пересказу 5 главы новеллы Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Перечитаем 5 главу. *Какое событие в этом фрагменте текста является главным?*

– Побег Жилина и Костылина из плена. *Определи границы эпизода.* Эпизод начинается с начала 5 главы и заканчивается практически в конце этой главы: «Камнями, плетками бьют их, визжат».

Рассказ о побеге – главная тема повествования в этом эпизоде. Твой пересказ можно озаглавить «Побег Жилина и

Костылина из плена».

Чтобы запомнить основную последовательность событий, можно составить план развития событий в эпизоде:

1. Дорога из аула к речке.
2. Путь Жилина и Костылина.
3. Погоня и захват в плен.

Какой фрагмент текста надо пересказать подробно?

– Путь Жилина и Костылина. Именно в этом фрагменте раскрываются характеры персонажей. Жилин и Костылин по-разному ведут себя во время побега. И поведение одного из них приводит к неудаче задуманного и подготовленного плана побега.

Подчеркни в тексте авторские слова, важные для понимания характеров героев. Постарайся при пересказе воспроизвести их максимально точно.

Жилин: «по звездам примечает», «сапоги свои бросил, пошел босиком», «нет, не пойду, не годится товарища бросать».

Костылин: «стал отставать», «идет, покряхтывает», «так и упал со страху», «а я не дойду – у меня ноги не идут», «рассолодел». В этом эпизоде оба героя раскрываются наиболее ярко, и поэтому, пересказывая текст, надо остановиться как можно более подробно на описании их поведения и отношения друг к другу.

В первом фрагменте «Дорога из аула к речке» также есть ряд деталей, позволяющих понять характеры персонажей. *Определи для себя, какие наиболее выразительные детали необходимо включить в пересказ.* Вероятно, это детали, подчеркивающие предусмотрительность, опытность, чувство долга у Жилина, и детали, которые характеризуют Костылина как неловкого, слабого, неприспособленного к испытаниям человека.

Жилин: «раскопал дыру пошире, чтобы и Костылину пролезть», «наперед прикормил собаку».

Костылин: «зацепил камень ногой, загремел».

Прежде чем пересказывать текст, задай себе и еще один вопрос: *что мне особенно понравилось в тексте? Что произвело впечатление, вызвало сильные переживания?* Эти фрагменты текста можно подчеркнуть и даже зарисовать, например: «Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц закраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется». Яркие описания природы сделают твой пересказ красочным и эмоциональным, помогут слушателю представить время и место действия.

Подведем итоги нашей совместной работы. Подготовка к пересказу требует:

– перечитывания эпизода и, может быть, не один раз;

– составления плана, раскрывающего последовательность событий;

– подбора авторских высказываний, в которых наиболее ярко раскрывается герой, авторская индивидуальность, красота и выразительность повествования;

– проговаривания вслух отобранных фрагментов авторского текста.

Теперь можешь смело рассказывать родителям, бабушке, дедушке или своему другу наиболее понравившиеся эпизоды из прочитанных тобой книг. Чем чаще ты это будешь делать, тем больше у тебя появится возможностей получить на уроке литературы за пересказ эпизода отметку «5».

В мастерской художника слова
Особенности новеллы

А теперь я предлагаю тебе посмотреть, как создаются новеллы. Твое знакомство с этим жанром в наглей магической книге началось с произведения выдающегося писателя-новеллиста Э. По.

По мнению этого писателя, который охотно рассказывал о том, как рождаются новеллы, автор должен знать два очень важных секрета этого жанра. Первый секрет По называет «единством впечатления». Для того чтобы достигнуть «единства впечатления», автор должен ограничить объем новеллы таким образом, чтобы ее можно было прочитать за один присест. Художественный мир его новеллы должен предстать перед читателем сразу, в полном объеме: то, о чем писатель говорит в самом начале произведения, и то, чем он новеллу завершает, должно быть связано в сознании читателя, иначе единство и цельность новеллы распадется.

Давай-ка припомним новеллу «Лягушонок». В начале повествования рассказчик рассуждает о том, каким веселым шутником был король и какие именно шутки он особенно любил. А завершается новелла «шуткой» Лягушонка над самим королем. Представь себе, что кто-то прочитал это произведение не сразу, а на протяжении двух вечеров. Связь между рассуждением о короле-шутнике и «шуткой» над ним будет разорвана, и исчезнет то, что Э. По называет «единством впечатления».

Второй секрет настолько интересен, что я хочу предоставить слово самому новеллисту. «Искусный писатель сочинил новеллу, – пишет Э. По. – Он не подгоняет мысли под события, тщательно обдумав некий единый эффект, он затем измышляет такие события и повествует о них в таком тоне, чтобы они лучите всего способствовали достижению задуманного эффекта. Если уже первая фраза не содействует этому эффекту, значит, он с самого начала потерпел неудачу. Во всем произведении не должно быть ни одного слова, которое прямо или косвенно не вело к единой задуманной цели».

Вот тебе раз! Оказывается, «эффекты» придумываются для изображения событий, а события придумываются, чтобы ввести в них «эффект». Но не торопись возмущаться, Э. По прав. Дело в том, что новелла только тогда пробуждает сильные чувства у читателя, когда в ней есть что-то необычное. Действительно, сначала у писателя появляется замысел произведения, но если он

решил написать именно новеллу, то обязательно постарается придумать что-то необычное, неожиданное, то, что Э. По называет **«единым эффектом»,** и так построит художественный мир повествования, чтобы все в нем готовило появление этого «эффекта».

Еще раз обратимся к новелле «Лягушонок». Какой тут главный «эффект»? Конечно же он связан с превращением короля из «шутника» в того, над кем «пошутил» Лягушонок. Вспомни, что говорил Э. По о первой фразе новеллы! А теперь посмотри, как подводит читателя к главному эффекту повествователь. Лягушонок предлагает «шутникам» переодеться в орангутангов, скованных цепью. Они думают, что все это нужно для устрашения гостей, а на самом деле и костюмы, и цепь нужны Лягушонку, чтобы подготовить эффект превращения шутника в объект шутки.

Запомни, пожалуйста, два секрета американского писателя. Они пригодятся тебе и когда ты будешь читать другие новеллы, и если вдруг тебе самому захочется попробовать свои силы в искусстве новеллиста.

Литературный очерк

Литературный очерк – эпический жанр, близкий рассказу (новелле). От новеллы очерк отличается тем, что в его основу положены подлинные события, в которых участвовали реальные люди. Писатель рассказывает в нем о тех, кого он знал лично, что видел, в каких событиях участвовал. В то же время автор стремится построить художественный мир очерка так, чтобы частное происшествие или случайная встреча не только вызвали бы интерес у читателя, но передали бы ему то эмоциональное состояние, которое возникло у писателя, когда он был свидетелем или участником описываемого события.

Именно поэтическими средствами, с помощью которых создается художественное впечатление, очерк отличается от газетного репортажа или мемуаров (воспоминаний).

Очерк – жанр художественной литературы, а не документалистики или журналистики. Это значит, что в нем присутствует значительная доля художественного вымысла.

Документальная проза – это произведения, знакомящие читателя с фактическим материалом. В документалистику входят воспоминания участников каких-то событий, письма реальных людей, отчеты должностных лиц и т. п. Задача документалистики – заставить читателя осмыслить какое-то явление.

Журналистика более эмоциональна. Нередко журналист взывает не только к разуму, но и к чувству читателя. Но и здесь чувства могут возникнуть лишь тогда, когда журналист сумел показать волнующие читателя стороны реального мира, а не вымышленного. В очерке же, несмотря на наличие фактов реальной жизни, художественный вымысел играет решающую роль.

Может показаться странным, как можно соединить реальные события, реальных людей и художественный вымысел?

Дело в том, что творческая фантазия писателя, создающего очерк, возникает как реакция на жизненные факты, но не касается самих фактов. Художественное впечатление от увиденного и пережитого становится основой для размышлений и лирической оценки автора. Вначале он строго и точно описывает место действия, события и их участников, а потом (или параллельно) представляет, что могло бы еще произойти, выражает свое отношение к происходящему, стремится художественными средствами вызвать сочувствие, возмущение или сомнение у читателя.

Джозеф Конрад

Д. Конрад – псевдоним английского писателя Тадеуша Коженевского. Он родился на Украине (по национальности поляк), потом уехал в Англию, долгое время служил в английском торговом флоте, был капитаном последних торговых парусников, продолжавших соперничать с пароходами.

Д. Конрад написал много произведений. В 1919 году он выпустил книгу «Зеркало морей», в которую вошли очерки, описывающие впечатления писателя, большую часть жизни проведшего на палубе корабля.

«Тремолино» – очерк, завершающий «Зеркало морей». Это рассказ о первом корабле, которым командовал молодой моряк. Маленький парусник становится полноправным персонажем очерка, и именно отношением к этому кораблю проверяются все остальные персонажи произведения.

Очерк проникнут восхищением морской стихией и воспевает нелегкий труд моряков.

> *Надеюсь, очерк понравится тебе и ты сможешь ответить: как описывается «Тремолино» повествователем? Кто повинен в смерти Цезаря? При помощи каких художественных средств автор создает образ моря?*

«Тремолино»
(Перевод М. Абкиной)

I

Да, мне было суждено там, в этой школе предков-мореплавателей, научиться жить жизнью своего корабля и полюбить море любовью слепой, как часто любят в юности, но самозабвенной и всепоглощающей, какой только может быть истинная любовь. Я ничего от него не требовал – даже приключений. В этом я, быть может, проявил больше интуитивной мудрости, чем высокого самоотречения: ибо никогда приключения не происходят «по заказу». Тот, кто отправляется на поиски приключений, попадает лишь в мертвый штиль, если только он не любимец богов или герой из героев, как благородный рыцарь Дон-Кихот Ламанчский[38]. А мы, простые, смиренные духом, готовые всегда более чем охотно пропустить

злых великанов и пройти мимо честных мельниц, мы встречаем приключения, как ангелов с неба. Они сваливаются на нас, терпеливых и покладистых, совершенно неожиданно. По обычаю незваных гостей, они часто являются не вовремя. И мы охотно даем им пройти мимо, не понимая, какую великую милость посылает нам судьба. А через много лет, на середине жизненного пути, оглядываясь на события прошлого, которые, как толпа друзей, смотрят печально вслед нам, спешащим к неведомым темным берегам, – мы иногда замечаем в этой толпе какой-нибудь образ, излучающий свет, как будто он вобрал в себя все сияние нашего уже сумеречного неба. И по этому сиянию мы иногда узнаем призраки настоящих приключений, некогда приходивших к нам и встреченных как непрошеные гости.

Если Средиземное море, эта почтенная (хотя иногда и жестокая, и капризная) нянька всех мореплавателей, качало мою колыбель, то достать колыбель, необходимую для этой процедуры, судьба поручила случайной компании безответственных молодых людей.

Судно, служившее мне колыбелью, построено было на реке Савоне знаменитым кораблестроителем, оснащено на Корсике другим славным человеком и в документах называлось «тартана[39] в 60 тонн». На самом же деле это была типичная balancelle[40] с двумя короткими мачтами, наклоненными вперед, и двумя изогнутыми реями, такой же длины, как парус. Настоящее дитя Латинского моря. Ее два огромных треугольных паруса напоминали заостренные крылья на легком теле морской птицы. Да и само судно было похоже на птицу и не плыло, а летело по морю, едва касаясь воды.

Называлось оно «Тремолино». Как это перевести? «Трепещущий»? Что за имя для отважнейшего из корабликов, когда-либо нырявших в сердитой пене! Правда, я чувствовал и днем, и ночью, как он дрожит под моими ногами, но эта дрожь была от крайнего напряжения его неизменной отваги. За свою короткую, но блестящую жизнь «Тремолино» не научил меня ничему, но дал мне все. Ему я обязан пробуждением во мне любви к морю. Вместе с дрожью маленького быстрого тела «Тремолино» и песней ветра в его треугольных парусах море проникало мне в сердце с какой-то ласковой настойчивостью и подчиняло мое воображение своей деспотической власти. «Тремолино»! Доныне стоит мне произнести вслух или даже написать это имя, – и смешанное чувство, робость и блаженство первой страсти теснят мне грудь.

II

Мы вчетвером составляли (если употребить термин, который в наше время известен в любом кругу общества) «синдикат»[41] владельцев «Тремолино». Синдикат весьма любопытный и по составу своему интернациональный… В каждой компании обычно есть кто-нибудь, кто по возрасту или опыту и уму является авторитетом для других, и он определяет коллективный характер всей компании. Думаю, что вы получите достаточное представление о нашей коллективной мудрости, если я скажу, что самый старший из нас был очень стар – ему было около тридцати лет! – и он любил с величавой небрежностью заявлять, что «живет своим мечом». Это был джентльмен из Северной Каролины (инициалы его – Д. М. К. Б.), и, насколько я знаю, он действительно жил «своим мечом». Он и умер от меча – позднее, сражаясь на Балканах в рядах не то сербов, не то болгар, хотя и те и другие не католики и не джентльмены, – по крайней мере, в том возвышенном, но узком смысле, какой он придавал слову «джентльмен».

Бедный Д. М. К. Б.! «Американец, католик и дворянин» – так он любил характеризовать себя в минуты лирических излияний. Интересно знать, водятся ли еще в Европе такие джентльмены с энергичным лицом, изящным и легким телом, аристократической осанкой, чарующими светскими манерами и мрачным «роковым» взором – джентльмены, которых кормит их меч? Родные Д. М. К. Б., кажется, разорились во время гражданской войны и лет десять, а то и больше скитались по Старому Свету.

Вторым по возрасту и мудрости в нашей компании был Генри Ц., который взбунтовался против непреклонной строгости своих родных, прочно обосновавшихся, если память мне не изменяет, в одном из респектабельных предместий Лондона, – и вырвался на свободу. Уважая авторитетное мнение родни, он всем новым знакомым кратко рекомендовался «беспутным шалопаем». Никогда я не видывал более простодушный экземпляр блудного сына!

Впрочем, его родные время от времени посылали ему милостиво немного денег. Влюбленный в юг, в Прованс, в его людей, в его жизнь, его солнце и поэзию, узкогрудый, высокий и близорукий Генри бродил по улицам и переулкам, уткнув бледный нос и рыжеватые усики в раскрытую книгу, и его длинные ноги далеко опережали туловище. Такая у него была привычка – читать на ходу. Как он ни разу не свалился с обрыва или с набережной в воду или не слетел с лестницы, для меня остается загадкой. Карманы пальто у него всегда оттопыривались, набитые карманными изданиями разных поэтов. Когда он не был занят чтением Вергилия, Гомера или Мистраля в парках,

ресторанах, на улицах и в тому подобных общественных местах, он сочинял сонеты (на французском языке) глазам, углам, подбородку и другим видимым прелестям одной нимфы по имени Тереза.

Третьим членом нашего «синдиката» был Роже де ля С, провансалец с наружностью скандинава, белокурый и ростом в шесть футов, как подобает потомку древних скандинавов, рыскавших по морям. Властный, язвительно остроумный и всех презиравший, он носил в кармане трехактную комедию, а в груди – сердце, разбитое безнадежной любовью к кузине, которая вышла замуж за богатого торговца шкурами и салом. Роже бесцеремонно водил нас к ним в дом завтракать.

У дона Карлоса, вероятно, было много самых оригинальных сторонников (такова общая участь всех претендентов на престол), но среди них не было никого экстравагантнее[42] и фантастичнее владельцев «Тремолино», которые обычно собирались в одной из таверн на набережной старого порта. Древний город Марсель, наверное, со времен первых финикян[43] не видал такой странной компании судовладельцев. Мы встречались, чтобы обсудить и наметить план действий перед каждым рейсом «Тремолино». В наших операциях участвовал и один банкирский дом – весьма солидное учреждение… Однако боюсь, как бы не наболтать лишнего! Замешаны тут были и дамы (нет, право, я боюсь быть нескромным!), дамы всех сортов: одни в таком возрасте, когда уже не возлагаешь надежд на принцев, другие – молодые и полные иллюзий.

Одна из наших дам удивительно забавно передразнивала в тайных беседах с нами разных высокопоставленных особ, к которым она мчалась в Париж для переговоров об участии в нашем деле – Por de Rey! Ибо дама была карлистка[44] и притом баскской[45] крови. У этой Риты был дядя, священник маленького горного прихода. Так как я был единственный член синдиката, плававший на «Тремолино», то мне обычно поручали передавать от Риты смиренные и нежные письма этому старому дяде. Письма я должен был доставлять арагонским погонщикам мулов – они всегда в указанное время дожидались «Тремолино» неподалеку от залива Роз и честно переправляли письма в глубь страны вместе с различными запретными товарами[46], которые тайно выгружались на берег из трюма «Тремолино».

Ну вот, недаром я боялся, что в конце концов проболтаюсь насчет обычного содержимого моей морской «колыбели»: так оно и вышло! Но оставим это. И если кто-нибудь цинично заметит, что я, видно, был в то время многообещающим юношей, что ж, все равно. Для меня одно важно – чтобы не пострадало доброе имя

нашего «Тремолино», и я утверждаю, что корабль всегда не повинен в грехах, проступках и безумствах людей, плавающих на нем.

III

«Тремолино» не был виноват в том, что «синдикат» так полагался на ум, ловкость и осведомленность доньи Риты. Она «в интересах дела» снимала на Прадо небольшой домик с мебелью. Она всегда снимала домики для кого-нибудь – для больных или несчастных, для ушедших со сцены артистов, проигравшихся дочиста игроков, спекулянтов, которым временно не везло, – все это были vieux amis, старые друзья, как она объясняла заискивающим тоном, пожимая красивыми плечами.

Раз вечером, когда я неосторожно вошел в гостиную Риты, после того как новость о большом успехе карлистов дошла до ушей верующих, меня кто-то вдруг обхватил за глею и вокруг пояса и вихрем закружил по комнате под грохот опрокидываемой мебели и звуки вальса, который напевало теплое контральто[47]. Когда после трех туров вокруг комнаты меня выпустили из туманивших голову объятий, я неожиданно для себя самого сел прямо на пол, на ковер. В такой далеко не эффектной позе и застал меня вошедший Д. М. К. Б., элегантный, корректный, суровый, в белом галстуке и открытой крахмальной манишке. Я нечаянно подслушал, как в ответ на его вопросительный взгляд, вежливо зловещий и долгий, донья Рита прошептала с некоторым смущением и досадой: «Vous êtes bête, mon cher. Voyons! Ça n'a aucune consequence!»[48] Я был очень доволен тем, что «ровно ничего не значу» для нее, и так как имел уже в то время некоторый жизненный опыт, то не растерялся.

Поправляя воротничок, я развязно сказал, что зашел проститься, так как сегодня ночью ухожу в море на «Тремолино».

Сойдя вниз, в гавань, я обычным тихим свистом подал сигнал «Тремолино» с конца набережной. Это был наш условный знак, и padrone[49] бдительный Доминик всегда слышал его. Он молча поднимал фонарь и освещал мне дорогу по узкой доске нашего примитивного трапа. «Итак, мы отчаливаем», – говорил он тихо, как только моя нога ступала на палубу. Я был всегда вестником внезапных отплытий, но ничто в мире не могло застать врасплох Доминика. В его густых черных усах (которые он каждое утро завивал в парикмахерской на углу), казалось, всегда пряталась улыбка. Но, я думаю, никто никогда не видел формы его губ. Наблюдая медлительную, невозмутимую серьезность этого

широкоплечего мужчины, можно было подумать, что он ни разу в жизни не улыбнулся. В его глазах светилась беспощадная ирония, как у человека, чрезвычайно много видевшего в жизни. А манера слегка раздувать ноздри придавала бронзовому лицу Доминика удивительно наглое выражение. Это было единственное движение в лице всегда осторожного и серьезного южанина. Черные волосы слегка курчавились у висков. На вид ему было лет сорок, и он много плавал по Средиземному морю.

Хитрый и бессердечный, он мог бы соперничать в находчивости со злосчастным сыном Лаэрта и Антиклеи[50]. Если он на своем суденышке не искушал дерзостью самих богов, то только потому, что боги Олимпа мертвы. И уж, конечно, ни одной женщины Доминик не испугался бы. Даже одноглазый титан не имел бы ни малейшего шанса внушить страх Доминику Кервони с Корсики – заметьте, нес Итаки[51] – и ни один король, потомок королей, тоже.

За отсутствием достойных противников Доминик обратил свою отвагу, щедрую на всякие нечестивые затеи и военные хитрости, против власти земной, представленной такими учреждениями, как таможня, и всеми смертными, имеющими к ней отношение, – писцами, чиновниками и guardacostas[52] на суше и на море. Нам был нужен как раз такой человек, как этот вульгарный нарушитель законов и бродяга со своей собственной летописью любовных интриг, опасностей и кровопролитий. Он иной раз рассказывал нам кусочки этой летописи – неторопливо и с легкой иронией. Говорил он одинаково бегло по-каталонски, по-итальянски (на диалекте корсиканцев) и по-французски на провансальском наречии. В своем парадном «береговом» костюме – белой крахмальной сорочке, черной куртке и круглой шляпе – Доминик был весьма представителен, и в таком виде я повел его раз в гости к донье Рите. Он сумел понравиться ей своей тактичной, суровой сдержанностью, смягченной едва заметной угрюмой шутливостью.

Доминик отличался физической храбростью и уверенностью в себе, как все сильные люди. Получасовая беседа в столовой удивительно сблизила его с Ритой, и Рита сказала тоном великосветской дамы: «Mais il est parfait, cet homme!»[53] Он действительно был великолепен. Стоя на борту «Тремолино», укутанный в черный живописный плащ моряков Средиземного моря, Доминик со своими густыми усами и жестокими глазами, блеск которых смягчался тенью от низко надвинутого капюшона, походил одновременно на монаха и на пирата, посвященного в самые жуткие тайны моря.

IV

Да, Доминик был «настоящее совершенство», как сказала донья Рита. Единственным неприятным (и даже необъяснимым) минусом Доминика был его племянник Цезарь. Страшно было смотреть, как выражение неутешного стыда туманит жестокую отвагу в глазах нашего padrone, не знавшего страха и угрызений совести.

– Я бы не осмелился взять его с собой на вашу balancelle, – извинялся он передо мной. – Но что поделаешь? Мать его умерла, а мой брат ушел в маки.

Таким образом я узнал, что у нашего Доминика есть брат. А «ушел в маки» означает, что человек успешно выполнил свой долг – родовую месть «вендетту». Вражда между родами Кервони и Бруначи была такая древняя, что, казалось, она уже выгорела и угасла. Но однажды вечером Пьетро Бруначи после трудового дня в своем оливковом саду сидел на скамье у дома с миской супа на коленях и куском хлеба в руке, а брат Доминика в это время возвращался домой с ружьем на плече, и вдруг ему стало обидно при виде этой картины мирного довольства, так явно рассчитанного на то, чтобы возбудить в нем чувство ненависти. Они с Пьетро ни разу в жизни не ссорились, но, как объяснил мне Доминик, «все наши мертвецы в эту минуту взывали к моему брату». И он крикнул из-за каменной стены: «Эй, Пьетро! Гляди, что сейчас будет!» А когда тот, ничего не подозревая, поднял голову, брат Доминика прицелился ему прямо в лоб и свел счеты с родом Бруначи. Да так удачно, что, по словам Доминика, убитый остался сидеть с миской супа на коленях и куском хлеба в руке.

Вот почему (ибо на Корсике мертвые не оставляют в покое убийцу) брату Доминика пришлось уйти в маки, то есть лесные заросли на необитаемом склоне горы, и весь короткий остаток жизни скрываться там от жандармов. А сына своего он поручил Доминику с наказом сделать из него настоящего мужчину. Более безнадежного предприятия нельзя было себе и представить. Здесь не было даже и благодарного материала для такой задачи. Все Кервони, хотя красотой не отличались, были крепкие, здоровые, полнокровные люди. А у этого худого, как щепка, мертвенно бледного юнца в жилах было, кажется, не больше крови, чем у улитки.

«Должно быть, какая-нибудь проклятая ведьма украла сына моего брата из колыбели, а на его место положила это заморенное отродье дьявола. Взгляните на него! Нет, вы только взгляните!» Смотреть на Цезаря не доставляло никакого

удовольствия. Сухая, как пергамент, кожа какой-то мертвенной белизной сквозила на голове меж прядей жидких каштановых волос и казалась приклеенной к черепу. Цезарь был физически совершенно нормален, но я никогда не мог бы себе вообразить более близкого подобия тому, что разумеют под словом «урод». И не сомневаюсь, что это впечатление создавал нравственный облик Цезаря. Его безнадежно порочная натура как будто отражалась в сочетании физических черт, которые, каждая в отдельности, не имели в себе ничего безобразного или страшного. Мне всегда казалось, что тело у Цезаря холодное на ощупь и скользкое, как змея. На малейший упрек, на самое мягкое и заслуженное замечание Цезарь отвечал гневным взглядом, поджимал тонкую и сухую верхнюю губу и злобно огрызался, а к этому еще обычно прибавлялся неприятный звук – скрежет зубов.

Дядя бил его скорее за эти злобные выходки, чем за его вранье, наглость и лень. Не думайте, что это были настоящие жестокие побои. Коричневая рука Доминика медленно, с достоинством описывала в воздухе широкий горизонтальный круг – и Цезарь валился с ног, как кегля. Это было очень смешно. Но, упав, он извивался и корчился на палубе, скрипел зубами в бессильной ярости – и это было уже страшно. А частенько Цезарь пугал нас, исчезая внезапно и бесследно. Чтобы избежать величественных подзатыльников дяди, Цезарь убегал вниз и исчезал. Исчезал весь целиком без остатка в открытом люке или лазе, или за поставленными один на другой бочонками – в зависимости от того, в каком месте его застиг могучий кулак дяди.

Как-то раз, это было в старой гавани, перед самым уходом «Тремолино» в его последний рейс, Цезарь таким образом перемахнул через борт и скрылся, сильно смутив меня этим. Мы с Домиником стояли на корме, занятые деловым разговором, а Цезарь притаился за моей спиной и подслушивал – в числе его достоинств была и такая привычка, он был форменный шпион.

Услышав тяжелый всплеск за бортом, я от ужаса прирос к месту. Доминик же спокойно подошел к поручням и, перегнувшись через борт, подождал, пока голова его племянника не вынырнула на поверхность.

– Эй, Цезарь! – пренебрежительно крикнул он фыркавшему и захлебывающемуся мальчишке. – Хватайся за швартов[54], падаль чертова!

Он вернулся ко мне, чтобы докончить прерванный разговор.

– Что же будет с Цезарем? – спросил я с беспокойством.

– Каналья! Пусть повисит там на канате, – ответил Доминик и спокойно перешел к делу. Я же тщетно старался не думать о

Цезаре, барахтавшемся по уши в воде старой гавани, этом настое из накопленных здесь веками отбросов с кораблей. Я пытался выкинуть из головы эту картину, потому что она вызывала тошноту. Наконец, Доминик, кликнув незанятого боцмана, послал его выуживать племянника. И через некоторое время Цезарь поднялся на палубу. Он весь дрожал, в волосах застряла грязная солома, а на плече – гнилая корка. Зубы у него стучали, желтые глаза мрачно косили, когда он проходил мимо. Я счел своим долгом выразить протест.

– Зачем вы его постоянно колотите, Доминик? – спросил я, убежденный, что с его стороны это только бесполезная трата времени и мускульной силы.

– Надо же попробовать сделать из него человека! – сказал Доминик безнадежным тоном.

Я едва удержался от логичного ответа, что таким способом он рискует сделать из Цезаря то, что незабвенный м-р Монталини называл «чертовски сырой и неприятный труп».

– Он хочет быть кузнецом, – разразился вдруг Кервони. – Наверное, для того, чтобы научиться взламывать замки, – добавил он с горечью.

– Отчего бы вам не согласиться? – рискнул я спросить. – Пускай его будет кузнецом.

А учить его кто будет? Где мне его оставить? – возразил Доминик упавшим голосом, и я впервые увидел человека в полном отчаянии. – Понимаете, ведь он ворует! Клянусь Пресвятой Девой! Мне кажется, он способен подсыпать мне или вам яду в пищу. Гад этакий!

Он поднял лицо и сжатые кулаки к небу.

Однако Цезарь не подсыпал яду в наши чашки. Не могу сказать уверенно, но думаю, что он действовал другим способом.

В этот рейс, о котором нет нужды рассказывать подробно, нам пришлось ехать далеко – у нас на то были достаточно веские причины. Приехав с юга, чтобы довести до конца главную и очень опасную часть нашего плана, мы должны были еще зайти в Барселону и получить там некоторые необходимые сведения. Это называется сунуть голову в пасть ко льву, но на самом деле это было не так опасно. У нас имелось двое-трое влиятельных друзей, занимавших высокое положение, и множество помощников, людей и незначительных, но дорого стоивших, мы их покупали за наличные деньги – и большие деньги. Таким образом, нам не грозили никакие неприятности. Нужные нам важные сведения мы получали сразу же из рук таможенного чиновника, который явился на борт «Тремолино» и с показным рвением стал тыкать железной палкой в слой апельсинов, прикрывавший невидимую

часть нашего груза в трюме.

Ревностный таможенник, перед тем как сойти на берег, ловко и незаметно сунул Доминику в руки ожидаемую нами бумагу, а несколько часов спустя, сменившись с дежурства, опять пришел, рассчитывая на выпивку и вещественные знаки благодарности. И то и другое он, конечно, получил. Пока он сидел в крохотной каюте и тянул ликер, Доминик засыпал его вопросами насчет guardacostas. Со службой береговой обороны нам приходилось серьезно считаться, и для безопасности и успеха нашего предприятия было очень важно знать, где стоят ближайшие патрульные суда. Сведения были самые благоприятные. Таможенник назвал одно местечко на побережье милях в двенадцати от Барселоны, где стоял на якоре ничего не подозревавший сторожевой корабль с убранными парусами, не готовый к выходу – на нем красили реи, скоблили рангоуты[55]. Таможенник наконец удалился после обычных любезностей, оглядываясь и поощрительно ухмыляясь нам все время, пока не сошел вниз.

От избытка осторожности я почти весь день проторчал внизу, не выходя на палубу. В этот рейс ставка наша в игре была очень высокая.

– У нас все готово, можно выходить, да вот Цезаря нет, пропадает где-то с самого утра, – доложил мне Доминик с обычной хмурой неторопливостью.

Мы не могли понять, куда и зачем ушел этот мальчишка.

Доминик отправился его разыскивать, но часа через два вернулся один, очень сердитый – я угадывал это потому, что усмешка под усами стала заметнее. Мы недоумевали, что случилось с негодным мальчишкой, и поспешно стали проверять наше имущество. Но все было на месте. Цезарь не украл ничего.

– Пустяки, явится скоро, – уверял я Доминика. Прошло десять минут – и один из матросов на палубе крикнул:

– Идет! Я его вижу!

Цезарь был в одной рубашке и штанах. Куртку он продал – должно быть, ему понадобились карманные деньги.

– Мерзавец! – только и сказал Доминик с жутким спокойствием. Он с трудом сдерживал свою ярость. – Где это ты шлялся, бродяга? – спросил он затем грозно.

Мы так и не добились от Цезаря ответа. На этот раз он даже не пожелал снизойти до лжи. Он стоял перед нами сжав губы, скрипя зубами и не дрогнул, не отступил, когда Доминик размахнулся… Разумеется, он сразу упал как подстреленный. Но на этот раз я заметил, что он поднялся не сразу, дольше обычного оставался на четвереньках и, оскалив свои большие зубы, смотрел

через плечо снизу вверх на дядю с каким-то новым выражением в глазах: к обычной ненависти примешивалось сейчас какое-то острое злорадное любопытство. Это меня очень заинтересовало. «Вот именно так он смотрел бы, если бы ему удалось подсыпать в наши тарелки яду», – подумал я. Но я, конечно, ни одной минуты не верил, что Цезарь способен отравить нас. Он ведь сам ел то же, что мы, да и откуда он возьмет яд. Вообще я не мог себе представить, что найдется человек, настолько ослепленный алчностью, чтобы продать яд этому мальчишке.

V

В сумерки мы тихонько снялись с якоря и ушли в море, и до утра все было благополучно.

Когда рассвело, я указал Доминику на одно судно среди нескольких парусников, уходивших от надвигавшегося шторма. На нем было столько парусов, что корпус стоял стоймя и походил на серую колонну, неподвижно высившуюся в нашем кильватере[56].

– Поглядите на этого молодчика, Доминик. Он, видимо, очень спешит вслед за нами.

Padrone, запахнув свой черный плащ, молча встал и посмотрел в указанном мной направлении. Его обветренное лицо в рамке капюшона дышало властной и дерзкой силой, глубоко сидящие глаза смотрели не мигая, пристальные, зоркие, жестокие глаза морской птицы.

– Chiva piano, va sano[57], – промолвил он наконец, повернув голову и насмешливо подмигнув мне, – он намекал, очевидно, на лихорадочно быстрый ход нашего «Тремолино».

«Тремолино» лез из кожи, он летел по волнам, едва касаясь бурлящей пены. Я опять присел, чтобы укрыться за низким фальшбортом[58], а Доминик простоял еще с полчаса на месте, покачиваясь на расставленных ногах, и всей своей позой выражал сосредоточенное, напряженное внимание. Затем сел рядом со мной на палубу. Под монашеским капюшоном глаза его сверкали так дико, что я был поражен.

Он сказал:

– Должно быть, захотелось обмыть свежую краску на реях, вот он и пришел сюда.

– Что? – крикнул я, вставая. – Так это береговая оборона?

Постоянная тень усмешки под пиратскими усами Доминика обозначилась явственнее, стала почти видимой, настоящей, мрачной усмешкой под мокрыми развевавшимися усами. Это у

Доминика было симптомом неистового гнева. Но я видел, кроме того, что он сильно озадачен, – и это открытие очень неприятно на меня подействовало. Доминик растерялся! Прислонясь к поручням, я долго смотрел на корму, туда, где, покачиваясь, стояла серая колонна – все на том же расстоянии от нас.

Тем временем Доминик, укутанный с головой в свой черный плащ, сидел, скрестив ноги, на палубе, спиной к ветру, смутно напоминая араба в бурнусе, сидящего на песке. Спасаясь от бивших в лицо ветра и дождя, я наконец перебрался к нему и сел рядом. Я теперь убедился, что за нами патрульное судно. Присутствие его не могло быть темой для разговора. Но скоро между дождевых туч пробился луч солнца, упал на его паруса – и наши матросы сами увидели, что это за судно. С этой минуты они уже ни на что другое не обращали внимания. Их взгляды и мысли были прикованы к кораблю, белевшему вдалеке за нашей кормой. Уже заметно было, как он покачивался на волнах. Некоторое время он казался ослепительно белым, затем медленно растаял в шквале, но возник снова, уже почти серый, прямой, как столб, на аспидно-сером фоне густой тучи. С того момента, как мы его впервые увидели, он не приблизился к нам ни на фут.

– Не догонит он «Тремолино», – сказал я радостно.

Доминик не смотрел на меня. Он только рассеянно заметил, что непогода на руку нашим преследователям. Патрульное судно было в три раза больше «Тремолино». Следовало не давать ему приблизиться к нам до сумерек (это было не трудно), а там круто повернуть в открытое море и обсудить положение. Но мысли Доминика, казалось, наткнулись во мраке на какую-то неразрешимую загадку, и он скоро совсем замолчал. Мы шли и шли, все ускоряя ход. Мыс Сан-Себастьян был уже близко впереди, он то как будто отходил назад, исчезая в водяных шквалах, то опять выходил нам навстречу, все более ясно видный между потоками дождя. Я вовсе не был убежден что этот gabelou[59] (так называли его между собой наши матросы, произнося это слово как ругательство) гнался за нами. Погода была явно угрожающая. Я высказал вслух оптимистическое предположение, что таможенник, ничего не подозревая, уходит от шторма, меняет стоянку.

– А я вам говорю, что это погоня, – сердито перебил меня Доминик, бросая беглый взгляд на корму.

Я всегда полагался на его мнение. Но пыл новичка и тщеславие способного ученика делали меня в то время великим казуистом.

– Вот чего я не могу понять, – сказал я настойчиво. – Каким образом он при таком ветре смог оказаться там, где мы его в

первый раз увидели? Ясно, что он не мог за ночь сделать двенадцать миль. Есть и другие непонятные вещи…

Похожий на черный каменный конус, Доминик неподвижно сидел на кормовой палубе около руля и некоторое время молча размышлял. Затем, наклонясь вперед, с отрывистым смехом, он поделился со мной горькими плодами своих размышлений. Сказал, что теперь все отлично понял. Сторожевое судно оказалось там, где мы его впервые увидели, вовсе не потому, что догнало нас: просто ночью мы прошли мимо него там, где оно заранее ждало нас, зная, каким путем мы пойдем.

– Соображаете теперь? – яростным полушепотом бормотал у меня над ухом Доминик. – Оно уже ждало нас! Вы знаете, что мы вышли на добрых восемь часов раньше, чем собирались. А выйди мы вовремя, оно бы успело зайти за мыс и ожидало бы нас там! – Доминик по-волчьи щелкнул зубами у самого моего лица. – И зацапало бы нас как Бог свят!

Теперь и я понял все. Ведь у тех на «таможеннике» и глаза и мозги на месте. Мы миновали их в темноте в то время, как они трусили себе не торопясь к назначенному месту засады, воображая, что мы еще далеко позади, а когда рассвело, увидели нас впереди на всех парусах и стали догонять.

– Но если так, значит… Доминик стиснул мне руку.

– Да, да! Они вышли за нами по доносу… Понятно? По доносу. Нас предали… Но кто? Для чего? Как это могло случиться? Мы всегда так хорошо платили всем на берегу… Нет! Голова у меня готова треснуть…

Он снова поперхнулся словами, рванул пуговицу плаща у горла и вскочил, уже открыв рот, чтобы проклясть и разоблачить изменника, но овладел собой и, запахнув плащ, сел на палубу с прежним спокойствием.

– Да, это дело какого-то мерзавца на берегу, – заметил я.

– Мерзавца… Да… Очевидно.

– Ну, все равно. Им нас не поймать, это ясно.

– Нет, – согласился он спокойно, – не поймать. Мы проскользнули мимо мыса очень близко, чтобы избежать встречного течения. С другой стороны ветер на некоторое время совсем улегся, так что оба больших верхних паруса нашего «Тремолино» вяло повисли на мачтах, под громовой рев волн, бившихся о берег, который остался позади. А когда новый порыв ветра снова надул паруса, мы с изумлением увидели, что половина новенького грота[60] совершенно вырвана из ликтросов, а мы-то думали, что он скорее потопит судно, чем уступит ветру! Мы сразу же спустили реи и спасли положение, но это был уже не парус, а куча мокрых лоскутов, завалившаяся на палубу и

утяжелявшая судно. Доминик приказал все это выбросить за борт.

– В другое время я бы и рею выбросил, – сказал он, уводя меня снова на корму, – но тут такой случай…

– Вы виду не подавайте, – продолжал он, понизив голос, – я вам сейчас расскажу ужасную вещь.

Слушайте: я заметил, что веревки, которыми сшит парус, разрезаны. Понятно? И все-таки он держался столько времени! Видно, неглубоко надрезаны. А сейчас ветер сильно ударил по ним – и готово. Но не в этом дело. Слушайте: здесь, на этой самой палубе, засела измена. Клянусь рогами дьявола! Сидит у нас за спиной. Не оборачивайтесь, синьорино!

Мы стояли в это время лицом к корме.

– Что же делать? – спросил я в ужасе.

– Ничего. Молчите. Будьте мужчиной, синьорино!

– Но что же дальше?

Чтобы показать себя мужчиной, я решил не раскрывать рта, пока у самого Доминика хватит выдержки молчать. Кроме того, сообщение о предательстве словно парализовало мои мысли и чувства. С час или больше мы наблюдали, как наш преследователь подплывал все ближе и ближе, ныряя между шквалами, которые временами совсем скрывали его из виду. Но даже тогда, не видя его, мы ощущали его близость, как нож у горла. Он с ужасающей быстротой нагонял нас. А «Тремолино» легко мчался на одном парусе, и какая-то беспечность была в радостной свободе его движений. Прошло еще полчаса. Я наконец не выдержал.

– Они поймают бедную тартану! – пробормотал я чуть не плача.

Доминик был недвижим, как статуя. Чувство ужасного одиночества сжало мое неопытное сердце. Я подумал о своих товарищах. Вся компания, по моим расчетам, сидела сейчас в Монте-Карло. И они мне вдруг явно представились – такие крохотные, с деланными голосами и деревянными жестами, – ну точь-в-точь шествие марионеток на сцене кукольного театра. Я вздрогнул. Что это? Из глубины черного капюшона послышался таинственный и безжалостный голос:

– Al faut teur[61].

Я слышал это ясно.

– Что вы говорите, Доминик? – переспросил я беззвучно.

И голос из глубины капюшона шепотом повторил:

– Ее надо убить.

Сердце у меня громко заколотилось.

– Да… но как?

– Вы ее любите?

– Люблю.

– Значит, у вас хватит духу сделать это. Правьте сами, а я позабочусь о том, чтобы она умерла быстро и от нее щепки не осталось.

– Правда? – шепнул я и, как зачарованный черным капюшоном, пошел без колебаний с кормы. Я словно заключал союз с этим древним морем работорговцев, магов, изгнанников и воинов, морем легенд и ужасов, где в далекие времена мореплаватели слыхали порой, как громко рыдает во мраке не находящий себе покоя призрак скитальца.

– Я знаю одну скалу, – шептал таинственно из капюшона голос моего учителя. – Но смотрите! Это надо сделать раньше, чем матросы догадаются о нашем замысле. Кому сейчас можно доверять? Стоит проткнуть ножом фалы [62] – и фок[63] слетит, и через двадцать минут прощай, свобода! Даже лучшие из наших людей могут испугаться гибели. У нас, конечно, есть шлюпка, но в таких случаях никто не может быть уверен, что спасется.

Голос умолк.

– Понимаю, – сказал я тихо. – Хорошо, Доминик. Когда?

– Рано еще. Сначала надо уйти подальше в море, – ответил он замогильным голосом.

VI

Решение было принято. Только теперь у меня хватило мужества обернуться. Матросы на палубах с встревоженными, унылыми лицами все глядели в одну сторону – следили за нашим преследователем. В первый раз за это утро я увидел Цезаря, растянувшегося на палубе около фок-мачты, и спросил себя, где же он прятался до сих пор? Впрочем, он мог бы все время вертеться рядом – я бы все равно не заметил. Мы были слишком поглощены мыслями об ожидавшей нас участи, чтобы обращать внимание друг на друга. Никто с утра еще ничего не ел, и матросы только беспрестанно ходили к бочке с водой. Я сбежал вниз, в каюту. Там, в шкафчике, у меня было заперто десять тысяч фунтов золотом, и об этом, кроме Доминика, не подозревал ни один человек на судне. Когда я снова вышел на палубу, Доминик стоял спиной ко мне и вглядывался в берег. Мыс Крейс скрывал от нас все впереди. Слева широкий залив, где бешеные шквалы взметали воду, весь словно заволокло дымом. За нами небо имело грозный вид.

Увидев меня, Доминик тотчас же безразличным голосом осведомился, что случилось. Я подошел к нему вплотную и,

стараясь казаться спокойным, сказал вполголоса, что я нашел шкафчик взломанным, а пояс с зашитым в нем золотом исчез. Вчера вечером он был на месте!

– Что вы хотели сейчас сделать с этим поясом? – спросил Доминик, весь дрожа. Надеть на себя, разумеется, – ответил я, с удивлением замечая, что у него стучат зубы.

– Проклятое золото! – пробормотал он. – Оно из-за своей тяжести могло стоить вам жизни. – Он содрогнулся. – Но сейчас некогда толковать об этом.

– Я готов!

– Погодите. Я жду, чтобы пронесся этот шквал, – буркнул Доминик. Прошло еще несколько минут, тяжких, как свинец.

Наконец шквал прошел. Какой-то черный вихрь скрыл от наших глаз гнавшееся за нами судно. «Тремолино» дрожа несся по волнам. Исчезла и земля впереди, и мы были одни в царстве воды и ветра.

– Prener la barre, monsieus[64], – внезапно нарушив молчание, сказал Доминик резким голосом. – Берите румпель[65]. – Он наклонил свой капюшон к моему уху. – Тартана – ваша, и вы собственной рукой должны нанести удар. Я… у меня есть еще другое дело.

Он, уже громко, сказал рулевому:

– Передай руль синьорино, а ты и все остальные будьте под рукой и как услышите команду, мигом подтяните шлюпку.

Матрос повиновался. Он был удивлен, но ничего не сказал. Остальные навострили уши, зашевелились. Я слышал, как они перешептывались: «Что это еще за новости? Пристанем где-нибудь? Будем удирать? Ну, да Доминик лучите знает, что делать».

Доминик прошел по палубе. Он остановился, чтобы взглянуть на Цезаря (который, как я уже говорил, лежал, растянувшись на животе, около фок-мачты), перешагнул через него и скрылся под фоком. Я стоял у руля, но не смотрел вперед. Я не мог смотреть никуда, только на этот парус, развернутый, неподвижный, как большое темное крыло. Но Доминик, видимо, зорко следил за ориентирами. Голос его едва слышно донесся до меня с носовой части:

– Давайте, синьорино!

Я повернул румпель так, как было заранее условлено. Снова слабо прозвучал голос Доминика, и затем мне оставалось только держать прямо. Ни одно судно не мчалось так весело навстречу своей гибели. «Тремолино» то поднимался, то опускался на волнах, словно плавая в пространстве, затем летел вперед со свистом, как стрела. Доминик, пригнувшись под фоком, вышел на

такое место, где я мог его видеть, и стоял, подняв палец, в позе настороженного ожидания. За секунду до того, что произошло, рука его опустилась. Я сжал зубы… и затем…

Рассказывать о досках, превращенных в щепки, о разбитых вдребезги бревнах? Это кораблекрушение лежит у меня на душе как страшное убийство. Незабываемы муки совести, так как я одним ударом разбил живое, верное сердце. В первое мгновение – стремительный бег, ощущение парящего полета; в следующее – крушение, смерть, безмолвие, мгновение страшной неподвижности. Песня ветра перешла в вой, и высокие волны вскипали вокруг трупа медленно и грозно. Я, словно обезумев, увидел, как летела, качаясь от носа к корме, фок-рея[66], как люди, сбившись в кучу, в ужасе выкрикивали проклятия и с лихорадочными усилиями подтягивали за канат шлюпку. Со странным удовольствием от того, что вижу что-то знакомое, я заметил среди них и Цезаря, узнал жест Доминика – горизонтальный размах его мощной длани. Ясно помню, как я подумал: «Цезарь, конечно, должен погибнуть», а затем я очутился на четвереньках, качавшийся румпель, который я выпустил из рук, треснул меня пониже уха, и я упал замертво.

Думаю, что без сознания я был несколько минут, но когда пришел в себя, шлюпка уже неслась по ветру в бухточке между скалами, ее направляли веслами два матроса. Я был усажен на офицерском месте, и Доминик поддерживал меня, обнимая за плечи.

Мы высадились в знакомой нам местности.

Под нами справа расстилался широкий, окутанный дымкой залив – пустой. Доминик сдержал слово. Ни щепки не было видно вокруг черной скалы, с которой «Тремолино», чье смелое сердце разбилось сразу, соскользнул в глубокие волны, где его ждал вечный покой. Над безбрежной равниной открытого моря мчались туманы, и в центре уже редеющего шквала, как призрак, распустив огромное количество парусов, ничего не подозревающее патрульное судно неслось к северу, все продолжая гнаться за нами. Наши матросы уже спускались по противоположному склону, чтобы поискать плоскодонку, которую, как мы знали по опыту, не всегда можно было найти на месте. Я смотрел им вслед мутными глазами. Один, двое, трое, четверо…

– Доминик, а где же Цезарь? – воскликнул я.

Как будто отстраняя от себя самый звук этого имени, он сделал тот широкий, плавный жест, которым он сшибал с ног Цезаря. Я отступил на шаг и испуганно посмотрел на него. Незастегнутая рубашка открывала мускулистую шею и волосатую

грудь. Он воткнул весло вертикально в рыхлую землю и, медленно засучив правый рукав, показал мне голую руку.

– Вот, – заговорил он с расстановкой, и нечеловеческое усилие было в его голосе, вибрировавшем, как струна, подавленном силой чувств. – Вот та рука, что нанесла удар. А остальное, боюсь, сделало ваше золото. Я о нем совсем забыл! – Он сжал руки в неожиданном порыве горя. – Забыл, забыл, – твердил он безутешно.

– Так это Цезарь украл золото? – выговорил я, заикаясь.

– А кто же? Каналья! Он, наверное, долгое время шпионил за вами. И все остальное – тоже его рук дело. Весь день пробыл в Барселоне. Предатель! Продал свою куртку, чтобы… нанять лошадь. Ха-ха! Выгодное дельце! Говорю вам – это он выдал нас им.

Доминик указал на море, где guardacostas казался уже только темным пятном вдали. Он поник головой.

– Доносчик… – бормотал он мрачно. – Кервони – доносчик! О, мой бедный брат!..

– И вы его утопили, – сказал я слабым голосом.

– Я ударил раз – и этот негодник пошел ко дну, как камень, – ведь на нем было ваше золото. Да. Но он успел прочесть в моих глазах, что его ничто не спасет, пока я жив. И что же – разве я был не вправе? Я, Доминик Кервони, я, который привел его на вашу фелюгу? Мой племянник – предатель!

Он выдернул весло из земли и заботливо повел меня вниз с горы… Когда мы прошли немного дальше и перед нами открылась рыбачья деревушка, Доминик остановился.

– Можете вы один дойти до тех домов? Как вам кажется? – спросил он спокойно.

– Да, думаю, что смогу. Но почему один? А вы куда пойдете, Доминик?

Куда-нибудь. Что за вопрос! Синьорино, вы еще почти мальчик, а задаете этот вопрос мужчине, у которого в роду случилась такая позорная история! А! Предатель! И зачем я признал его своим племянником, человеком крови, это отродье дьявола! Вор, трус, плут, лгунишка… Другие как-то умеют мириться с этим… Но я был ему родной дядя и потому… Да, жаль, что он не отравил меня – сволочь! Теперь я, я, человек, которому все доверяют, должен просить у вас прощение за то, что я провел его на ваше судно, предателя, человека, который вас продал. Нет! Это уж слишком… Этого мне не вынести. Вот я прошу у вас прощение. И вы можете плюнуть Доминику в лицо, так как измена человека из нашего рода позорит нас всех. Кражу можно возместить, ложь исправить, за смерть отомстить, но чем

искупить измену? Ничем!

Он отвернулся и пошел от меня берегом реки, сердито размахивая рукой и повторяя самому себе с ясной выразительностью: «Ах, каналья! Каналья!» Я сидел на том же месте, трясясь от слабости и немой от благоговения. Не в силах выговорить ни слова, я глядел вслед странной одинокой фигуре моряка с веслом на плече, шедшего вверх по голому, усеянному камнями ущелью под хмурым свинцовым небом, в последний день жизни «Тремолино». Медленно шагая спиной к морю, Доминик скрылся из виду.

Так как качество наших желаний, мыслей и интересов соответствует нашему безмерному ничтожеству, то мы даже время меряем по своей мерке. В тюрьме наших иллюзий тридцать веков истории человечества кажутся нам менее достойными внимания, чем тридцать лет нашей собственной жизни, на которые мы и предпочитаем оглядываться.

И Доминик Кервони занял место в моей памяти рядом с тем легендарным скитальцем по морю чудес и ужасов, с тем обреченным нечестивцем, которому вызванная им тень предрекла, что он будет бродить по земле с веслом на плече до тех пор, пока не повстречает людей, которые никогда не видели корабль и весла. Я, кажется, так и вижу их стоящими рядом в сумеречной безводной стране, этих несчастных хранителей тайн моря, с эмблемой их трудного ремесла на плече.

Вопросы и задания

1. Кто является главным героем этого произведения?

2. Какое место занимает в произведении понятие чести («доброго имени»)? Сравни рассуждение о «добром имени» судна со словами Доминика о чести рода Кервони.

3. Почему Доминик предлагает «убить» «Тремолино»? Прав ли он?

4. Почему в конце произведения Доминик покидает капитана?

5. Охарактеризуй образ Доминика.

6. От чьего лица ведется повествование и в чем особенности повествования?

7. Определи жанр этого произведения, указав его признаки.

8. Подготовь выразительное чтение понравившейся главки.

9. Нарисуй «портрет» «Тремолино».

Константин Георгиевич Паустовский

Хочу познакомить тебя с ярким образцом русского очеркового творчества – циклом К. Г. Паустовского «Мещорская[67] сторона».

Автор стремится помочь читателю почувствовать себя частью природы, слиться с ней воедино, ощутить всю прелесть и «все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы».

Родился Константин Георгиевич Паустовский в самом конце XIX века на Украине, где окончил гимназию, учился в университете. Завершить образование ему помешали Первая мировая война и революция. Известность писателю приносят несколько его книг («Кара-Бугаз», «Колхида»), в которых он обращается к жанру очерка.

Для детей Паустовский создает ряд сказок, новелл и повестей, среди которых хорошо известный тебе «Растрепанный воробей».

Все интересное и увлекательное не начинается само по себе. Для этого должно что-то произойти: так, для К. Г. Паустовского знакомство с Мещерским краем началось беседой с «косматым дедом». В результате появились первые два очерка…

Художественный мир очерков писателя вроде бы похож на мир реальный, за одним лишь исключением – в нем всюду незримо присутствует Паустовский. И если ты проявишь внимание и наблюдательность, то без труда сумеешь отличить произведение К. Г. Паустовского от произведений его современников, также писавших очерки.

«Мещорская сторона» – это путевые заметки, вобравшие в себя наиболее сильные и яркие впечатления автора, путешествующего от Владимира до Рязани. Умелое использование художественных определений (эпитетов), скрытых художественных сравнений **(метафор)** позволяет читателю насладиться красотой русской природы. Возникает желание совершить путешествие вслед за автором, узнать много нового и неведомого, пройти таинственными тропами обыкновенной земли, имя которой Мещерская сторона. Последний очерк из цикла, называющийся «Бескорыстие», непохож на другие. Он самый маленький по объему, в нем нет героев, а точнее, в очерке присутствует только один герой – это сам автор, которого «этот клочок земли научил видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было».

Ответь мне, пожалуйста, о какой никогда не

забываемой любви говорит автор в последнем очерке. Какие признаки отличают очерк от новеллы? Покажи их на примере произведений К. Г. Паустовского.

Попробуй сам написать очерк о чем-либо, что особенно полюбилось тебе или произвело на тебя сильное впечатление.

Мещорская сторона

Обыкновенная земля

В Мещорском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но все же край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромен – так же, как картины Левитана. Но в нем, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы.

Что можно увидеть в Мещорском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поемные[68] и лесные озера, заросшие черной кугой[69], стога, пахнущие сухим и теплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму.

Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда трава на рассвете покрывается инеем, как солью.

Я вырывал в сене глубокую нору, залезал в нее и всю ночь спал в стогу, будто в запертой комнате. А над лугами шел холодный дождь, и ветер налетал косыми ударами.

В Мещорском крае можно увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что бубенчик-«болтун» заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр. Но такая тишина стоит в лесах только в безветренные дни. В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

В Мещорском крае можно увидеть лесные озера с темной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звезды.

Что можно услышать в Мещорском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суетливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в деревушке, а по ночам – разноголосое пение петухов да колотушку деревенского сторожа.

Но увидеть и услышать так мало можно только в первые дни. Потом с каждым днем этот край делается все богаче, разнообразнее, милее сердцу. И, наконец, наступает время, когда каждая ива над заглохшей рекой кажется своей, очень знакомой, когда о ней можно рассказывать удивительные истории…

Бескорыстие

Можно еще много написать о Мещорском крае. Можно написать, что этот край очень богат лесами и торфом, сеном и картофелем, молоком и ягодами. Но я нарочно не пииту об этом. Неужели мы должны любить свою землю только за то, что она богата, что она дает обильные урожаи и природные ее силы можно использовать для нашего благосостояния!

Не только за это мы любим родные места. Мы любим их еще за то, что, даже небогатые, они для нас прекрасны.

Я люблю Мещорский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд – это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю. И если придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно ни было, – этот лесной задумчивый край, любовь к которому не забудется, как никогда не забывается первая любовь.

В мастерской художника слова
Писатели-очеркисты

Написать хороший очерк непросто. Об этом не раз говорил один из лучших отечественных писателей-очеркистов К. Г. Паустовский. Причем, он все время обращал внимание на самую главную особенность очерка – на сочетание точных фактов и вымысла. Послушай, что говорит этот замечательный писатель: «Я считаю, что очерк, полный мысли и фактов, ничем не отличается от так называемой «большой литературы». Мне могут возразить, что в большой литературе есть творческий вымысел, а в очерке его не должно быть. Это неверно. Вымысел в хорошем очерке остается всегда. Ничто так не вскрывает сущности вещей, как подача фактов с умелым подбором деталей, освещенных некоторым блеском вымысла и пафосом эпохи».

В чем же проявляется «некоторый блеск вымысла»? И на этот вопрос К. Г. Паустовский дает очень интересный ответ: «Хорошие художники никогда не рисуют здание с фронта, «в лоб», а берут ракурс. Этот закон необходим и для литературного показа действительности. В лоб ее берут газеты. Книга и очерк должны повернуть ее к читателю (в качестве отправной точки) такой гранью, которая раньше оставалась в тени, и тем придать ей естественный и необходимый блеск».

«Блеск» связывается К. Г. Паустовским с «ракурсом». Что это значит? Писатель не случайно приводит сравнение с живописью. В живописи ракурс при изображении здания, во-первых, позволяет показать наиболее характерные, важные, необычные его черты, а во-вторых, он создает перспективу. Точно так же и в очерке. Писатель должен из всего многообразия известных ему фактов отобрать наиболее характерные, наиболее значимые и, что самое главное, наиболее яркие с точки зрения их воздействия на самого автора. Проще говоря, он отбирает те факты, которые пробудили его чувства и воображение, дополняя эти факты своими размышлениями, догадками и чувствами. Это и есть «ракурс», выбранный очеркистом.

В твоей жизни наверняка были яркие встречи и неожиданные открытия. Не хочешь ли ты попробовать написать о них очерк? Но, взявшись за это дело, помни, что описываемые тобой факты должны иметь «блеск», а само описание – правильно выбранный «ракурс».

Сокровища книжных полок

Новелла – один из наиболее распространенных жанров в литературе. За время своего существования человечество накопило великое множество замечательных произведений, созданных в этом жанре. Я хорошо знаю, как ты любишь сказки, поэтому хочу предложить тебе прочитать несколько новелл, в которых авторы обращаются к невероятным, почти сказочным событиям.

Я надеюсь, тебе уже известно имя великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Он довольно часто обращался к фантастике, и многие его новеллы подчас содержат в себе такие необыкновенные происшествия, что им позавидует не один сказочник. Открой его новеллы «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или Утопленница», и ты убедишься в правоте моих слов. Когда будешь читать Н. В. Гоголя, обрати внимание на язык его новелл: в русской литературе немного писателей умеют столь мастерски использовать возможности живого русского слова.

В новелле М. Н. Загоскина «Белое привидение» самые загадочные и необъяснимые явления оказываются не способными поколебать силу и волю русского человека.

Удивительную новеллу создал О. М. Сомов. Она называется «Оборотень» и опирается на старинное народное поверье о превращении людей в диких животных. Рассказ о том, как человек превратился в волка, проникнут искренней любовью к людям и неподдельным юмором. Происшествие, которое могло бы закончиться для героя весьма печально, не только обретает счастливую концовку, но не может не вызвать веселой улыбки у читателя.

Но новелла нечасто обращается к фантастическим происшествиям. Гораздо чаще она рассказывает об интересных событиях в жизни людей. Я очень советую тебе прочитать новеллы К. М. Станюковича «Максимка» и «Нянька». Этот писатель очень любил море и хорошо знал характер русского человека. В названных мною новеллах богатство души русских моряков раскрывается при общении с детьми, которые первыми откликаются на проявление доброты и благородства.

А вот А. И. Куприн в новелле «Ю-ю» показывает загадочность и благородство «души» обыкновенной кошки, которая тоже прекрасно чувствует и понимает маленьких детей.

Мне очень хотелось бы, чтобы ты прочитал маленькое произведение современного писателя Федора Александровича Абрамова «Золотые руки». Повествование заключает в себе

истинно народную мудрость, и над его вроде бы простыми словами, право же, стоит задуматься.

Немало хороших новелл создано зарубежными писателями. Среди них поучительная история «Мастер красоты» американца Н. Готорна. Она поможет понять тебе, как прекрасны, но подчас беззащитны произведения искусства. А другой американский писатель О. Генри в новелле «Дары волхвов» с удивительно добрым и человечным юмором повествует о двух бедных влюбленных, стремящихся доставить радость друг другу. Любителям приключений я посоветую взять в библиотеке сборник новелл английского автора А. Конан Дойля «Морские рассказы», в котором рассказывается о жестоком пирате Джоне Шарки и о его гибели. Ну а если тебя интересует жанр очерка, то в первую очередь познакомься с произведениями сборника «Мещорская сторона» К. Паустовского, не вошедшими в эту книгу. Я рекомендую всем моим ученикам прочитать книжки Джеральда Даррелла «Перегруженный ковчег», «Зоопарк в моем багаже», «Три билета на Эдвенчер», в которые включены очерки, повествующие о том, как на протяжении многих лет их автор ловил животных для зоопарков всего мира. Это очень веселые, увлекательные и познавательные произведения.

Четвертый урок волшебства

Что такое лирика и особенности художественного мира лирического произведения

Когда ты слушаешь сказку или читаешь новеллу, представляешь себе и то место, где происходят события, и персонажей произведения, какими бы фантастичными они ни были.

Но есть произведения, художественный мир которых трудно или почти невозможно наглядно представить себе. Я предлагаю тебе вчитаться в строки гениального стихотворения великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Можно ли представить себе веру и можно ли объять взором Россию? Это стихотворение ничего не изображает и ничего не доказывает. В емкой лаконичной форме оно передает эмоциональное отношение поэта к Родине. В нем скрыт ответ на известный вопрос об истоках патриотизма.

Перед тобой блестящий образец русской лирики. **Лирика** передает субъективное, сугубо личное, индивидуальное восприятие поэтом окружающего мира. Лирика фиксирует мимолетные переживания и итоги глубоких размышлений. Ее задача – вызвать у читателя переживания, чувства, сходные с переживаниями и чувствами, владевшими автором во время создания произведения.

Художественный мир лирического произведения – это мир эмоциональных переживаний автора. Но автор не выражает свои чувства непосредственно. Он с помощью художественных образов пытается вызвать у читателя созвучные настроения. В приведенном стихотворении Ф. И. Тютчев не говорит о своем личном отношении к России, но он делает все, чтобы читатель ощутил и осознал чувство гордости за свою Отчизну.

К лирике писатели обращаются, когда стремятся передать восхищение красотой природы, чувства любви и дружбы, философские размышления по различным поводам и различные настроения. Поэтому лирика обычно подразделяется на

пейзажную (описание природы), **интимную** (любовная лирика, обращение к друзьям и близким поэта), **медитативную** (размышления поэта).

Русская поэзия создала непревзойденные образцы лирических стихотворений. Лирика А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова и многих других поэтов вошла в золотой фонд мировой литературы. Я включил в нашу магическую книгу шесть небольших лирических стихотворений. Два из них принадлежат перу Алексея Константиновича Толстого, два других написаны Афанасием Афанасьевичем Фетом. Оба этих поэта жили в середине XIX века и были замечательными мастерами лирической поэзии.

Сравни, пожалуйста, лирику обоих поэтов и ответь: какие чувства вызывают приведенные стихотворения? Какие образы возникли перед тобой во время чтения?

Я буду очень рад, если эти стихи полюбятся тебе, ты выучишь их и станешь читать наизусть.

Еще два лирических стихотворения созданы уже в XX столетии прекрасными поэтами Анной Андреевной Ахматовой и Юрием Поликарповичем Кузнецовым.

Подумай, что общего в этих стихотворениях. О чем они? Как используют авторы образы родной природы?

Алексей Константинович Толстой

«Коль любить, так без рассудку…»

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

«Край ты мой, родимый край…»

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Афанасий Афанасьевич Фет

«Чудная картина…»

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

«Облаком волнистым…»

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

Анна Андреевна Ахматова

«По той дороге, где Донской…»

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской…
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

Юрий Поликарпович Кузнецов

«Завижу ли облако в небе высоком…»

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком —
Одно уплывает, одно засыхает…
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету – что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко…
И поле широко, и небо высоко.

Литературная баллада

Литературная баллада очень похожа на балладу фольклорную, и это не случайно. Дело в том, что первые литературные баллады создавались именно как подражание народным балладам. В XVIII веке некоторые писатели в разных странах обратили свой взгляд на красоту и поэтичность устного народного творчества. Они не только собирали и публиковали народные песни, баллады и сказки, но и пытались сами писать подобные сочинения.

В Англии юный поэт Томас Чаттертон придумал образ средневекового поэта-монаха, дал ему имя Роули и от его имени начал сочинять баллады, подражая приемам, темам и образам известных ему народных произведений. А в Германии писатель Г. А. Бюргер, один из создателей известных тебе историй о бароне Мюнхгаузене, за образец для своих баллад взял собранные им произведения немецкого фольклора. В России, восхищенный красотой народной баллады, Николай Михайлович Карамзин пишет балладу «Раиса».

Все эти писатели сознательно стремились сделать свои баллады и по содержанию, и по форме похожими на фольклорные. Такой литературный прием называется **стилизацией.** Первые литературные баллады возникали на основе стилизации, и поэтому очень часто их трудно отличить от подлинных народных баллад. **Литературная баллада** – это лиро-эпический жанр, в основе которого лежит сюжетное повествование с включенным в него **диалогом** (явным или скрытым). Как и фольклорная баллада, ее литературная сестра часто открывается **пейзажным зачином,** а завершается **пейзажной концовкой.** Но главное в литературной балладе – это голос автора, его эмоциональная лирическая оценка описываемых событий.

И вот здесь мы подходим к особенностям, к отличию баллады литературной от фольклорной. Уже в первых литературных балладах лирическая позиция автора проявлялась более отчетливо, чем в народных произведениях.

Причины этого понятны. Ты, я надеюсь, помнишь, что фольклор ориентируется на общенародный идеал, а литературная баллада, стилизующая этот идеал, заключает в себе еще и личное эмоциональное отношение автора к самому народному идеалу.

Сначала создатели литературных баллад пытались не выходить за границы тем и мотивов народных источников, но затем они все чаще и чаще стали обращаться к полюбившемуся

жанру, наполняя традиционную форму новым содержанием. Стали появляться сказочные баллады, баллады сатирические и другие. Более широкая тематика также отличает литературную балладу от народной.

Произошли изменения и в форме литературной баллады. В первую очередь это касалось использования диалога. Литературная баллада гораздо чаще прибегает к скрытому диалогу, когда один из собеседников либо молчит, либо принимает участие в разговоре, ограничиваясь короткими репликами. Это связано с тем, что авторская индивидуальность создателя баллады требует более четкого и однозначного проявления. Русскому читателю широкие поэтические возможности литературной баллады открылись благодаря литературной деятельности Василия Андреевича Жуковского, творившего в начале XIX столетия. Именно баллада стала основным жанром в его поэзии, и именно она принесла ему литературную славу.

Баллады В. А. Жуковского обычно основываются на западноевропейских источниках. Не случайно этот литератор стал основателем целой школы русского поэтического перевода. Но баллады В. А. Жуковского это еще и крупное явление русской национальной поэзии. Дело в том, что, переводя английские и немецкие литературные баллады, он использовал художественные приемы и образы русского фольклора и русской поэзии. Иногда поэт очень далеко уходил от первоначального источника, создавая самостоятельное литературное произведение.

Предлагаю тебе прочитать две баллады В. А. Жуковского. Первая из них – это перевод литературной баллады великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте «Лесной царь», написанной на основе немецкого фольклора. Прекрасный литературный перевод передает и внутреннюю напряженность «страшной», фантастической баллады, которую стилизует И. В. Гёте, и лирическое отношение автора к описываемым событиям. В то же время поэт описывает лес, удивительно похожий на русский, и, если не знать, что перед нами перевод, легко можно принять это произведение за созданное на основе русской литературной традиции.

> *Посмотри, пожалуйста, какие слова придают балладе В. А. Жуковского «русский колорит». Подумай, почему в разговоре принимают участие не два, а три персонажа, как это определяет эмоциональное воздействие баллады на читателя.*

Вторая приведенная здесь баллада – это перевод произведения английского поэта-романтика Роберта Саути, современника В. А. Жуковского. На этот раз русский поэт очень точно следует за оригиналом, описывая жестокость иноземного епископа и его наказание. Кстати, и для Саути епископ Гаттон тоже иноземец, ведь действие баллады происходит не в Англии, берегах Рейна, то есть в Германии.

Обрати внимание на пейзажный зачин в этой балладе. Такого зачина ты не найдешь в балладе фольклорной: здесь создается не только определенное лирическое настроение, но через описание стихийного бедствия кратко и ясно создается картина народного горя.

В балладе Р. Саути нет и традиционного диалога. Поэт вводит в повествование несколько реплик, но персонажи не обращаются друг к другу. Народ удивляется щедрости Гаттона, но епископ не слышит людских восклицаний. Гаттон рассуждает про себя о своих злодеяниях, но его мысли может узнать только Бог. Когда же епископ слышит весть о появлении мышей, он не может отозваться на это сообщение…

> *Как ты думаешь, почему в этой балладе герои не разговаривают друг с другом? Можно ли сказать, что в этой балладе присутствует ориентация на народный идеал?*

В нашу книгу включены также две баллады Михаила Юрьевича Лермонтова, замечательного русского поэта первой половины XIX века. Баллада «Перчатка» – это перевод баллады немецкого писателя Фридриха Шиллера, друга И. В. Гёте. М. Ю. Лермонтов принадлежал к переводчикам, опиравшимся на опыт В. А. Жуковского, поэтому он стремится передать не столько форму произведения Ф. Шиллера, сколько его эмоциональное отношение к вероломной женщине, подвергающей испытанию своего рыцаря. В балладе налицо диалог: есть обращение Кунигунды к рыцарю, есть и его ответ даме. Но между двумя репликами происходит самое главное действие.

> *Подумай, почему диалог оказался в этой балладе разорванным. Как смысл названия баллады связан с лирической позицией автора? Попробуй понаблюдать, как ритм стихотворения связан с происходящими в нем событиями.*

Вторая баллада М. Ю. Лермонтова – это одно из самых лучших патриотических стихотворений, созданных русскими

поэтами. Баллада «Бородино» вся строится на развернутом диалоге. Здесь элемент пейзажного зачина («Москва, спаленная пожаром…») включается в вопрос молодого солдата, с которого начинается баллада. Затем следует ответ – рассказ участника Бородинской битвы, в котором слышны реплики участников этого сражения (ворчание «стариков», речи артиллеристов, слова полковника). Именно эти реплики, а также речь самого рассказчика позволяют поэту передать истинно народное отношение к Родине и к ее врагам.

Читая эту балладу, попытайся определить, чем гордится рассказчик, а что его печалит.

В балладе прекрасно изображен бой. М. Ю. Лермонтов сделал все, чтобы читатель смог как бы воочию увидеть сражение.

Попробуй объяснить, как создаются зрительные образы в балладе, какие возможности языка использует для этого поэт.

Последняя из приведенных в нашей магической книге баллад принадлежит Дмитрию Кедрину, поэту, жившему в первой половине XX века. Он очень любил этот жанр и, обращаясь к нему, старался использовать богатый опыт своих предшественников, поэтому его баллады всегда очень мудры и поэтичны.

«Зодчие» – это историческая баллада, посвященная двум строителям храма Василия Блаженного (храма Покрова) в Москве Барме и Постнику. Поэт положил в основу повествования народную легенду о страшной участи зодчих, создавших подлинное чудо архитектуры. В балладе Д. Кедрин показывает широкую картину московской жизни в период царствования Иоанна Грозного. Автор достигает этого благодаря включению на протяжении всей баллады зарисовок городского пейзажа. Обрати внимание на концовку произведения: поэт в описании церкви выражает свое лирическое отношение к судьбе строителей храма и к «награде» царя.

В балладе два диалога, очень похожих по своему содержанию, а между ними – рассказ о строительстве прекраснейшего Храма.

Как ты полагаешь, зачем Д. Кедрин так построил свою балладу? Попробуй определить, какую роль играют в балладе каждый из приведенных в ней городских пейзажей. Какие слова и какие образы использует поэт, чтобы показать читателю царя Иоанна IV?

Василий Андреевич Жуковский

Лесной царь

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой». —
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися, младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». —
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». —
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». —
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал…
В руках его мертвый младенец лежал.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуй Лесного царя. Почему он преследует всадника?

2. Верит ли отец ребенка в существование Лесного царя? Чем объясняется поведение отца в произведении?

3. Как в балладе объясняется смерть ребенка?

4. Какое художественное значение имеет вопрос, с которого начинается баллада?

5. Какое значение имеет в этой балладе пейзаж и как он создается?

6. Проследи, как используется в этой балладе образ холода.

7. Какими художественными средствами создается в этой балладе ощущение страха?

8. Подготовь выразительное чтение этой баллады.

9. Самостоятельно назови признаки баллады, отмеченные тобой в «Лесном царе».

10. Расскажи, чем баллада «Лесной царь» отличается от фольклорных баллад.

Суд божий над епископом

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито[70] сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», —
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края…
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал…
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит…
Вдруг он чудесную ведомость[71] слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в углах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит,

«В Рейнской башне спасусь» (говорит).

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казалися слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится…
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он… кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник… а мыши плывут…
Ближе и ближе… доплыли… ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты…
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,

Весь по суставам раздернут был он…
Так был наказан епископ Гаттон.

Вопросы и задания

1. Объясни смысл названия баллады. Как оно подчеркивается в тексте?

2. Сформулируй тему баллады.

3. Где происходит действие баллады, какие указания на место действия есть в тексте?

4. Как в этой балладе используется художественный прием антитезы?

5. Для чего в балладу вводится образ кошки?

6. Какие художественные приемы использует автор для изображения башни, в которой укрывается Гаттон?

7. Как в балладе передается усиливающийся ужас епископа?

8. Как и для чего в этой балладе используется прием анафоры (единоначатия)?

9. Подготовь выразительное чтение баллады.

10. Подготовь самостоятельное сообщение о художественной роли образов мышей, ответив на вопросы: как используются в балладе образы мышей? Почему Гаттона преследуют именно мыши?

Михаил Юрьевич Лермонтов

Перчатка
(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали:
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасных блестел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.

И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь со львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
    Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит…
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
    Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей глядит
И смелой рукой поднимает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отсюда хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недальнего счастья заклад —

С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

Вопросы и задания

1. На кого «досадует» рыцарь в конце произведения?

2. Любила ли Кунигунда рыцаря? (Ответ обоснуйте.)

3. Почему рыцарь бросает перчатку в лицо Кунигунде?

4. Как в этом произведении передается различие «характеров» льва и тигра?

5. Какими художественными средствами автор передает изменение ритма движений персонажей?

6. Определи жанр этого произведения и укажи его признаки.

7. Подготовься к выразительному чтению этого произведения.

8. Подготовь сообщение о характерах рыцаря и Кунигунды, сопоставив эти образы.

Бородино

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля…
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
    Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
    О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
    Построили редут[72].
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
    Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
    Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
    За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
    Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи[73]!»
И вот на поле грозной сечи
    Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета[74],
И слышно было до рассвета,
    Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак[75] открытый:
Кто кивер[76] чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
    Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
    Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:

Слуга царю, отец солдатам…
Да, жаль его: сражен булатом[77],
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы[78] с пестрыми значками,
Драгуны[79] с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой…

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять…
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Вопросы и задания

1. Как передается любовь русских солдат к Отчизне?

2. Охарактеризуй отношение простых солдат к битве.

3. Сколько раз упоминается в стихотворении Москва и для чего вводятся в него эти упоминания?

4. Для чего в стихотворении приводится обращение полковника к солдатам?

5. Почему рассказ о Бородинской битве ведется от лица старого солдата?

6. Почему стихотворение начинается с разговора двух солдат?

7. Что такое звукопись? Приведи пример звукописи в изображении Бородинского сражения.

8. Какой литературный прием и с какой целью использован в строках:

Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи?

9. К какому литературному жанру относится это стихотворение?

10. Подготовь выразительное чтение этого произведения наизусть.

11. Подготовь устное сообщение о роли Бородинской битвы в истории России.

Дмитрий Борисович Кедрин

Зодчие

Как побил государь
Золотую Орду[80] под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель, —
Гласит летописца сказанье, —
В память оной победы
Да выстроят каменный храм.
И к нему привели
Флорентийцев,
И немцев,
И прочих
Иноземных мужей,
Пивших чару вина в один дых.

И пришли к нему двое
Безвестных владимирских зодчих,
Двое русских строителей,
Статных,
Босых,
Молодых.

Лился свет в слюдяное оконце,
Был дух вельми[81] спертый.
Изразцовая[82] печка.
Божница.
Угар и жара.
И в посконных[83] рубахах
Пред Иоанном Четвертым,
Крепко за руки взявшись,
Стояли сии мастера.
«Смерды[84]!
Можете ль церкву сложить
Иноземных пригожей?
Чтоб была благолепней[85]
Заморских церквей, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

Государь приказал,
И в субботу на вербной неделе,

Покрестясь на восход,
Ремешками схватив волоса,
Государевы зодчие
Фартуки наспех надели,
На широких плечах
Кирпичи понесли на леса.

Мастера выплетали
Узоры из каменных кружев,
Выводили столбы
И, работой своею горды,
Купол золотом жгли,
Кровли крыли лазурью снаружи
И в свинцовые рамы
Вставляли чешуйки слюды.

И уже потянулись
Стрельчатые башенки кверху.
Переходы,
Балкончики,
Луковки да купола.
И дивились ученые люди,
Зане[86] эта церковь
Краше вилл[87] италийских
И пагод[88] индийских была!
Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван,
В алтаре,
И при входах,
И в царском притворе[89] самом.
Живописной артелью
Монаха Андрея Рублева
Изукрашен зело[90]
Византийским суровым письмом…

А в ногах у постройки
Торговая площадь жужжала,
Торовато[91] кричала купцам:
«Покажи, чем живешь!»
Ночью подлый народ
До креста пропивался в кружалах[92],
А утрами истошно вопил,
Становясь на правеж[93].

Тать[94], засеченный плетью,
У плахи лежал бездыханно,
Прямо в небо уставя
Очесок седой бороды,
И в московской неволе
Томились татарские ханы,
Посланцы Золотой,
Переметчики Черной Орды.

А над всем этим срамом
Та церковь была —
Как невеста!
И с рогожкой своей,
С бирюзовым колечком во рту, —
Непотребная девка
Стояла у Лобного места
И, дивясь,
Как на сказку,
Глядела на ту красоту…

А как храм освятили,
То с посохом,
В шапке монашьей,
Обошел его царь —
От подвалов и служб
До креста.
И, окинувши взором
Его узорчатые башни,
«Лепота[95]!» – молвил царь.
И ответили все: «Лепота».
И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь

Стояла одна такова,
Чтобы в суздальских землях
И в землях рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли.
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

И в Обжорном ряду,
Там, где заваль кабацкая пела,
Где сивухой разило,
Где было от пару темно,
Где кричали дьяки:
«Государево слово и дело!»[96]
Мастера Христа ради
Просили на хлеб и вино.

И стояла их церковь,
Что словно приснилась.
И звонила она,
Будто их отпевала навзрыд,
И запретную песню
Про страшную царскую милость
Пели в тайных местах
По широкой Руси
Гусляры.

Вопросы и задания

1. Сформулируй тему «Зодчих».

2. Почему строительство храма царь поручил владимирским зодчим? Как это характеризует царя?

3. Что такое «царская милость» и как она оценивается в этом произведении?

4. Охарактеризуй образ повествователя.

5. Какие художественные приемы использует автор при описании храма Покрова?

6. Какие художественные средства использует автор для придания своему произведению исторического колорита?

7. Какое место занимают в этом произведении диалоги? Что в них общего и чем они различаются? Как называется используемый Д. Б. Кедриным художественный прием?

8. В чем проявились особенности языка этого произведения?

9. Подготовь выразительное чтение этого произведения?

10. Напиши о своем любимом архитектурном сооружении.

Читательская лаборатория
О чем нам говорят «голоса» персонажей в произведении

Ты уже знаешь, что в литературе персонажи очень часто разговаривают между собой. Ты можешь встретить в художественном тексте прямую речь: монологи и диалоги персонажей. Но мы помним, что рассказ в произведении нередко ведется от лица повествователя. Так, в новелле Э. А. По историю «Лягушонка» рассказывает повествователь, а в диалогах принимают участие король, Лягушонок и первый министр. Таким образом в этом произведении мы слышим четыре «голоса».

Авторы не случайно любят использовать прямую речь, ведь в том, как говорит человек, проявляется его характер, воспитание, образование. Об этом ты должен помнить, когда читаешь произведение. Для того чтобы услышать «голоса», звучащие в художественном тексте, надо запомнить несколько несложных правил и научиться следовать им при чтении.

Во-первых, надо знать, что художественное слово – это «звучащее слово». Даже если ты читаешь произведение «про себя», тебе надо научиться слышать текст так, словно его проговаривают вслух.

Во-вторых, художественное слово произносят с определенными интонациями, это эмоциональное слово, поэтому художественный текст всегда надо читать выразительно.

В-третьих, любой из «голосов», звучащих в произведении, индивидуален, по его лексике, по интонациям можно угадать, что это за человек: каков его характер, каково его отношение к жизни, человеку, окружающему миру.

Ты только что познакомился с замечательной балладой М. Ю. Лермонтова «Бородино». Попробуй послушать, какие «голоса» звучат в этом произведении. Сначала выразительно прочитай «Бородино» вслух. Легко заметить, что здесь нет «голоса» повествователя, текст сразу же начинается с диалога.

Сначала говорит молодой (он обращается к своему собеседнику «дядя») любопытный солдат, желающий узнать подробности знаменитого сражения от его участника.

Затем в разговор вступает старый солдат. Он начинает свой рассказ медленно и немного ворчливо (свое поколение он называет «богатырями», противопоставляя его «нынешнему племени»), но постепенно воодушевляется, вспоминая минувшее сражение.

Заметь в самом начале рассказа о Бородинской битве солдат вспоминает «стариков», на которых он, как и его собеседник, когда-то смотрел с почтением и любопытством. Тогда «ворчали» они, а теперь он сам подражает их усталой интонации.

По мере того как рассказ солдата приближается к решающей схватке, его речь становится все более эмоциональной и заинтересованной («…угощу я друга! / Постой-ка, брат, мусью!.. Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж постоим мы головою / За родину свою!»).

Повествование о дне Бородинской битвы солдат начинает с призыва, с которым обращается «сверкнув очами» командир – полковник. Вслушайся в его «голос» («Ребята! Не Москва ль за нами? / Умремте под Москвой, / Как наши братья умирали!»). Это речь офицера, дворянина. Он легко называет старых заслуженных солдат «ребятами», но готов идти вместе в бой и умереть как их «брат».

Вспоминая сражение, старый солдат вновь видит картину Бородинской битвы, вновь переживает азарт и усталость («Ну-ж был денек!.. Вам не видать таких сражений… Изведал враг в тот день немало… считать мы стали раны, / Товарищей считать»).

А завершая повествование о самом ярком событии в своей жизни, вспоминая своих товарищей – «богатырей», старый солдат вдруг говорит, что «плохая им досталась доля» и объясняет, почему он так считает, – «не многие вернулись с поля». Он-то до сих пор уверен, что Москву не надо было отдавать, ему тяжело думать, что принесенные жертвы были напрасными.

Теперь задумайся: мы увидели картину большого сражения, узнали многих его участников, мы почувствовали отношение русских людей к Бородинской битве. И все это открылось нам из разговора двух солдат.

Надеюсь, теперь ты более внимательно будешь вслушиваться в «голоса», звучащие в любом художественном произведении.

Сокровища книжных полок

Литературная баллада – очень интересный жанр, заслуживающий, чтобы с ним познакомились поближе.

Основу поэтического творчества В. А. Жуковского составляют баллады. Прочитай его «Эолову арфу», «Ленору», и тебе захочется узнать и другие произведения поэта.

Авторы баллад охотно используют фольклор и мифологию. В двух балладах М. Ю. Лермонтова «Морская царевна» и «Русалка» возникает проблема взаимоотношений человека со сверхъестественными силами. Своим содержанием близка этим балладам «Лорелей» – баллада немецкого поэта И. фон Эйхендорфа.

Прекрасный образец «страшной» баллады – «Волки» А. К. Толстого. У него же есть и исторические баллады, например «Песнь о Геральде и Ярославне».

«Сон невесты» И. И. Козлова соединяет в себе черты «страшной» и семейной баллады, а вот «Будрыс и его сыновья» А. Мицкевича, блистательно переведенная А. С. Пушкиным, – это семейная баллада, проникнутая тонким юмором.

Трагична баллада К. М. Симонова «Старая солдатская песня» («Как служил солдат…»).

Говоря о балладах, нельзя не вспомнить произведений, близких этому жанру. Очень советую тебе познакомиться с думой К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» и небольшой поэмой Д. Б. Кедрина «Конь» о талантливом русском архитекторе Федоре Коне – строителе Белого города в Москве, получившего прозвище за недюжинную силу. Жизнь его была целиком посвящена служению прекрасному: строил Федор и избы, и дворцы, в каждое свое творение вкладывая частичку души и сердца. Но, к сожалению, грозные цари не сумели по достоинству оценить великого мастера.

Пятый урок волшебства

Театр и драма

Знаешь ли ты, что рядом с тобой располагается волшебный мир, в котором действуют законы творческой фантазии? Нет, нет! Я говорю не о книгах. Этот мир можно увидеть, живущих в нем можно услышать без помощи воображения, которое необходимо тебе при чтении книг.

Для того чтобы оказаться в волшебном мире сказки или стать свидетелем жестокой борьбы героя и злодеев, достаточно пойти в **театр** и посмотреть **спектакль.** Думаю, ты не раз бывал в театре и понимаешь, о чем я говорю?

Но задумывался ли ты, насколько тесно связаны между собой театр и литература? Когда-то театр был другим. Первыми «театральными» представлениями были ритуальные действия и пляски жрецов или шаманов. В то время никто еще не понимал, что из религиозных ритуалов родится высокое искусство.

Театр стал настоящим театром тогда, когда соединил игру актеров с литературой, когда в основу театрального действия была положена **драматургия.**

Драматургия – это литературные произведения, предназначенные не для чтения, а для сценического воплощения в спектакле.

Это не значит, что пьесы нельзя читать или что при чтении невозможно получить полное эстетическое представление, какое возникает при чтении недраматических жанров. Нет! Просто при чтении пьесы нужно вообразить театр, представить не реальный мир, а сцену и не реальных людей, а актеров, разыгрывающих свои роли. Нужно представить себе декорации, костюмы. Это сложнее, чем просто посетить театральное представление, но это вполне по силам любому человеку. Существует даже особый жанр, который целиком принадлежит литературе и не нуждается в театре, – это **пьесы для чтения,** то есть произведения, по форме напоминающие драматические, но по которым невозможно поставить спектакль.

Что же такое **пьеса?** В драматургии много различных жанров: **комедия, трагедия, пьеса-сказка** и др. Собирательное название их всех – пьеса.

Из всех драматических жанров твоему вниманию я предлагаю пока только пьесы-сказки. Этот жанр появился в XVIII веке в Италии, когда Карло Гоцци решил соединить народную комедию масок и фольклорную сказку.

С давних пор существовало театральное действие, основанное не на тексте пьесы, а на импровизации актеров. Каждый актер

имел одно-единственное амплуа, то есть играл всегда один и тот же характер. Давая представление, актеры придумывали какую-нибудь ситуацию, в которую должны были попасть их персонажи, и, выходя на сцену, импровизировали диалог.

Импровизация – это способность на ходу, сразу же придумать текст. Один актер задает другому вопрос, на который тот должен немедленно дать ответ. Никаких репетиций не проводилось, реплики придумывались в ходе представления. Именно поэтому все персонажи обладали одними и теми же заранее оговоренными качествами, вне зависимости от ситуации, которую разрабатывал разыгрываемый спектакль. Выходя на сцену, актер как бы надевал маску определенного, уже знакомого зрителям героя, не случайно такой театр назывался **«комедией масок».** Зрители легко узнавали персонажей этого театра: Труффальдино (веселый и находчивый слуга), Бригеллу (слуга глупый и жадный), задиристого и драчливого Арлекина, угрюмого педанта Тарталью (обязательным признаком которого было заикание), богатого, но вечно больного купца Панталоне, хвастливого офицера-труса Эпуванте и многих других.

К. Гоцци взял этих персонажей, но для актеров написал текст пьес, основу сюжетов которых составляли народные сказочные мотивы. Так, соединив два фольклорных источника, итальянский писатель заложил основу литературного жанра **пьесы-сказки,** которую он называл фьяба.

В XIX веке пьесы-сказки создавал немецкий писатель Людвиг Тик («Кот в Сапогах», «Красная Шапочка», «Рыцарь Синяя Борода» и др.). Надеюсь, ты по названиям догадался, что в основу своих пьес Л. Тик положил сюжеты сказок Ш. Перро.

Очень многие писатели создают драматические произведения для детей (а иногда и для взрослых), используя сюжеты широко известных народных сказок. Ты мог видеть или читать пьесу С. Я. Маршака «Умные вещи», основанную на русском фольклоре.

Но писатель может и сам придумать сюжет сказки. Вспомни «Кошкин дом», пьесу уже не раз упоминавшегося мной С. Я. Маршака.

Тамара Григорьевна Габбе

Т. Габбе – замечательная детская писательница. Многие из народных сказок, которые ты читал, пересказала для тебя именно она. Но Т. Габбе была еще и драматургом. Она написала пять пьес для детей. В «Хрустальном башмачке» она пересказала для сцены известную тебе сказку о Золушке. А в пьесе «Авдотья Рязаночка» обратилась к материалу древнерусской литературы, поведав

маленькому зрителю о мужестве и великодушии русского народа в период борьбы с татаро-монгольскими захватчиками. «Сказка про солдата и змею» и «Оловянные кольца» – пьесы, в которых на основе сюжетов фольклорных сказок разных народов создается волшебный мир, где происходят увлекательные и поучительные события.

«Город мастеров» – мудрая пьеса о необходимости беречь чувство собственного достоинства, о свободе, без которой человек не может быть человеком, о любви к родине, об истинной и мнимой красоте.

Читая пьесу, обрати внимание на то, как характер человека отражается в его речи. Ответь на такие вопросы: почему улитка в прологе говорит, что ее роль самая главная, и как ее слова подтверждаются в пьесе? Как передаются в произведении ум и глупость персонажей? Как сочетаются в ней сказочные мотивы и изображение реальных противоречий в городе? Как ты думаешь, что служит основанием для разделения пьесы на акты?

Город мастеров, или сказка о двух горбунах
Представление в четырех действиях

Действующие лица

ГЕРЦОГ ДЕ МАЛИКОРН – наместник чужеземного короля, захватившего Город Мастеров.

ГИЛЬОМ ГОТШАЛЬК, по прозвищу БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ – советник герцога.

МАТУШКА МАРЛИ, ТЕТУШКА МИМИЛЬ – торговки.

ЛОРИАНА, МАРГАРИТА подруги Вероники.

НАНАСС МУШЕРОН СТАРШИЙ – старшина цеха ювелиров и часовщиков, бургомистр города.

НАНАСС МУШЕРОН МЛАДШИЙ, по прозвищу КЛИК-КЛЯК – его сын.

МАСТЕР ФИРЕН СТАРШИЙ – старшина златошвейного цеха.

ФИРЕН МЛАДШИЙ – его сын.

ВЕРОНИКА – его дочь.

МАСТЕР МАРТИН, по прозвищу МАЛЕНЬКИЙ МАРТИН – старшина оружейного цеха.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ – старшина гранильного цеха.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ – его внук.
МАСТЕР НИНОШ – старшина пирожного цеха.
ЖИЛЬБЕРТ по прозвищу КАРАКОЛЬ – метельщик.
БАБУШКА ТАФАРО – старая гадалка.
ОДНОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК.
ГРАНИЛЬЩИКИ, ОРУЖЕЙНИКИ, БАШМАЧНИКИ И ДРУГИЕ ЖИТЕЛИ Города Мастеров.
ЛАТНИКИ И ТЕЛОХРАНИТЕЛИ наместника.
ЛЕВ.
МЕДВЕДЬ.
ЗАЯЦ.
УЛИТКА.

Пролог

Занавес опущен. На нем изображен герб сказочного города. Посредине щита, на серебряном поле, гривастый лев сжимает в когтях опутавшую его змею. В верхних углах щита – головы зайца и медведя. Внизу, под ногами у льва, – улитка, высунувшая рога из своей раковины. Из-за занавеса справа выходят лев и медведь. Слева появляются заяц и улитка.

МЕДВЕДЬ. Не знаете ли вы, что сегодня будут представлять?

ЗАЯЦ. Сейчас погляжу. У меня с собой афиша. Ну-ка, что там написано? «Город Мастеров, или о двух горбунах».

МЕДВЕДЬ.О двух горбунах? Значит, о людях. Зачем же, в таком случае, нас сюда позвали? Лев. Дорогой медведь, вы рассуждаете, как трехмесячный медвежонок! Ну что тут удивительного? Ведь это сказка – не так ли? А какая же сказка обходится без нас, зверей? Вот возьмите меня: я на своем веку перебывал в стольких сказках, что их и пересчитать трудно, – по крайней мере в тысяче и одной. Уж, верно, и сегодня для меня найдется роль, хоть самая маленькая, да и для вас тоже. Недаром же на занавесе нарисовали нас всех! Вот поглядите сами: это – я, это – вы, а это – улитка и заяц. Может быть, мы здесь не слишком похожи, но зато еще красивее, чем на самом деле. А это чего-нибудь да стоит!

ЗАЯЦ. Вы правы. Тут нельзя и требовать полного сходства. Рисунок на гербе – это не портрет и уж во всяком случае не фотография. Меня, например, нисколько не беспокоит, что в этом изображении у меня одно ухо золотое, а другое серебряное. Мне

это даже нравится. Я этим горжусь. Согласитесь сами – не каждому зайцу удастся попасть на городской герб.

МЕДВЕДЬ. Далеко не каждому. За всю свою жизнь я, кажется, ни разу не видал на гербах ни зайцев, ни улиток. Вот орлам, барсам, оленям, медведям – тем иной раз выпадала такая честь. А уж про льва и говорить нечего – для него это дело привычное. На то он и лев!

ЛЕВ. Ну, как бы там ни было, все мы занимаем на этом щите достойное место, и надеюсь, что нам найдется местечко в сегодняшнем представлении.

МЕДВЕДЬ. Одного только я не могу взять в толк: что будет делать на сцене улитка? В театре поют, играют, пляшут, разговаривают, а, насколько мне известно, улитка не умеет ни плясать, ни петь, ни говорить.

УЛИТКА *(высовывает голову из раковины)*. Всякий говорит по-своему. Умей только слушать.

МЕДВЕДЬ. Скажи на милость – заговорила! А почему же ты молчала столько времени?

УЛИТКА. Ждала подходящего случая. В сегодняшнем представлении у меня самая большая роль.

ЗАЯЦ. Больше моей роли?

УЛИТКА. Больше.

МЕДВЕДЬ. И длиннее моей?

УЛИТКА. Гораздо длиннее.

ЛЕВ. И важнее моей?

УЛИТКА. Пожалуй. Могу сказать без ложной скромности – в этом представлении у меня главная роль, хоть я вовсе не буду в нем участвовать и даже ни разу не покажусь на сцене.

МЕДВЕДЬ. Это как же так?

УЛИТКА *(неторопливо и спокойно)*. Очень просто. Я вам

сейчас объясню. Дело в том, что в наших краях улитку зовут «Караколь». А от нас это прозвище перешло к тем людям, которые, как и мы, целый век таскают на плечах тяжелую ношу. Вот посчитайте-ка, сколько раз повторят нынче слово «Караколь», тогда и увидите, кому досталось самое почетное место в сегодняшнем представлении.

ЛЕВ. Да за что же тебе столько чести?

УЛИТКА. А за то, что я, такая маленькая, могу поднять тяжесть больше себя самой. Вот попробуйте-ка вы, большие звери, носить на спине дом, который больше вас, и при этом делать свое дело, и никому не жаловаться, и сохранять душевное равновесие.

ЛЕВ. Да, до сих пор мне это не приходило в голову.

УЛИТКА. Так оно всегда и бывает. Живешь, живешь – и вдруг узнаешь что-то новое.

МЕДВЕДЬ. Ну, уж теперь совсем нельзя понять, что это будет за представление, о чем сказка! То есть я-то понимаю, я – старый театральный медведь, а вот публика, наверное, ничего не понимает.

УЛИТКА. Что ж, мы ей расскажем, а потом и покажем. Слушайте, дорогие гости!

Мы нынче сошли
С городского герба,
Чтоб вам рассказать о том,
Как в городе нашем
Кипела борьба,
Как двух горбунов рассудила судьба,
Но первый горбун
Был горбун без горба,
А второй был горбун
С горбом.

МЕДВЕДЬ.

Когда это было?
В какой стороне?

ЗАЯЦ.

Об этом сказать мудрено:
И цифры и буквы
У нас на стене
От времени стерлись давно.

ЛЕВ.

Но если от времени
Стерлась резьба,
Года не могли стереть
Рассказа где есть и любовь и борьба,
Где встретились люди и звери с герба —
И заяц, и лев, и медведь.

Действие первое

Картина первая

Раннее утро. Площадь старинного города. Все окна и двери еще закрыты. Жителей не видно, но по цеховым гербам и вывескам можно угадать, кто здесь живет: над окном башмачника висит огромный башмак, над дверью пирожника красуется крендель; моток золотой пряжи и огромная игла указывают на жилище золотошвея. В глубине площади – ворота замка. Перед ними неподвижно стоит латник с алебардой. Против замка возвышается старинная статуя, изображающая основателя города, первого старшину оружейного цеха – Большого Мартина. На поясе у Мартина меч, в руках – кузнечный молот.

На площади, кроме часового, только один человек. Это горбун Жильберт, по прозвищу «Караколь», – метельщик. Он молод, движется легко и стремительно, несмотря на свой горб. Лицо у него веселое и красивое. С горбом он справляется так, будто это его привычная ноша, которая мало мешает ему. В шляпу его воткнуто несколько пестрых перьев. Куртка украшена веткой цветущей яблони. Караколь подметает площадь и поет.

КАРАКОЛЬ.

Моя метла в лесу росла,
Росла в лесу зеленом.
Еще вчера она была
Осиной или кленом.
Была вчера на ней роса,
На ней сидели птицы,
Она слыхала голоса
Кукушки и синицы.
Моя метла в лесу росла
Над речкой говорливой.
Еще вчера она была
Березой или ивой.

Словно подхватывая его песню, на дереве щебечет птица. Караколь поднимает голову и прислушивается.

Вот как, ты говоришь, что знаешь эту иву? На ней было гнездо, в котором ты выросла? Там и теперь есть гнездо, а в гнезде – птенцы, должно быть, твои младшие братья и сестры… Ну да, я сам их видел – живы, здоровы!.. Что? Ладно! Завтра я опять буду в лесу и все им передам. Так и скажу. *(Заливчато свистит.)*

Часовой сердито ударяет в землю алебардой.

Сердится… Видно, нам теперь не только с людьми – и с птицей поговорить по душам нельзя. Ничего не поделаешь, сестричка! Были мы с тобой вольными птицами, а теперь попали в сеть. *(Опять берется за метлу. Подметая, доходит до подножия статуи.)* Здорово, Большой Мартин! Как дела? Ох, сколько сору накопилось у твоих ног! Площадь и не узнаешь с тех пор, как пожаловали сюда эти чужеземцы!.. Ну да ничего! Все это мы выметем, выметем… И будет у нас опять чисто, хорошо… А вот пока тебе привет из лесу, с гор. *(Укрепляет цветущую ветку над щитом Мартина.)*

Часовой еще грознее ударяет в землю алебардой.

Не угодно? Ну, как хотите. Сор – к сору.

Где-то вдалеке бьют часы. Почти одновременно открывается лавка пирожника Ниноша и лавчонки уличных торговок – матушки Марли и тетушки Мимиль. Первая из них торгует овощами и

фруктами, вторая – пряжками, лентами, всякими дешевыми украшениями.

В нише отдергивается темная занавеска. Там сидит бабушка Тафоро, старая гадалка. Она тасует карты и что-то варит на жаровне. Около нее стоит клетка с птицей.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Доброе утро, соседки! А! И Караколь здесь. Вернулся? То-то на площади у нас чисто и Большой Мартин такой нарядный.

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. Да и сам Караколь сегодня принарядился. Смотрите-ка: и куртка на нем праздничная, и на шляпе цветные перышки… Что это у тебя за праздник нынче, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Праздник небольшой, да не будь его, не было бы для меня и других праздников.

МАТУШКА МАРЛИ. Это как же так?

КАРАКОЛЬ. А как вы думаете, матушка Марли, если бы я не родился сегодня на свет, разве пришлось бы мне справлять какие-нибудь праздники – Масленицу, неделю хлебной Марии или день Большого Мартина – Майский день? Боюсь, что нет.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Так, значит, сегодня день твоего рождения, Караколь?

БАБУШКА ТАФАРО. А то как же? В один день родились они оба, Караколь и этот… как его… Клик-Кляк. Один как родился, так и закричал – звонко, весело, словно молодой петушок. А другой только на третий день голос подал. Уж как мы его ни шлепали, как ни щипали, молчит – да и все тут. Зато потом до того раскричался, что и до сих пор унять нельзя.

МАТУШКА МАРЛИ. Это который же три дня молчал, а потом всю жизнь кричал?

БАБУШКА ТАФАРО. Да, уж, конечно, не Караколь, а тот другой, ровесник его. Сынок нового бургомистра, Мушерона Старшего.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Ну, дружок Караколь, живи долго да распевай свои песни, как молодой петушок. Дай-ка я угощу тебя

первым своим сегодняшним пирогом. Он нынче на славу удался, видно, в твою честь. *(Подает Караколю пирог.)*

КАРАКОЛЬ. Спасибо, дядюшка Нинош! Ну и пирог! Недаром его испек сам старшина пирожного цеха, лучший мастер слойки и сдобы.

МАТУШКА МАРЛИ. А от меня вот тебе ко дню рожденья два самых лучших персика. Только что с дерева.

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. А от меня две самые красивые пряжки – на шляпу и на пояс.

КАРАКОЛЬ. Спасибо, матушка Марли! Спасибо, тетушка Мимиль!

БАБУШКА ТАФАРО. А мне, внучек, нечего тебе подарить. Разве погадать тебе ради твоего дня рождения?

КАРАКОЛЬ. А что мне гадать, бабушка Тафаро! Люди гадают на счастье, а мое счастье всегда при мне, как и горб на спине.

БАБУШКА ТАФАРО. Что верно, то верно. Ты хоть и горбат, а в сорочке родился. Да ведь я, кроме гаданья, ничем тебя угостить не могу. Уж позволь мне, старухе, судьбу твою сказать. *(Разбрасывает перед Караколем колоду старинных карт.)* Выбирай! Каждый сам себе судьбу выбирает.

Караколь берет карты.

Ну, покажи, какие карты тебе выпали? Что ж! Счастлив будешь, красив будешь, женишься на первой красавице в городе. А ты не смейся! Нельзя смеяться, когда тебе гадают.

КАРАКОЛЬ. Да уж лучше мне смеяться, чем плакать, бабушка Тафаро. Так и пойдет она за меня, за горбатого метельщика, первая красавица в городе. *(Оглядывается на тот дом, где живет старшина златошвейного цеха.)*

В это время на балконе появляется дочь старшины Вероника.

БАБУШКА ТАФАРО. Метла-то у тебя к руке не приросла.

КАРАКОЛЬ. Зато горб к спине прирос.

БАБУШКА ТАФАРО. А что горб? Горбы всякие бывают. Вот хоть на птицу мою погляди. Если ей крылья поднять да сложить, сбоку покажется, будто у нее тоже горб за спиной. Как у тебя. А расправит птица крылья – и никакого горба нет.

КАРАКОЛЬ. Эх, бабушка Тафаро, я бы и рад расправить свои крылышки, да не умею.

БАБУШКА ТАФАРО. Ты-то не умеешь! Ну ладно, погоди. Сам увидишь. Не будет у тебя горба. Хочешь – смейся надо мной, хочешь – верь!

КАРАКОЛЬ. А когда же это будет, бабушка?

БАБУШКА ТАФАРО. Когда твой день придет и час настанет.

КАРАКОЛЬ. А когда же он настанет, мой час?

БАБУШКА ТАФАРО. Так тебе все и скажи! Да уж ладно – слушай! Когда маленький у большого меч из рук выбьет, когда эта площадь лесом покроется, когда горбатого возьмет могила, тогда и ты и город от горба избавитесь.

КАРАКОЛЬ. Вот разве что так! Погоди, горбатый, пока тебя могила не исправит, а до той поры и с горбом походи. Велика ли беда! Улитка целый дом на спине носит, да и то не жалуется. Ну, спасибо тебе, бабушка, на добром слове.

ВЕРОНИКА *(с балкона)*. А ты разве не знаешь, Караколь, – за гаданье нельзя благодарить, а то не сбудется. Подойди-ка сюда. Отчего тебя так давно не было видно? Весь город по тебе скучал: утром никто не поет, вечером никто не смеется. Ты где пропадал?

КАРАКОЛЬ. В лесу был, где мои метелки растут. Столько веников нарезал, что весь сор из города можно вымести. А какое дерево я приглядел к Майскому дню! Вот вам с него веточка *(понижая голос),* а заодно и весточка.

ВЕРОНИКА. Ах, милый Караколь.

КАРАКОЛЬ *(взбирается на выступ стены, подает Веронике цветущую ветку вместе с какой-то запиской и говорит почти шепотом)*. В лесу пока что тихо. Цветы уже цветут, а ягодки еще

впереди.

В это время под балконом появляется сын нового бургомистра, часовщика Нанасса Мушерона, Нанасс Мушерон Младший, по прозвищу Клик-Кляк. Он одет чрезвычайно нарядно. На пальцах – перстни чуть ли не до самых ногтей, на шляпе, поясе – блестящие пряжки. Из всех карманов тянутся и свешиваются цепочки от часов.

КЛИК-КЛЯК. Доброе утро, прекрасная Вероника! Зачем это горбун вскарабкался под самый ваш балкон? Кажется, он вам что-то принес?

ВЕРОНИКА. Да… Принес… Вот эту веточку.

КЛИК-КЛЯК. И ради этой веточки он залез так высоко? Смотри, Караколь, ты сейчас свалишься, и у тебя вырастет второй горб.

КАРАКОЛЬ. Не бойся за меня, дорогой Клик-Кляк. У меня в горбу спрятаны крылья. Я умею не только взлетать вверх, но и спускаться вниз. *(Легко соскакивает с уступа прямо на плечи Клик-Кляка, а потом на землю.)*

КЛИК-КЛЯК. Ах!.. *(Приседает.)*

КАРАКОЛЬ *(заглядывает ему в лицо)*. Видишь, как это просто. А вот удастся ли так же ловко спрыгнуть на землю твоему папаше, нашему новому бургомистру? Уж больно высоко он забрался.

КЛИК-КЛЯК. Молчи, мерзкая улитка! Знаешь, что тебе будет за такие слова?

ВЕРОНИКА. А что будет?

КЛИК-КЛЯК. А то же самое, что случилось с вашим братом, Фиреном Младшим. Уж не от него ли принес вам весточку этот бездельник?

ВЕРОНИКА. Я запрещаю тебе, Нанасс Мушерон, даже упоминать имя Фирена. И ты хорошо бы сделал, если бы убрался подальше от нашего дома. А то видишь – у меня тут много горшков с цветами. Очень тяжелые и могут случайно упасть тебе

на голову. Прощай! *(Хочет уйти.)*

КЛИК-КЛЯК *(жалобно)*. Прекрасная Вероника! Куда же вы? Простите меня! У меня сегодня такой большой праздник – день моего рождения.

БАБУШКА ТАФАРО *(выглядывает из-за своей занавески)*. Что правда, то правда. Я как сейчас помню: вот в такой же денек, в такой же часок родился этот бедняга.

КЛИК-КЛЯК. Как ты смеешь называть меня беднягой, старуха! Кажется, в городе нет никого богаче Мушеронов. Одни эти часы *(вынимает из кармана большие золотые часы)* стоят дороже, чем вся твоя лавка с тобой в придачу! А у меня их вон сколько! *(Показывает самые различные часы – большие и маленькие, на длинных и коротких цепочках, с боем и без боя.)*

КАРАКОЛЬ. И что же, все они у тебя показывают разное время?

КЛИК-КЛЯК. Нет, на всех часах у меня без четверти десять.

КАРАКОЛЬ. Зачем же ты носишь столько часов, если все они показывают одно время?

КЛИК-КЛЯК. Но ведь это мои часы! Кому же их носить, если не мне?

БАБУШКА ТАФАРО. Вот я и говорю – бедняга.

КЛИК-КЛЯК. Какая глупая старуха!

ВЕРОНИКА. Это старуха-то глупая? Нет, она знает, что говорит. Только не все ее понимают.

КЛИК-КЛЯК. А я и не хочу ее понимать. Много чести! *(Смотрит на часы.)* Ого! Время идет! Мне пора собираться домой – переодеваться к обеду. У нас сегодня обедают гости – все старшины цехов с женами, сыновьями и дочерьми. Но вы, как всегда, будете прекраснее всех девушек, Вероника. Вы, конечно, придете со своим отцом?

Слышен топот тяжелых ног и звон цепей. Из-за угла показывается несколько чужеземных латников. Они ведут двух горожан – старика и молодого. Горожане в цепях. Головы их

опущены. Все молча смотрят им вслед.

Так вы придете, Вероника?

ВЕРОНИКА. Нет, благодарю за честь. Мы сейчас никуда не ходим.

КЛИК-КЛЯК. Как же так? Весь город будет у нас обедать.

КАРАКОЛЬ. Обедать-то он будет, да боюсь, что не у вас.

КЛИК-КЛЯК. Не с тобой говорят, нищий горбун! Не беспокойся, тебя с твоей метлой не позовут.

КАРАКОЛЬ. А моя метла и не ходит по таким домам, где на первых местах сидят чужие слуги, а хозяева прислуживают им и не смеют даже присесть.

КЛИК-КЛЯК. А ты откуда все это знаешь? Кто тебе рассказывал? Не слушайте его, Вероника. У нас бывают не только слуги наместника. Три дня назад у нас был его старший егерь, вчера – главный конюший, а сегодня обещал прийти сам господин Гильом.

ВЕРОНИКА. Вот как? Сам господин Гильом! Скажите на милость! А что, Нанасс Мушерон, правду ли говорят люди, будто у этого вашего Гильома какой-то особенный меч?

КЛИК-КЛЯК. Ну конечно, особенный. Я сам его видел. У него черная рукоятка, черные ножны, а на клинке золотая надпись, говорят.

БАБУШКА ТАФАРО. А что же на нем написано?

КЛИК-КЛЯК. Ну, этого я еще не знаю. Пока я видел его только в ножнах. Но говорят, вся сила в этой самой надписи.

БАБУШКА ТАФАРО. Надпись надписью, а меч мечом. Надписью не колют и не рубят.

КЛИК-КЛЯК. Да ведь недаром же этот меч зовется «Гайан Непобедимый»!

БАБУШКА ТАФАРО. Мало ли как кого зовут! Вот тебя

прозвали «Клик-Кляк», а что это значит?

КЛИК-КЛЯК. «Клик-Кляк», конечно, ничего не значит, а вот «Гайан Непобедимый» значит кое-что. Подумайте-ка сами: куда они ни придут, они всех побеждают. А почему побеждают? Потому что у них непобедимый меч.

БАБУШКА ТАФАРО. Покуда не победили – непобедимый. И не такие мечи из рук выбивали.

КЛИК-КЛЯК. Уж не ты ли, старуха, собираешься воевать с наместником и с Большим Гильомом?

БАБУШКА ТАФАРО. И посильней меня найдутся, и помоложе.

КЛИК-КЛЯК. Это кто же такие?

БАБУШКА ТАФАРО. Поживешь – увидишь.

КЛИК-КЛЯК. Что, что? Пожуешь – увидишь? Вот еще! Стану я жевать всякую дрянь!

БАБУШКА ТАФАРО. Ох-хо-хо! Какое брюхо, такое и ухо.

Все смеются.

КЛИК-КЛЯК. Смейтесь, смейтесь! Как бы плакать не пришлось.

ВЕРОНИКА. А что, Клик-Кляк, наместник такой же большой, как Гильом? Ты его уже видел?

КЛИК-КЛЯК. Тоже в ножнах… То есть в носилках… Носилки у него великолепные – сверху донизу украшены золотом и перламутром. Перед носилками – барабанщики, кругом – телохранители с алебардами, а справа – Большой Гильом со своим волшебным мечом Гайаном.

БАБУШКА ТАФАРО. Носилки-то и мы видели…

МАТУШКА МАРЛИ. И чего он прячется за занавесками? Хоть бы высунулся когда!

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. На людей бы поглядел, себя показал…

ВЕРОНИКА. Неужели он не покажется даже на Майском празднике?

КЛИК-КЛЯК. Майского праздника в этом году, пожалуй, не будет.

ВЕРОНИКА. Как – не будет? *(Повернувшись к дверям, кричит.)* Отец, ты слышишь? Майского праздника не будет!

На площади собирается взволнованный народ. Из дому на балкон выходит отец Вероники, старшина златошвейного цеха Фирен Старший.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Кто сказал, что Майского праздника не будет?

МАТУШКА МАРЛИ. Как это не будет?

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. Неужели не будет?

БАБУШКА ТАФАРО. Никогда еще такого не случалось! Всякий год бывала весна, а весною – май, а в мае – Майский день!

МАТУШКА МАРЛИ. Мастер Фирен, хоть вы скажите нам, неужели совет старшин отменил нынче Майский праздник?

ФИРЕН Старший. Нет, в совете старшин об этом и разговора не было.

ПИРОЖНИК НИНОШ *(Клик-Кляку)*. Так кто же это хочет отменить наш праздник? Уж не твой ли папаша Мушерон, новый бургомистр?

ГОЛОСА. Слышали? Это Мушерон отменил праздник! Двести лет праздновали, а теперь нельзя.

Толпа на площади растет.

КЛИК-КЛЯК. Да я вовсе не говорил, что Майский праздник отменили. Я только сказал, что его не будет.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Это еще почему?

КЛИК-КЛЯК. Мой отец говорил… Нет, Большой Гильом

сказал моему отцу, что его светлость запретил собираться, зажигать цветные фонари и плясать на площади перед замком наместника.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Это не площадь перед замком наместника, парень, а площадь Большого Мартина! Тебе бы следовало это знать. Ты родился и вырос в этом городе.

КЛИК-КЛЯК. Да ведь площадь-то одна. Не все ли равно, как сказать!

ПИРОЖНИК НИНОШ. Нет, не все равно! Да разве тебе втолкуешь! Легче из соломы сделать слоеный пирог! Ну, а больше-то он ничего не говорил, ваш Гильом?

КЛИК-КЛЯК. Не помню.

БАБУШКА ТАФАРО. Да что вы его спрашиваете? Где ему, бедняге, все запомнить!

КЛИК-КЛЯК. Это, может быть, ты, старая, ничего не помнишь, а я все помню. Самого главного вы еще не знаете. Большой Гильом говорит, что за шляпы будут сажать в тюрьму. Матушка Марли. За шляпы – в тюрьму?

КЛИК-КЛЯК. Да, да. За шляпы. Кто не снимет шляпы перед господином наместником, или перед господином Гильомом, или еще перед кем-нибудь из замка, того сразу же посадят за решетку.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Ну, что вы скажете на это, мастер Фирен?

ФИРЕН СТАРШИЙ. Что же на это скажешь, друзья? Сперва с нас снимут шляпы, а потом и головы.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Вот так новость! До сих пор мы снимали шляпы только перед теми, кого уважаем, да еще перед покойниками. А ведь эти господа еще не отправились на тот свет.

КАРАКОЛЬ. Хорошо нашему Большому Мартину! С него шляпу не снимут, хоть он и стоит перед самым замком.

ОДИН ИЗ ПРОХОЖИХ. Да, с него-то не снимут. А вот нам как быть?

КАРАКОЛЬ. Если у человека голова на плечах, а не только шляпа на макушке, он уж придумает, как быть. *(Быстро взбирается на дерево, снимает шляпу и укрепляет ее в развилине ветвей.)* Пускай в моей шляпе птица гнездо себе вьет, а я пока что и без шляпы похожу. Ну, что теперь с меня возьмешь? У кого нет шляпы, тот ее ни перед кем не снимает.

ПРОХОЖИЙ. Караколь! Караколь! Повесь на ветку и мою шляпу!

ГОЛОСА. И мою! И мою! Лови, Караколь!

Со всех сторон к Караколю летят шляпы. Он ловит их и развешивает на деревьях.

КАРАКОЛЬ. Вот и отлично! Эту сюда! А эту широкополую – между сучьями. В ней большая птица птенцов выведет – галка или ворона.

ВЕРОНИКА. Отец, принести и твою шляпу?

ФИРЕН СТАРШИЙ. Опомнись, дитя мое! Где же это видано, чтобы в шляпе старшины златошвейного цеха, бывшего бургомистра, галка или ворона вила себе гнездо! Ну, да так уж и быть! Коли на то пошло – принеси обе, и праздничную и будничную.

ГОЛОСА на площади. Ай да мастер Фирен!

Вероника быстро убегает и приносит две шляпы: одну – гладкую, черную, другую – всю расшитую золотом.

ВЕРОНИКА. Вот, Караколь! Черную вешай пониже, а золотую – на самый верх.

КАРАКОЛЬ. Ну и шляпа! Так и сверкает золотом, смотреть больно! Значит, ваше золото, мистер Фирен, будет теперь блестеть на дереве, а серебро – у вас на голове.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Верно, Караколь! А вот что будет блестеть у меня на голове, когда я сниму с нее шляпу? *(Снимает свою шляпу. Голова у него совсем лысая, без единого волоска.)*

Все смеются.

А все-таки повесь и мою шляпу возле почтенных шляп мастера Фирена. Надеюсь, я достоин такой чести, я ведь тоже старшина. *(Бросает шляпу Караколю.)*

КАРАКОЛЬ *(ловит шляпу)*. Ладно. Я найду ей хорошее местечко. Славно мы украсили этот старый каштан – не хуже майского дерева! *(Наклоняется и смотрит вниз.)* А что же ты, Клик-Кляк? Куда повесить твою шляпу?

КЛИК-КЛЯК *(придерживая шляпу обеими руками)*. Я не отдам свою шляпу. Ни за что не отдам! Мало ли что вы тут придумаете, а я за вас отвечай!

Стук барабана. На площадь выходит барабанщик, потом отряд чужеземных латников. За латниками люди в расшитых золотом кафтанах несут наглухо закрытые носилки. Рядом с ними идет рослый угрюмый человек в темном кафтане и тяжелом плаще. Это Большой Гильом. Он поднимает руку. Носилки останавливаются. Барабанщик опускает свои палочки. На площади становится совсем тихо.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Что такое? Что здесь происходит?

Молчание.

Почему на дереве шляпы?

КАРАКОЛЬ. Это наш старый городской обычай, ваша милость, отдавать свои шляпы весенним птицам для их будущих птенцов.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Странный обычай! *(Наклоняется, чуть раздвигает занавески носилок, что-то тихо говорит наместнику. Потом, выпрямившись, грозно спрашивает.)* Как зовут человека, который сидит на дереве?

КАРАКОЛЬ. Я Караколь-метельщик, ваша милость.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. А если ты метельщик, почему же ты сидишь на дереве?

КАРАКОЛЬ. Таков уж обычай у метельщиков, ваша милость. Наши метлы растут на дереве – вот и приходится нам по сучьям

лазить. Свяжешь метелку из веток, а потом и метешь улицу.

В толпе сдержанный смех.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ты что, смеешься над нами? Кто позволил тебе ломать ветки на дереве, которое растет перед замком его светлости? Ты ответишь за это! И ты, и все, кто толпится на площади.

КЛИК-КЛЯК. Ваша милость! Я тут ни при чем!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(несколько секунд неподвижно смотрит на него).* Взять его!

Солдаты хватают Клик-Кляка.

(Солдатам.) Держите его крепче! Это, видно, главный зачинщик. Все кругом без шляп, а он один осмеливается стоять перед носилками его светлости не снимая шляпы.

КАРАКОЛЬ. Видишь, Клик-Кляк, говорили тебе: сними шляпу! А ты не захотел. Вот теперь мы все без шляп, а ты в шляпе.

КЛИК-КЛЯК *(задыхаясь от страха).* Господин Гильом! Я не снял шляпу потому, что я знал, что надо снимать шляпу перед господином наместником и перед вами, господин Гильом. Я хорошо знал, что надо снимать шляпу…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Знал и не снял?

КЛИК-КЛЯК. Потому и не снял. Уверяю вас. А они сняли шляпы, чтобы не снимать шляп. Только для этого, клянусь вам!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Что такое болтает этот человек? Он сумасшедший?

КАРАКОЛЬ. Не в себе, ваша милость.

БАБУШКА ТАФАРО. Это он от рождения такой неудачный. Первые три дня молчал как рыба. Уж мы его шлепали-шлепали, а он молчит и только пузыри пускает…

КЛИК-КЛЯК. Какие пузыри? Это все неправда! Они меня совсем запутали. Господин Гильом! Будьте милостивы,

посмотрите на меня! Разве вы меня не узнаете? Господин Гильом…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Кто ты такой? Как тебя зовут?

КАРАКОЛЬ. Клик-Кляк.

КЛИК-КЛЯК. Не слушайте его, ваша милость. Меня зовут Мушерон. Нанасс Мушерон Младший.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Сын бургомистра Мушерона?

КЛИК-КЛЯК. Сын бургомистра Мушерона.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Как же вам не стыдно вести себя так на улице! *(Наклоняется к носилкам и что-то говорит наместнику, потом громко – латникам.)* Отведите его к отцу и скажите, чтобы его никуда не пускали одного.

Клик-Кляка уводят.

А этого шута *(показывает на Караколя)* сейчас же снимите с дерева!

ЛАТНИКИ. Которого? Горбатого?

Носилки вздрагивают.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Тс!.. Тише! Делай, что приказывают, и не разговаривай. На дереве только один человек – его и бери.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Что? Караколя взять?

ГОЛОСА. Не дадим Караколя! Прячься, Караколь! Сюда, Караколь! Перебирайся на крышу! Мартин! Где Маленький Мартин? Где оружейники?

Сквозь толпу протискивается огромный человек, очень похожий на Большого Мартина. За ним – несколько рослых парней.

МАРТИН. Кто меня звал? Вот я! *(Быстро оглядывается.)* А ну, Караколь, прыгай сюда! К нам! Уж мы тебя в обиду не дадим!

Караколь соскакивает с дерева. Оружейники его окружают.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Рубите их!

Латники замахиваются алебардами. Оружейники хватаются за ножи. В это время из-за занавески высовывается тощая рука. Она касается плаща Большого Гильома.

Стойте!

Латники опускают алебарды.

(Опять наклоняется к носилкам, почтительно слушает, потом, выпрямившись, говорит громко.)

На первый раз его светлость отпускает вас всех по домам. Но за дерзкое ослушание город повинен заплатить в казну его светлости по триста золотых с каждого цеха. Его светлость приказал мне также предупредить вас, что он не будет щадить ни старых, ни молодых, ни мастеров, ни подмастерьев, ни жен их, ни детей, если они не будут повиноваться ему и оказывать должное почтение его особе. А сейчас мирно разойдитесь по домам и занимайтесь своими обычными делами.

Барабанная дробь. Носилки трогаются. Вдруг из-за занавесок опять высовывается рука. Шествие останавливается. Большой Гильом наклоняется к наместнику.

Погодите! Его светлость желает знать, почему этот человек столь высокого роста называется Маленьким Мартином.

МАРТИН. Почему? Да, видно, потому, что я еще не дорос до моего деда. Старик на много голов выше меня.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вот как? *(Наклоняется к носилкам.)* Его светлость спрашивает, жив ли еще твой дед.

МАРТИН. Еще бы! Он каменный старик и, пожалуй, переживет нас всех. Да разве ваша милость не приметила его? *(Показывает на статую.)* Вот он, перед вами. Теперь он живет на площади. Вы себе выбрали квартиру как раз против него. А когда-то мой дед жил в том самом доме, где теперь живу я, на улице Оружейников, и учил подмастерьев в той самой мастерской, где нынче я работаю. Только при нем наш город назывался «Вольный Город Мастеров», а теперь он вольность свою потерял.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ну, ты! На вопросы отвечай, а лишнего не говори, а не то вы потеряете не только вольность, но и головы. Иди своей дорогой и помни, что его светлость шутить не любит…

Опять барабанная дробь. Носилки удаляются. На площади остаются несколько латников, разгоняющих людей.

ЛАТНИКИ. По домам! По домам!

Взволнованные люди постепенно расходятся.

ФИРЕН СТАРШИЙ *(с балкона)*. Мы-то у себя дома, почтенные чужеземцы!

ВЕРОНИКА. А вот вы – в гостях. Шли бы к себе домой!

Занавес.

Действие второе

Картина вторая

Замок наместника. Мрачная и пышная комната. Тяжелые драпировки. У стола – высокое кресло, обращенное к зрителю спинкой. На нем сидит наместник, но пока его не видно. Сбоку у стола стоит Большой Гильом. Он молча подает бумагу за бумагой для подписи. Наместник молча подписывает их и возвращает Гильому. Гильом, кланяясь, принимает. Это длится довольно долго. Зритель видит только сухую руку наместника в кружевном манжете. В комнате очень тихо.

НАМЕСТНИК *(отрывисто и негромко)*. Душно! Открой окно!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Слушаю, ваша светлость. *(Раздвигает занавеску и приоткрывает окно.)*

Становится светлее. На столе шелестят бумаги. Наместник и Гильом продолжают свое дело. Снизу, со двора, доносятся различные звуки, напоминающие о будничном дне: стук молотка, топот лошади, окрик конюха, плеск воды. Чей-то голос поет.

Кто от солнышка таится,
Верно, сам себя боится!

Змеи прячутся в земле,
Серый сыч сидит в дупле…
Тра– та, та-та, та-та, та-та…
Серый сыч сидит в дупле…

НАМЕСТНИК. Что это за песня? Кто ее поет?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Не знаю, ваша светлость. Сейчас погляжу.

ГОЛОС.

Кто от солнышка таится,
Верно, сам себя боится…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(выглянув в окно)*. Это наш конюх, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Чтобы больше я не видал этого человека и не слыхал этой песни! А кто ее выдумал – узнать сегодня же!

Большой Гильом молча кланяется.

Бургомистру велено явиться в замок?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Он с утра здесь, ваша светлость. Ждет в передней вместе со своим сыном.

НАМЕСТНИК. Позвать обоих!.. Погоди. Закрой окно!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Слушаю, ваша светлость. *(Закрывает окно и подходит к дверям.)* Позвать бургомистра с сыном.

В комнату входят Клик-Кляк с отцом. Они низко кланяются и останавливаются около дверей.

МУШЕРОН. Добрый день, господин Гильом. Осмелюсь спросить вас, как здоровье его светлости?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Благодарю вас, бургомистр. Его светлость пребывает в полном здоровье.

МУШЕРОН. А ваше здоровье, господин Гильом?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Как видите, мне не на что жаловаться.

МУШЕРОН. А как здоровье…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Все здоровы и благополучны. Вы лучите расскажите мне, что говорят в городе.

МУШЕРОН. О чем, ваша милость?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ну, например, о штрафе, наложенном на цеховых мастеров за ослушание, о казнях мятежников, об изгнании молодых людей, которые дерзнули непочтительно вести себя в присутствии высокой особы наместника. Одним словом, что думают и говорят в городе о благодетельных заботах его светлости?

МУШЕРОН. Все – от мала до велика – благословляют его светлость.

НАМЕСТНИК *(со своего места).* Не лгите!

Мушерон и Клик-Кляк вздрагивают и со страхом смотрят на спинку кресла, из-за которой донесся голос.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Не смейте лгать, бургомистр Мушерон! Не думайте, что вам удастся обмануть нас. Попробуем узнать правду у вашего сына. Надеюсь, молодой лисенок еще не успел перенять уловки старой лисы. *(Клик-Кляку.)* Отвечайте вы: что говорят про нас в городе?

КЛИК-КЛЯК. Проклинают, ваша милость!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Кто?

КЛИК-КЛЯК. Все, ваша милость!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Все?

КЛИК-КЛЯК. Простите, господин Гильом, я хотел сказать: все, кроме меня, моего отца, наших родных, друзей и знакомых…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. А много ли у вас знакомых и друзей?

КЛИК-КЛЯК. У нас? Почти никого не осталось, ваша милость. С тех пор как моего отца сделали бургомистром, с нами никто и знаться не хочет.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ну, господин Мушерон, ваш сын, как видно, не похож на вас. Если у вас лисий хвост, то у него ослиные уши.

МУШЕРОН. Таков он от рождения, ваша милость.

КЛИК-КЛЯК. Простите, господин Гильом, я совсем не то хотел сказать.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вы, кажется, всегда говорите не то. Молчите! Я буду разговаривать с вашим отцом. Скажите, бургомистр, почему на дереве против ратуши висело вчера столько шляп? Правда ли, что у вас такой обычай?

КЛИК-КЛЯК. Нет, они повесили шляпы для того, чтобы…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я приказал вам молчать!

НАМЕСТНИК. Пусть говорит.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Что вы хотели сказать, молодой человек?

КЛИК-КЛЯК. Вот теперь я и забыл… Ах, да… Они повесили шляпы, чтобы не снимать их перед его светлостью.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вот как! Кто же это придумал?

КЛИК-КЛЯК. Да кто же, как не этот проклятый горбун!

Кресло наместника скрипит. Гильом вздрагивает.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вы хотите сказать – тот метельщик, который сидел на дереве?

КЛИК-КЛЯК. Да. Горбатый метельщик.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Называйте людей по именам.

КЛИК-КЛЯК. Ну, этот горбун Караколь, ваша милость!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Так и говорите – Караколь. Что это за диковинное имя – Караколь?

КЛИК-КЛЯК. Это не имя, ваша милость, а прозвище. Вот меня, например, прозвали «Клик-Кляк» за то, что у меня в карманах много часов. Сначала меня дразнили «Тик-так, клик-кляк», а потом осталось только «Клик-Кляк». Понимаете?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Понимаю. Дальше!

КЛИК-КЛЯК. Так вот, на самом деле его зовут Жильберт. А Караколь – это по-нашему «улитка». Если вы видели когда-нибудь улитку, ваша милость, то вы знаете, что у нее на спине раковина, вроде горба. Вот горбатого Караколя и прозвали Караколем за то, что у него на спине горб.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вы сказали, что его зовут Жильберт. Ну и говорите: Жильберт!

Клик-Кляк хохочет.

Что с вами?

КЛИК-КЛЯК *(хохоча)*. Ой, не могу! Горбатый Караколь – Жильберт! Уж лучше я буду говорить попросту – горбун!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(бросается к нему и зажимает рот рукой)*. Молчать, щенок!

МУШЕРОН. Молчи, осел!

Клик-Кляк в страхе вырывается от них и бежит по комнате.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Стой! Куда?

Клик-Кляк, не слушая, добегает до кресла и вдруг, оцепенев, останавливается.

КЛИК-КЛЯК. А-ах! *(Пятится назад.)* Там сидит кто-то вроде Караколя, только очень страшный…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Какие дьяволы принесли сюда этого дурака?! Да знаешь ли ты, о ком говоришь? Ведь это…

Кресло наместника медленно отодвигается. Наместник большими шагами выходит на середину комнаты. На спине у него горб, гораздо больше, чем у Караколя. Ноги сухие и тонкие, руки длинные. Лицо изжелта-бледное, как у человека, который живет взаперти.

…его светлость.

МУШЕРОН. А-ах!

НАМЕСТНИК *(невозмутимо)*. Рад вас видеть, Мушерон Старший и Мушерон Младший.

МУШЕРОН. Мы тоже счастливы видеть вашу светлость…

КЛИК-КЛЯК *(бормочет)*. Счастливы… счастливы…

НАМЕСТНИК. Я знаю, что вы оба преданы мне, и поэтому удостоил вас чести видеть меня и беседовать со мной.

МУШЕРОН. Мы постараемся оправдать доверие столь высокой особы.

КЛИК-КЛЯК *(бормочет)*… Осокой высобы…

НАМЕСТНИК. Надеюсь. А теперь скажите мне, за что в городе так любят этого метельщика со странным прозвищем.

МУШЕРОН. Ваша светлость, у нас в городе привыкли петь за работой и плясать после работы, а этот метельщик Жильберт знает много песен и даже сам умеет сочинять их. Весь город поет его песни.

НАМЕСТНИК. Так, пожалуй, и песню про сыча он пустил по городу?

КЛИК-КЛЯК. Он, он, ваша светлость. Кто же, если не он!

НАМЕСТНИК. А вы знаете, про кого эта песня?

КЛИК-КЛЯК. Эта песня…

Отец дергает его за полу, Клик-Кляк умолкает.

МУШЕРОН. Нет, мы не знаем, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. А песню эту вы знаете?

МУШЕРОН. Нет, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Жаль, а мне очень бы хотелось ее послушать.

КЛИК-КЛЯК. А я могу вам спеть ее, ваша светлость. Это очень смешная песня. Вот слушайте!

Отец хватает его за рукав, но он уже поет старательно, с увлечением.

Кто от солнышка таится,
Верно, сам себя боится.
Змеи прячутся в земле,
Серый сыч сидит в дупле,
Скорпион таится в ямке,
А наместник – в нашем замке…

МУШЕРОН *(шепотом)*. Нанасс!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(шепотом)*. Молчи!

КЛИК-КЛЯК *(отстраняя их)*. Постойте, это еще не все. Как там дальше?.. *(Напевает вполголоса.)*

Скорпион ютится в ямке,
А наместник – в нашем замке!

(Громко, во все горло.)

До сих пор не знаю я,
Кто он – сыч или змея.

Вот какая дерзкая песня! И сочинил ее этот горбун Караколь! *(Пугается собственных слов и зажимает себе рот.)* Я хотел сказать – этот горбун Жильберт! Простите, ваша светлость, горбатый Караколь!.. *(Вытирает со лба пот.)*

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ваша светлость, не прикажете ли прогнать прочь этого болтуна?

НАМЕСТНИК. Нет. Он оказал и еще окажет нам большие услуги.

Клик-Кляк выпрямляется и гордо поглядывает на отца и на Гильома.

Так, значит, песню сочинил он?

КЛИК-КЛЯК. Он, ваша светлость, он.

НАМЕСТНИК. А кто его друзья?

КЛИК-КЛЯК. Весь город, ваша светлость. Да что город – все деревни кругом его знают. И говорят даже, будто его знают все звери и птицы в наших лесах.

НАМЕСТНИК. Вот как! Даже звери и птицы? А ты? Ты тоже дружен с этим метельщиком?

КЛИК-КЛЯК. Что вы, ваша светлость! Я его ненавижу. Он смеется надо мной! Пока его нет – все хорошо, а как только он появится, сразу всем кажется, будто я дурак. Это очень неприятно, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Я думаю.

КЛИК-КЛЯК. А хуже всего, ваша светлость, что он смеется надо мной при Веронике.

НАМЕСТНИК. А кто она такая, эта Вероника?

КЛИК-КЛЯК. Кто такая Вероника? Это первая красавица в нашем городе, ваша светлость, а может, и на всем свете. Если бы вы ее увидели, клянусь вам, – даже вы влюбились бы в нее. *(Фыркает в кулак.)*

МУШЕРОН… Придержи язык, Нанасс.

КЛИК-КЛЯК. Как это – придержать язык?

МУШЕРОН. Молчи. *(Наместнику.)* Вероника, ваша

светлость, – это дочь прежнего бургомистра, старшины златошвейного цеха, Фирена Старшего.

КЛИК-КЛЯК. И сестра Фирена Младшего, того самого парня, которого вы изгнали из города.

НАМЕСТНИК. А-а! *(Клик-Кляку.)* Так тебе, значит, нравится дочь прежнего бургомистра? Ты хочешь на ней жениться? А что она? Согласна выйти за тебя замуж?

КЛИК-КЛЯК. Нет, ваша светлость. Это очень странная девушка. Мне даже кажется, что она влюблена в кого-то другого.

НАМЕСТНИК. В кого же?

КЛИК-КЛЯК. Одно из двух: либо в Маленького Мартина, либо в этого шута Караколя. Но Мартин Караколь горбат. Поэтому я надеюсь, что она все-таки когда-нибудь согласится выйти замуж за меня.

НАМЕСТНИК. Я тоже надеюсь. Мы сыграем эту свадьбу, Гильом. Будет неплохо, если дочь старого бургомистра выйдет за сына нового бургомистра. Как ты думаешь?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Она заслуживает такого наказания, ваша светлость.

КЛИК-КЛЯК *(в восторге)*. Благодарю вас, ваша светлость! Благодарю вас, ваша милость!

НАМЕСТНИК. Готовьтесь к свадебному торжеству, бургомистр.

МУШЕРОН. Ваша светлость! Мастер Фирен не отдаст дочь за моего сына. С тех пор как меня назначили бургомистром, а его сына изгнали из города, он и смотреть на меня не хочет.

НАМЕСТНИК. Пустое! Если предо мною не устояли стены вашего города, то не устоит и прежний бургомистр! Я сам поговорю с ним.

КЛИК-КЛЯК. А когда же будет моя свадьба, ваша светлость?

НАМЕСТНИК. А вот когда ты избавишь город от этого

дерзкого метельщика.

КЛИК-КЛЯК. От горбатого Караколя?..

НАМЕСТНИК. От метельщика. Пока он ходит по улицам, ни тебе, ни мне не будет покоя.

КЛИК-КЛЯК. Это сущая правда, ваша светлость. Но только как же от него избавиться? По-моему, вам это гораздо легче сделать, чем мне. Прикажите отрубить ему голову, и все тут. Говорят, что ваш господин Гильом делает это очень ловко.

НАМЕСТНИК. Но ты же сам сказал, что весь город стоит за него.

КЛИК-КЛЯК. И это правда. Если ему отрубят голову, так уж мне и моему отцу, наверно, несдобровать, а может быть, и вам с господином Гильомом.

НАМЕСТНИК. Обо мне с господином Гильомом можешь не беспокоиться. Мы уж как-нибудь постоим за себя.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Береги лучше свою голову.

КЛИК-КЛЯК. Понятно, своя голова мне дороже вашей. Поэтому-то я и боюсь подступить к Караколю.

НАМЕСТНИК. Ну, если ты так боишься этого метельщика, так, верно, он и вправду чего-нибудь стоит. Может быть, нам женить на Веронике его, как ты полагаешь, Гильом?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Это будет прекрасная пара, ваша светлость.

КЛИК-КЛЯК. Да что вы, господин Гильом! Что вы, ваша светлость! Вероника и Караколь – пара! Вероника – и несчастный горбун!.. Да ей и на улице нельзя будет показаться рядом с этим горбатым уродом! Ей придется прятаться от людей в носилках, как вашей светлости…

НАМЕСТНИК *(в бешенстве хватает его за горло длинными цепкими руками и говорит сдавленным голосом)*. Если ты скажешь еще хоть слово…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(тоже бросаясь на Клик-Кляка)*… Мы задавим тебя как мышь!

МУШЕРОН. Ваша светлость! Ваша милость!

Клик-Кляк хрипит.

НАМЕСТНИК *(отпускает его и говорит спокойно)*. Что ты хочешь сказать нам, молодой Мушерон?

МУШЕРОН. Ваша светлость, уж лучите пусть он ничего не говорит.

НАМЕСТНИК. Нет, отчего же? Я слушаю его со вниманием. Так ты говоришь, Мушерон Младший, что берешься избавить нас от метельщика?

КЛИК-КЛЯК *(сдавленным голосом)*. Берусь, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Очень хорошо.

КЛИК-КЛЯК. Только я не знаю, как это сделать…
НАМЕСТНИК. Ты можешь затеять с ним драку…

КЛИК-КЛЯК. Он побьет меня.

НАМЕСТНИК. Ну, так подстереги его где-нибудь ночью…

КЛИК-КЛЯК. Его подстережешь! Он и во сне все слышит, в темноте все видит. А стоит ему закричать, как со всех улиц сбегутся ему на помощь.

НАМЕСТНИК. А разве он никогда не уходит из города?

КЛИК-КЛЯК. Нет, часто. Он ходит в лес чуть ли не каждый день.

НАМЕСТНИК. А ты знаешь, по какой дороге он ходит туда?

КЛИК-КЛЯК. Не знаю, ваша светлость, а вот по какой дороге он ходит обратно, это я знаю очень хорошо.

НАМЕСТНИК. Как это так?

КЛИК-КЛЯК. Вам-то, конечно, невдомек, ваша светлость. Но вы подумайте хорошенько. Ведь он кто? Метельщик. А чем метельщик метет улицы? Метлой. Ну а где метла растет? В лесу, над рекой. Вот он, перед тем как идти домой, непременно и завернет к реке – нарезать себе ивовых прутьев на метелки. Я еще с малых лет знаю это место.

НАМЕСТНИК. Ну, значит, дело твое совсем не трудное. На всякого зверя есть западня. И на двуногого тоже. Если какой-нибудь человек пойдет в лес, а на пути ему попадется яма, хорошо прикрытая ветками, он может провалиться в нее, и никто даже не узнает, что с ним случилось. Никто ни в чем не будет виноват, а человек умрет в яме от голода.

КЛИК-КЛЯК. Это верно, ваша светлость. Только там нет ямы.

НАМЕСТНИК. Верно. Если вырыть – будет.

КЛИК-КЛЯК. Если вырыть – будет.

НАМЕСТНИК. Бургомистр Мушерон! Вы старый и умный человек. Научите сына, как надо рыть яму своему ближнему. Вы на это, кажется, мастер. Пусть он ходит по пятам за метельщиком, пусть он видит и слышит его за тысячу шагов – да так, чтоб он его не видал и не слыхал. А уж вы следите за сыном. Одолжите ему свою голову до той поры, пока метельщик не сломит свою. Но помните: о том, про что мы здесь говорили, должны знать только четверо: я, Гильом, да вы двое.

МУШЕРОН. Слушаю, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Ну, идите!

Мушероны кланяются и уходят. Старший – впереди, младший – позади. На пороге Клик-Кляк останавливается.

КЛИК-КЛЯК. Ох, я и забыл! Ваша светлость! Нет, господин Гильом! Правда ли, что ваш меч волшебный?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Волшебный.

КЛИК-КЛЯК. Непобедимый?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Непобедимый.

КЛИК-КЛЯК. И на нем есть надпись?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Есть.

КЛИК-КЛЯК. А можно мне посмотреть надпись на вашем волшебном непобедимом мече?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Что? Надпись на моем мече? Ну, уж если я выну из ножен свой меч, то ты не обрадуешься.

НАМЕСТНИК. Нет, отчего же? Покажи ему меч, Гильом. Пусть он сам посмотрит и другим расскажет.

Гильом вынимает свой меч и протягивает Клик-Кляку.

КЛИК-КЛЯК. Я не понимаю, что тут написано. Это не по-нашему.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Тут написано: «Прямого – сгибаю, согнутого – выпрямляю, павшего – подымаю». Понял?

КЛИК-КЛЯК. Нет, ваша милость, не совсем. А что это значит?

НАМЕСТНИК. Объясни ему, Гильом.

Гильом стремительным взмахом заносит меч над головой Клик-Кляка. Клик-Кляк сгибается вдвое.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вот что значит «Прямого – сгибаю», а если отпущу – ты выпрямишься навсегда. Отпустить?

КЛИК-КЛЯК. Нет, нет, ваша милость!.. Пожалуйста, не надо! Я и без того понял. А что значит: «Павшего – подымаю»?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. А вот когда ты упадешь, тебя подымут и отнесут в могилу. Хочешь?

КЛИК-КЛЯК. Зачем же, ваша милость! Спасибо. Все и так ясно. Спрячьте лучше свой меч в ножны, я очень прошу вас.

НАМЕСТНИК. В самом деле, спрячь свой меч, Гильом. Он, кажется, все понял. А ты, Мушерон Младший, не забудь о деле, которое тебе поручено. Сделаешь – женю, не сделаешь – казню.

КЛИК-КЛЯК. Уж я постараюсь, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Хорошо. Ступай. *(Отодвигает кресло и садится.)*

Клик-Кляк, низко кланяясь, уходит. Наместник и Гильом остаются одни. В комнате так же тихо, как и в начале картины.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ваша светлость!

НАМЕСТНИК. Что ты хочешь сказать, Гильом?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я в большой тревоге, ваша светлость…

НАМЕСТНИК. Что же тебя тревожит?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Необычайная глупость молодого Мушерона. Она так велика, что может причинить нам немало бед.

НАМЕСТНИК. Я никогда не боялся и не боюсь человеческой глупости. Она всегда служила мне верой и правдой, мой верный слуга Гильом. Гораздо больше я боюсь ума.

Занавес.

Просцениум

Справа выходят медведь и лев, слева – улитка и заяц.

МЕДВЕДЬ. Послушайте-ка, друзья мои, почему это нас выпускают на сцену только тогда, когда падает занавес?

ЛЕВ. Если бы они пустили меня сюда хоть на пять минут раньше, даже на две минуты, уж поверьте: кое-кому не поздоровилось бы…

УЛИТКА. Наверное, потому вас и не выпускают: всему свое время.

ЗАЯЦ. Признаться, я тоже люблю действие и терпеть не могу толкаться на сцене между действиями. Мы, звери…

ЛЕВ. Кто это – мы?

ЗАЯЦ. Ну, ты… Медведь… Я, скажем… Ведь я тоже зверь, а не человек и не насекомое. Как вы думаете?

МЕДВЕДЬ. Да, конечно… Ты не человек, не насекомое, не птица, не гад ползучий. Но все-таки ты и не зверь.

ЗАЯЦ. Тебе так кажется? Ну ладно, называйте меня как хотите. Я никогда не был честолюбив, но я знаю, чего хочу. Я хочу сыграть свою роль в этом представлении. Иначе я недостоин занимать место в городском гербе.

УЛИТКА. Ты ее сыграешь.

ЛЕВ и Медведь. А мы?

УЛИТКА. И вы, разумеется. Всякий, кому однажды довелось ступить на сцену, рано или поздно сыграет свою роль – большую или маленькую, печальную или смешную, скромную или блестящую. А пока что ступайте, друзья, за кулисы.

ЗАЯЦ. Ну а ты?

УЛИТКА. А мне, как всегда, спешить некуда.

Звери уходят. Улитка остается одна и выходит к рампе.

У меня большая роль
В нынешнем спектакле.
Ваш приятель, Караколь —
Тезка мой, не так ли?
Но нисколько на меня
Не похож мой тезка.
Бережет меня броня,
Этот панцирь жесткий.
Это мой надежный кров,
Верная защита,
А у тезки для врагов
Грудь всегда открыта.
Не боится никого
Караколь бездомный…
Как бы спрятать мне его
В домик мой укромный?..

Уходит, задумчиво покачивая головой.

Картина третья

Комната в доме мастера Фирена. Большой очаг с черепичным навесом. Высокие окна с разноцветными стеклами. По стенам – резные лари, полки со старинной посудой: радужными стеклянными бокалами, серебряными и медными блюдами. Все очень светло, уютно, домовито. Вероника и ее подруги Лориана и Маргарита сидят за вышиванием. Девушки работают и поют.

Один стежок, другой стежок, —
Не спи, моя иголка, —
Раскрылся лист, расцвел стежок
Лазоревого шелка.
Скользит игла, вертя хвостом,
Снует проворной мышью.
На этом поле золотом цветущий сад я вышью.
К себе я птиц веселых жду, —
Они вернутся к маю.
И это дерево в саду
Для них я вышиваю.

Снизу, с улицы, песню подхватывает мужской голос.

Короной дорожит король,
Швея – своей иголкой.
А я, метельщик Караколь, —
Свободой и метелкой.

ВЕРОНИКА. Это Караколь! Позови его, Лориана!

ЛОРИАНА *(выглядывая в окно)*. Да он не один!.. За ним маленький Мушерон тащится.

ВЕРОНИКА. Ну, значит, надо позвать его так, чтобы Мушерон не услыхал.

ЛОРИАНА. А как же это сделать? Если я крикну, Клик-Кляк непременно услышит.

ВЕРОНИКА. Постой, я сама позову. Дай мне скорее веер.

Маргарита подает ей веер. Вероника раскрывает его, стоя перед окном.

МАРГАРИТА. А ведь Караколь и в самом деле повернул сюда! Что за волшебный веер у тебя, Вероника?

ВЕРОНИКА. Нет, веер самый простой, только видишь – совсем черный. Когда я его раскрываю, Караколь знает, что у меня забота или тревога.

ЛОРИАНА. Скажите на милость!.. А Клик-Кляк тоже понимает, что говорит твой веер?

ВЕРОНИКА. Что ты! Конечно, нет.

ЛОРИАНА. А почему же он повернул сюда?

ВЕРОНИКА. Это за Караколем. Со вчерашнего дня он всюду ходит за ним, точно тень.

МАРГАРИТА. Как же нам от него отделаться?

ВЕРОНИКА. Ничего. Что-нибудь придумаем.

Входит Караколь.

КАРАКОЛЬ. Вот и я. К вашим услугам, сударыни. Мне показалось, что вы позвали меня.

ЛОРИАНА. То, что вам показалось, сударь, было на самом деле. Расскажите нам поскорей городские новости.

На пороге появляется Клик-Кляк.

КЛИК-КЛЯК. Я вам расскажу новости. *(Торжественно и раздельно.)* Вчера – мы – с отцом – были – в замке – господина – наместника. Он сам вышел к нам и разговаривал с нами целый час.

КАРАКОЛЬ. О чем же вы разговаривали?

КЛИК-КЛЯК. Мало ли о чем я мог разговаривать с господином наместником. Это мое дело!

ЛОРИАНА. Значит, ты видел наместника? Ну, расскажи нам про него.

МАРГАРИТА. Или, может быть, он и дома сидит за бархатными занавесками?

КЛИК-КЛЯК. Нет. Я его видел так же ясно, как вижу сейчас Караколя.

ЛОРИАНА. Каков же он собой?

КЛИК-КЛЯК. Не скажу.

ЛОРИАНА. Значит, ты его не видел.

КЛИК-КЛЯК. Клянусь вам, что видел!

ЛОРИАНА. Ну так рассказывай, какой он!

КЛИК-КЛЯК *(растерянно)*. Да как вам сказать?.. Высокая особа… Вот и все.

ЛОРИАНА. Выше Гильома?

КЛИК-КЛЯК. Выше. Гильом – советник, а наместник – наместник. А больше и не спрашивайте. Я вам все равно больше ничего не скажу. Мне не велели. Нет. Одно могу сказать. Господин Гильом показал мне свой непобедимый меч.

ВЕРОНИКА. Тот самый? Волшебный? Ты выдумываешь, Клик-Кляк!

КЛИК-КЛЯК. Ну вот еще! Тот самый. Меч «Гайан». На нем написано. Стойте! Как это? О-о, я хорошо запомнил: «Прямого – сгибаю, согнутого – выпрямляю, падающего… нет, павшего – подымаю».

ВЕРОНИКА. Как ты сказал? «Прямого – сгибаю, согнутого – выпрямляю, павшего – подымаю»? Странная надпись!

КЛИК-КЛЯК. По-вашему, может быть, и странная, а по-моему, так страшная.

ЛОРИАНА. А что это значит?

КЛИК-КЛЯК. Спросите сами у господина Гильома. Я уже спрашивал.

МАРГАРИТА. А больше ты нам ничего не расскажешь, Клик-Кляк?

КЛИК-КЛЯК. Ни-че-го! Теперь я хочу послушать, о чем вы тут будете разговаривать.

ВЕРОНИКА. Ах, вот как! Ну, знаешь что, мне не хватило шелку для вышивания. Купи для меня у тетушки Мимиль три мотка: один светло-голубой, другой – темно-зеленый, а третий – ярко-красный. Вот тебе деньги.

МАРГАРИТА. А мне купи мешочек жареного миндаля. У матушки Марли отличный жареный миндаль…

ЛОРИАНА. А заодно зайди к бабушке Тафаро и попроси ее сказать, когда я выйду замуж. И пусть ее птица нагадает мне хорошего жениха.

ВЕРОНИКА. Запомнил, Клик-Кляк?

КЛИК-КЛЯК *(считая деньги)*. Погодите! Это еще труднее запомнить, чем надпись на мече. Три мотка миндаля для Лорианы, три мешка зеленого и голубого шелка для Маргариты и жениха для вас.

ВЕРОНИКА. Какого еще жениха?

КЛИК-КЛЯК. Ах, я и забыл, что у вас уже есть жених.

ВЕРОНИКА. У меня? Кто же это?

КЛИК-КЛЯК. Я вам скажу, когда вернусь.

ВЕРОНИКА. Ты немножко перепутал. Но это все равно. Иди скорее.

КЛИК-КЛЯК. Вы не успеете оглянуться, как я буду уже здесь.

КАРАКОЛЬ. Не спеши, Клик-Кляк, а то еще больше напутаешь. Купишь моток голубого миндаля и три мешка жареных женихов.

КЛИК-КЛЯК. О, я-то уж не напутаю. *(Уходит.)*

ВЕРОНИКА. Скажи, Караколь, где и когда ты видел Фирена?

КАРАКОЛЬ. Этой ночью у реки.

МАРГАРИТА. Сегодня ночью был такой дождь…

ВЕРОНИКА. И как это они живут там в лесу, без огня, без крова?..

ЛОРИАНА. Подумать страшно.

КАРАКОЛЬ. Там не страшнее, чем у нас в городе, Лориана. В лесу каждый куст тебя укроет, а здесь самые толстые стены для нас не защита.

ЛОРИАНА. Но ведь в лесу дикие звери.

КАРАКОЛЬ. Нам ли бояться зверей! Мы знаем все их повадки, знаем, по каким тропкам они ходят, когда им надо уступать дорогу, а когда они сами ее уступят. И для зверей, и для нас гораздо опаснее охотники из замка.

ВЕРОНИКА. Неужели наших выследили, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Всех не выследят. Нас много и с каждым днем становится все больше. Все окрестные деревни опустели, зато в лесу теперь больше людей, чем зверей. Скоро лес подступит к самому нашему городу, Вероника…

ВЕРОНИКА. Слышишь, Лориана? Скоро! Караколь, передай Фирену это письмо.

ЛОРИАНА. И скажи, что мы их ждем не дождемся.

КАРАКОЛЬ. Они и сами лишнего дня не пробудут в лесу. *(Берет у Вероники письмо.)* А что, написали вы ему, Вероника, о том, что выходите замуж?

ВЕРОНИКА. За кого? Пока не вернется Клик-Кляк, я даже не знаю, кто мой жених. Он обещал сказать мне, когда принесет миндаль и шелк.

КАРАКОЛЬ. Вам-то он еще не сказал, а по всему городу трубит, что наместник решил женить его на вас.

ВЕРОНИКА. Ты шутишь, Караколь.

КАРАКОЛЬ. Нет, мне совсем не до шуток!

ЛОРИАНА. Первый раз слышу, что Караколю не до шуток. Да и ты, Вероника, кажется, испугалась… Маргарита. Нашли кому верить! Мало ли что болтает Клик-Кляк. Мастер Фирен ни за что не отдаст дочку за Мушерона.

КАРАКОЛЬ. Если бы на то была воля мастера Фирена, он бы и сына не отпустил скитаться по лесам.

ЛОРИАНА. У нас в городе найдутся люди, которые постоят за Веронику.

КАРАКОЛЬ. Наш город не сумел постоять за себя. Ну,

прощайте, Вероника, мне пора.

ВЕРОНИКА. Постой, Караколь, я напишу Фирену еще несколько слов. *(Садится к столу и пишет.)*

ЛОРИАНА. Пиши скорее, Клик-Кляк идет!

ВЕРОНИКА. Выйди ему навстречу, Лориана. Задержи его.

ЛОРИАНА. Я не впущу его, пока он не скажет, что нагадала мне птица бабушки Тафаро. *(Бежит к лестнице.)*

ВЕРОНИКА. Я пииту Фирену, что убегу к нему в лес, если мне не удастся избавиться от Мушеронов. Ты поможешь мне найти туда дорогу, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Нет в лесу такой дорожки и тропинки, которой бы я не знал. Дайте мне ваше письмо и ни о чем не тревожьтесь.

ЛОРИАНА *(появляется в дверях и, держась за косяк, загораживает путь Клик-Кляку)*. Нет, нет, нет! Пока ты не скажешь, что нагадала мне бабушка Тафаро, я тебя не пущу.

КЛИК-КЛЯК. Пустите меня! Я сейчас рассыплю миндаль!

ЛОРИАНА. Нет, а все-таки, что сказала бабушка Тафаро?

КЛИК-КЛЯК. Она сказала… Ох, уже сыплется…

ВЕРОНИКА. Впусти его, Лориана. Я хочу, чтобы он рассказал все по порядку.

КЛИК-КЛЯК *(входит, на пороге роняет мешок и рассыпает миндаль)*. Ну вот, так я и знал.

КАРАКОЛЬ. Я тоже.

МАРГАРИТА. Что ты наделал, Клик-Кляк! Подбери сейчас же!

Клик-Кляк ползает по полу и подбирает миндаль.

ЛОРИАНА. А пока подбираешь, расскажи, что нагадала мне бабушка Тафаро.

КЛИК-КЛЯК. Она сказала, что без вас не может гадать про вашего жениха. Для этого ей нужно поглядеть на вашу ладонь.

ЛОРИАНА. А ты бы показал ей свою.

КЛИК-КЛЯК. Я и показал.

ЛОРИАНА. Ну и что же она сказала?

КЛИК-КЛЯК. Что я никогда не женюсь.

МАРГАРИТА. Слышишь, Вероника? Уж если бабушка Тафаро говорит, что Клик-Кляк никогда не женится, так тому и быть.

КЛИК-КЛЯК. Наместник знает лучите всякой бабушки. А он сказал, что я женюсь на ней, и даже очень скоро. Вы сами это увидите, Вероника.

КАРАКОЛЬ. Ну, мне надо торопиться. Прощайте, сударыни. Прощай, Клик-Кляк. *(Уходит.)*

КЛИК-КЛЯК. Мне тоже надо торопиться. Подбирайте сами свой миндаль.

Лориана и Маргарита стараются удержать его.

ЛОРИАНА. Куда же ты?

МАРГАРИТА. Постой!

КЛИК-КЛЯК. Пустите меня! Мне до свадьбы нужно сделать одно очень важное дело. *(Убегает.)*

МАРГАРИТА. И что за дела могут быть у Клик-Кляка?

ЛОРИАНА. Перед свадьбой даже у такого дурака, как он, дела найдутся. Вы поглядите, как бежит! Только пятки сверкают!

ВЕРОНИКА. Неужели он помешает отнести в лес мое письмо?

МАРГАРИТА. Не бойся, Вероника, разве ему угнаться за Караколем.

ЛОРИАНА. Что за парень наш Караколь! Если бы у него не

было горба, я бы не пожелала лучшего жениха ни одной из наших девушек. А ты, Вероника?

ВЕРОНИКА. А я, сказать по правде, и не замечаю, что у него горб.

ЛОРИАНА. Вот как? За чем же дело стало? Он, кажется, тоже с тебя глаз не сводит.

ВЕРОНИКА. Перестаньте шутить! Мне сейчас не до смеха! А уж если говорить не шутя, то во всем городе нет человека прямее нашего горбатого Караколя.

МАРГАРИТА. Как это – нет человека прямее Караколя?

ВЕРОНИКА. Да, да. Он прямее всех нас. Ему во всем можно поверить и на нем всех можно проверить. Кто ему друг – тот хорош, кто враг – тот плох. Каждое утро я просыпаюсь в тревоге: жив ли он, на свободе ли еще, увидим ли мы его опять… Без него мы жили бы как в тюрьме. Караколь – простой метельщик, он беден, он горбат, но люди в замке хорошо знают цену его песням и шуткам. Да и как не знать? Когда Караколь шутит, мы смеемся. А когда смеемся, перестаем бояться… Вот и сейчас я больше всего надеюсь на него – уж если он не придумает, как мне выпутаться из этой паутины, так и никто не придумает.

ЛОРИАНА. А ты в самом деле поверила россказням Клик-Кляка? Пустое! Неужели у наместника нет другого дела, как только думать о женитьбе Мушерона Младшего!

За окном слышится дробь барабана.

МАРГАРИТА *(выглянув в окно).* Смотри! Носилки наместника! Куда это его несут мимо наших окон? ЛОРИАНА. Остановились… Да нет, не может быть…

ВЕРОНИКА. Вносят к нам во двор…

ЛОРИАНА. Нет, нет. Вероника, не пугайся! Конечно, он приехал заказывать золотое шитье мастеру Фирену. Ведь наше золотое шитье славится на весь свет.

МАРГАРИТА. Постойте, я потихоньку спущусь и узнаю, в чем там дело. Да заодно хоть одним глазком погляжу, какой он, этот

наместник. Ведь в доме-то он, наверно, вылезает из своих носилок. *(Убегает.)*

ЛОРИАНА. Я думаю, они сюда даже не поднимутся. Мастер Фирен примет его у себя внизу.

Задыхаясь, вбегает Маргарита.

Что с тобой?

МАРГАРИТА. Идут! Сюда идут! Только мне кажется, что это не наместник… Он страшный… Вот такой! *(Показывает рукой рост наместника.)*

Дверь открывается. У косяка останавливается, угодливо придерживая дверь, Мушерон Старший. В комнату входят: наместник, Большой Гильом, Фирен Старший.

НАМЕСТНИК. Доброе утро, сударыни!

Девушки растерянно кланяются.

Которая же из них ваша дочь, мастер Фирен? *(Оглядывает девушек и останавливается перед Вероникой.)* Впрочем, я и сам это вижу. А эти красавицы?

ФИРЕН СТАРШИЙ. Подруги моей дочери.

НАМЕСТНИК. Боюсь, что мы помешали этим милым девицам заниматься своим делом. Мне очень жаль лишиться их общества, но я уверен, что шить и болтать где-нибудь в другом месте им будет веселее, чем слушать нашу беседу.

Девушки собирают работу, кланяются и уходят. Вероника хочет идти вслед за ними.

Нет, сударыня, вас я попрошу не покидать нас.

ВЕРОНИКА. Я не хочу мешать беседе старших.

НАМЕСТНИК. То, что я намерен сказать, касается именно вас. Мастер Фирен, не думаете ли вы, что вам пора выдать вашу прекрасную дочь замуж?

ФИРЕН СТАРШИЙ. Я надеюсь, ваша светлость, что вы позволите мне самому позаботиться о судьбе моей дочери?

НАМЕСТНИК. Я не отнимаю у вас ваших отцовских прав, мастер. Но для блага города, который волей-неволей оказался на моем попечении, я бы хотел помирить и даже породнить два почтенных семейства – ваше и семью мастера Мушерона. Что же вы медлите, дорогой Мушерон? Просите руки прекрасной Вероники для своего сына.

МУШЕРОН *(вкрадчиво)*. Мы с вами, дорогой мастер Фирен, знаем друг друга с детства. Наши дома стоят рядом. Ваша дочь выросла у меня на глазах, мой сын – у вас на глазах.

ФИРЕН СТАРШИЙ. Все это верно, мастер Мушерон. Я и в самом деле хорошо знаю вашего сына и вас. Поэтому оставим этот разговор. И если у вас ко мне нет другого дела, то я не смею задерживать вас долго у себя в доме. Прощайте!

МУШЕРОН *(растерянно)*. Я пришел сюда вместе с его светлостью и могу уйти только с его разрешения.

НАМЕСТНИК. В самом деле, Мушерон, можете идти. Я без вас поговорю с мастером Фиреном и его дочерью. Гильом, проводи господина бургомистра до ворот. Надеюсь, и вы окажете эту честь своему гостю, дорогой Фирен.

Фирен, Большой Гильом и Мушерон уходят. Минутное молчание. Наместник пристально смотрит на Веронику.

ВЕРОНИКА. Ваша светлость! Я бы хотела избавить моего отца от печальной и опасной обязанности объяснять вам наш отказ. Я сама все скажу. Вы можете изгнать меня из города, как моего брата, вы можете запереть меня в тюрьму или даже казнить, как многих наших друзей…

НАМЕСТНИК. О, когда вы сердитесь, Вероника, вы становитесь еще лучите!

ВЕРОНИКА. Ваша светлость, если вы человек…

НАМЕСТНИК. А кто же я?

ВЕРОНИКА. Не знаю… Но, если у вас есть сердце, позвольте мне остаться с моим отцом. Его единственного сына вы у него отняли… *(Голос ее вздрагивает, она закрывает лицо руками.)*

НАМЕСТНИК. Опустите руки, Вероника. Я хочу посмотреть, как вы плачете.

ВЕРОНИКА. Не смейтесь надо мной! Вы в моем доме!

НАМЕСТНИК. А вы в моем городе!

ВЕРОНИКА. Я это хорошо знаю. В этом городе нельзя дышать, с тех пор как он у вас в руках. И все же вам не удастся выдать меня за вашего шута Мушерона.

НАМЕСТНИК. Так вы не хотите за него замуж, Вероника! Ну что ж, пожалуй, вы правы. Даю вам свое герцогское слово, что за Мушерона вы не выйдете. Я мог думать об этом только до тех пор, пока не увидел вас. Вы достойны лучшей участи. Этот бедняга Мушерон не годится вам даже в конюхи. Ну, не печальтесь больше, улыбнитесь. Ради вашей улыбки я готов сделать многое!

ВЕРОНИКА. Благодарю вас, ваша светлость. Мне от вас ничего не надо.

НАМЕСТНИК. Неужели ничего? Я ведь мог бы ради вас простить вашего брата. Или, скажем, вернуть вашему почтенному отцу золотую цепь бургомистра… По правде говоря, она ему больше пристала, чем этой лисе Мушерону.

ВЕРОНИКА. Отец мой был бургомистром Вольного Города Мастеров.

НАМЕСТНИК. Ну что ж? Пожалуй, я даже не прочь возвратить вашему городу некоторые из его прежних прав и вольностей. Не все, конечно, но некоторые… И даже помиловать кое-кого из сумасбродов, кто променял свой дом на лесную берлогу… Признаться, я об этом давно подумываю. Вы удивлены, прекрасная Вероника? Вы, кажется, не ждали от меня этого?

ВЕРОНИКА. Не ждала, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Еще бы! Вам, наверно, говорили, что я чудовище, что никого не жалею и не милую?

ВЕРОНИКА. Да, так говорят…

НАМЕСТНИК. Никогда не следует верить людям. Я могу и пожалеть и простить. Я могу сделать человека несчастным, могу его осчастливить. Вас я бы хотел видеть счастливой. В знак моего глубокого расположения к вам примите этот скромный подарок.

Снимает с пальца кольцо и протягивает ей.

ВЕРОНИКА. Что это?

НАМЕСТНИК. Кольцо. Я ношу на руке всего два перстня. Один, с моей фамильной печатью, достался мне от моего отца, другой – от матери. Это ее обручальное кольцо. Возьмите его. Оно ваше.

ВЕРОНИКА. Зачем оно мне?

НАМЕСТНИК. Вы будете герцогиней де Маликорн.

ВЕРОНИКА. Что вы такое говорите? Вы шутите!..

НАМЕСТНИК. Я никогда не шучу. Вы будете моей женой. Ну, наденьте же это колечко. *(Пытается надеть кольцо на палец Вероники.)*

ВЕРОНИКА. Прочь от меня, мерзкий паук!

НАМЕСТНИК *(смеясь)*. Значит, я вам не нравлюсь? Ну, это не беда. Зато вы мне понравились. А этого достаточно для того, чтобы я взял вас к себе в замок. Будьте же благоразумны: горбун, который вам так противен, – это не какой-нибудь метельщик, это герцог, наместник короля, повелитель нашего города. Он бы мог сделать вас своей служанкой, а он просит руки, прелестная златошвейка.

ВЕРОНИКА. Вы просите моей руки? Вот она! *(С размаху ударяет его по лицу.)*

Наместник отшатывается, на мгновение от ярости теряет дыхание, но потом овладевает собой.

НАМЕСТНИК. За эту маленькую шалость мы успеем рассчитаться. Ведь у нас с вами впереди столько счастливых лет…

ВЕРОНИКА. Ни одного дня! Ни одного часа!

НАМЕСТНИК. Что же вы теперь собираетесь делать? Убежать или умереть? Но и то, и другое не так просто, как вам кажется. С этой минуты вы никогда не останетесь одна – ни днем, ни ночью. За вами по пятам будут ходить мой Гильом и придворные дамы, а у дверей будет стоять моя стража.

Вероника делает шаг к двери, но он сразу же замечает это и ловит ее за руку!

Постойте! Если вы сейчас или потом попытаетесь искать где-нибудь помощи и защиты, если вы не будете послушны не только моему слову, но даже малейшему движению моей руки, я не пощажу ни вашего отца, ни ваших родных, ни ваших друзей!

ВЕРОНИКА. Весь город – наши родные и друзья.

НАМЕСТНИК. Тогда и от вашего города не останется камня на камне. Ох, уж мне этот Вольный Город Мастеров! Он стоит на месте только потому, что я слишком терпелив. Но и терпению бывает конец!

В комнату входят Фирен и Гильом. Вероника в смятении кидается к отцу.

ФИРЕН СТАРШИЙ. Что с тобой, Вероника? Будь спокойна, Мушерон больше не переступит порога нашего дома.

НАМЕСТНИК. Это верно, господин Фирен. Ему больше незачем приходить сюда. Ваша дочь расскажет вам о моем решении. Через три дня у вас в доме и во всем городе будет большое торжество. А пока и ваш дом и вашу прекрасную дочь будут надежно охранять. Позаботься об этом, Гильом.

Занавес опускается. Перед занавесом проходит в обычном порядке процессия – барабанщик, латники, потом высокие и мрачные, похожие на катафалк носилки наместника. Рядом с носилками – Большой Гильом в темном плаще.

Действие третье

Картина четвертая

Лес. Ночь на исходе, но еще совсем темно. На переднем плане – укромная лесная полянка. Вплотную к ней подступают густые заросли деревьев и кустов, перепутанные вьющимися растениями. Постепенно становится светлее. Но только к концу картины наступает утро. Из чащи выходят двое. Один – Клик-Кляк, другой – одноглазый человек с повязкой, пересекающей лоб наискось. Он в егерской куртке, видавшей виды, в помятой шляпе. В руках у Клик-Кляка – фонарь, у одноглазого – лопата.

ОДНОГЛАЗЫЙ. Следовало бы прибавить, ваша милость. Поработали на совесть, честно, этакую яму за одну ночь вырыли. Да мало что вырыли – так прикрыли, будто ее и нет совсем. Ни человек, ни зверь не заметит, покуда не провалится.

КЛИК-КЛЯК. А вылезти оттуда нельзя?

ОДНОГЛАЗЫЙ. Никак, ваша милость. Хоть сами попробуйте.

КЛИК-КЛЯК. Нет, пробовать я не стану, а прибавить – так и быть, прибавлю. Вот тебе, держи.

ОДНОГЛАЗЫЙ. Серебро-то лучше меди, а золото и подавно.

Клик-Кляк молча мотает головой.

Ну, да если больше не дадите, и на том спасибо. Выпьем за того, кто в яму угодит.

КЛИК-КЛЯК. Вот еще! Зачем за него пить?

ОДНОГЛАЗЫЙ. А если вы прибавите, так мы и за ваше здоровье выпьем. Нам все равно. У нас такой обычай – пьем и за мертвого, и за живого, и за повешенного, и за веревку. Да вы не скупитесь – прикиньте еще! Ведь богаче вас и в городе-то никого нет.

КЛИК-КЛЯК. А разве ты меня знаешь?

ОДНОГЛАЗЫЙ. Как не знать, если на улице все на вас пальцем показывают.

КЛИК-КЛЯК. Ну, если знаешь, так молчи.

ОДНОГЛАЗЫЙ. Молчание – золото, а вы медью платите.

КЛИК-КЛЯК. Ладно уж, получишь золотой. Только покажи мне еще раз яму, а то я, пожалуй, не найду ее.

ОДНОГЛАЗЫЙ. Найти-то и вправду мудрено. На то и западня. Да ведь я вам ее только что показывал.

КЛИК-КЛЯК. А я забыл!

ОДНОГЛАЗЫЙ. Забывчивость в таком деле не годится, ваша милость! Да вот же она, вправо, в пяти шагах отсюда… *(Показывает через плечо.)*

КЛИК-КЛЯК *(стоя против него)*. Ага! Да, да… Вправо, в пяти шагах отсюда… Вот от этого вяза, значит… Ну ладно, идем!

Оба уходят. На сцене несколько мгновений пусто и тихо. Потом из зарослей выходит Караколь с двумя спутниками. Один из них – Фирен Младший, брат Вероники, другой – мальчик лет тринадцати, Тимолле Меньшой.

КАРАКОЛЬ. Дальше не ходите. Где начинаются тропинки, там и людей встретить можно. И своих, и чужих.

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Сказать по правде, Караколь, надоело мне оглядываться и при каждом шорохе прятаться в кусты, будто мы не у себя дома, не в том самом лесу, где мальчишками орехи собирали.

КАРАКОЛЬ. Что поделаешь, друг Фирен! Недаром у нас в гербе лев, заяц, медведь. Старики говорят: «Будь смел, как лев, силен, как медведь, и осторожен, как заяц».

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Пока мы только и делаем, что прячемся. Не для того я убежал из дому, чтобы сидеть в кустах, словно заяц!

КАРАКОЛЬ. Потерпи. Даже и льву случается иной раз притаиться, прежде чем прыгнуть. А зато уж если прыгнешь, прыгай, как лев, а не как заяц – вперед, а не в кусты.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Дали бы мне только прыгнуть!

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Да, уж за него можно поручиться. Так и

скажи его деду, Караколь: Меньшой Тимолле не посрамит славного цеха гранильщиков. Он – моя правая рука, оруженосец и помощник. Где мы с ним не побывали за то время! И у пастухов в горах, и у рыбаков на взморье… И домой мы с ним придем вместе. Верно, Тимолле?

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Как – домой? Домой я не хочу.

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Слышишь, Караколь? Только одного он боится: как бы его не отослали домой раньше времени. Да нет! Я не о том говорю. Мы пойдем вместе освобождать наш город.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Хоть сегодня, Фирен. Хоть сейчас!

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Так и все у нас думают – хоть сегодня, хоть сейчас! Чего бы мы не дали, чтобы поскорее увидеть опять наши улицы, наши дома, наши мастерские! Правду ведь говорят люди: надо потерять свой дом, чтобы узнать, как сильно ты его любишь. Если бы не ты, Караколь, он был бы от нас еще дальше, чем сейчас. А с тобой к нам в лес приходит весь город – с часовой башней, с мостами и переулками, даже с Большим Мартином на площади.

КАРАКОЛЬ. А я и не замечал, что ношу с собой такой тяжелый груз. Должно быть, все помещается у меня в раковине за спиной. А вот письмо, которое я нынче принес тебе, Фирен, показалось мне и вправду тяжелым.

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Скажи им, Караколь, пусть не тревожатся. Все так и будет, как я сказал. Мы не опоздаем. Ждите нас да получше готовьтесь к Майскому празднику.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. А когда услышите пастуший рожок, встречайте гостей. *(Подносит рожок к губам.)*

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Тише! Еще не время! Этот рожок должен будить друзей, а не врагов. Ну, прощай, Караколь, уже светает. А мы пока еще боимся света, как ночные птицы.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Прощай, Караколь.

КАРАКОЛЬ *(вслед им)*. Поторапливайтесь, поторапливайтесь, ночные птицы, а то уже дневные защебетали. Ишь как они разговорились сегодня! Видно, за ночь набралось много новостей.

(Прислушиваясь.) Э, да тут как будто моя знакомая – та, у которой сестра живет на площади Большого Мартина. Надо передать ей поклон. *(Свистит. Ему отвечают.)* Да, она жива и здорова. Говорит, что соскучилась по родным ивам. Беспокойно ей в городе. Раньше ничего было – сытно, весело. А теперь и веселья нет, и корма не хватает. И людям, и птицам плохо приходится.

В кустах встревоженный щебет.

Да вы не тревожьтесь! Авось в следующий раз принесу вам новости получите. Занимайтесь своим делом, а я примусь за свое. *(Режет ветки и напевает песню. Сначала тихо, без слов, потом громче, отчетливее.)*

Ты видишь льва в гербе у нас,
А в прежние века
Он здесь охотился не раз
И пил из родника.
В гербе ты видишь и змею,
Опутавшую льва,
Она жила в чужом краю,
Когда была жива.
Но вот однажды в львиный дом
Злодейка забралась
И там серебряным клубком
На камне улеглась.
Пришел домой косматый лев
И в яростном бою
Зажал в когтях, рассвирепев,
Трехглавую змею.
С тех самых пор у нас в гербе
На поле огневом
Не знают отдыха в борьбе
Змея с могучим львом.

Во время этой песни из чащи выглядывают звери – заяц, потом медведь и, наконец, лев. За работой Караколь их не замечает.

Потом он поднимает голову и видит своих слушателей.

Ах, вон кто меня слушает! А я-то думал, что я здесь один. Пою себе и не знаю, что весь лесной народ собрался сюда. Даже сам старшина пожаловал – мастер лев! Знал бы – спел получше. А не опасно ли вам, друзья, в эту пору выходить из чащи? В прежние времена вас никто бы не тронул. Тогда наш город был вольный, лес – заповедный. А теперь на каждом шагу ловушки –

ив городе, и в лесу. Глядите в оба, земляки!

Звери прячутся за ветвями.

Хорошо мне с этим лесным народом! Только они одни и не знают, что я горбун. Думают – такой как надо, а может, еще и лучше. Ну вот, как будто и все. Веток хватит надолго. Можно и домой собираться. Только надо бы захватить чего-нибудь для Вероники и для дедушки Мартина. Кажется, на том берегу шиповник уже расцвел.

Убегает, оставив куртку и нарезанные ветки. Несколько мгновений в лесу совсем тихо. Потом издали доносится топот лошадей, лай собак, отзвуки людских голосов. На поляну выскакивает перепуганный заяц. За ним появляются медведь и лев. Пробираясь сквозь заросли кустов, они натыкаются на западню, вырытую для Караколя. Лев и заяц успевают отпрянуть, медведь проваливается. Через секунду на поляну выходит Клик-Кляк. Он осматривается и замечает куртку и нарезанные ветки.

КЛИК-КЛЯК. Ветки!.. Сумка!.. И куртка тут!.. О! Значит, он и сам недалеко. Только где же? *(Растерянно смотрит по сторонам и вдруг слышит шорох и хруст в яме.)* А, вот ты где! Так тебе и надо! Сюда! Сюда!

Из чащи выходит наместник в сопровождении двух егерей.
Здесь, ваша светлость!

НАМЕСТНИК. Хорошо. *(Егерям.)* Дайте господину Мушерону охотничий рог, а сами ступайте на опушку леса – туда, где остались господин Гильом и бургомистр. Вернетесь сюда, когда услышите звук рога, не раньше. До тех пор ждите!

Егеря подают Клик-Кляку большой охотничий рог, кланяются и уходят. Клик-Кляк вешает рог на ветку дерева.

Ты уверен, что дичь попалась?

КЛИК-КЛЯК. Уверен, ваша светлость. Поглядите сами – вот его сумка, куртка, вот ивовые ветки, которые он только что нарезал. А сам он в яме!

НАМЕСТНИК. А ты уже заглянул туда?

КЛИК-КЛЯК. Нет еще, ваша светлость. Но я хорошо слышал, как он там ворочался и кряхтел.

НАМЕСТНИК. Пойдем посмотрим. Я верю только своим собственным глазам.

КЛИК-КЛЯК. Там темно, ваша светлость. Вы ничего не увидите. Но если хотите, посмотрим. Только сначала одно слово. Нет, извините, два. Когда свадьба?

НАМЕСТНИК. Скоро, Мушерон, скоро! Послезавтра!

КЛИК-КЛЯК. Послезавтра! А Вероника знает, что у нее послезавтра свадьба?

НАМЕСТНИК. Не беспокойся, знает!

КЛИК-КЛЯК. Ну, если так, ваша светлость, идемте скорее к яме. Сюда, за мной. Постойте! Где же эта яма? Пять шагов направо…

НАМЕСТНИК. Да ведь ты идешь налево.

КЛИК-КЛЯК. Ах, да… И тут нет… Забыл…

НАМЕСТНИК. Но ведь ты сам говорил, что слышал в яме хруст!

КЛИК-КЛЯК. Слышал. Вот только не помню, с какой стороны. Караколь – он хитрый. Сидит и молчит. Ну хоть бы разок пошевелился, я бы его сразу и нашел. А так ей-ей не знаю, где эта чертова яма. Хоть убейте, не помню!..

Наместник, ни слова не говоря, в гневе кидается на него. Клик-Кляк в ужасе отскакивает.

Стойте, стойте, ваша светлость! Вспомнил! Пять шагов от этого вяза! Идемте! Раз, два, три, четыре… Ах! Держите меня! *(Падает в яму, увлекая с собой наместника.)*

На поляну снова выбегает Караколь. В руках у него несколько веток цветущего шиповника.

КАРАКОЛЬ. Что такое? Рычит кто-то… Кряхтит, стонет… Да где же это? Не пойму. *(Раздвигает кусты и видит яму.)* Ох, чуть

было не оступился! Настоящая западня! Никак медведь рычит? Он, конечно он! Ну, надо выручать старого приятеля. *(Распутывает веревку, перекидывает ее через сук и спускает один конец в яму.)* Эх, бурый! Говорил же я тебе, что здесь на каждом шагу ловушка. Ну, вылезай!

Из ямы вылезает Клик-Кляк.

Клик-Кляк! Вот уж этого я никак не ожидал. Ты как попал в яму?

КЛИК-КЛЯК. Нечаянно…

КАРАКОЛЬ. Что же ты сопел как медведь?

КЛИК-КЛЯК. Это не я, это сам медведь… Я думал, он меня съест.

КАРАКОЛЬ. Что ты! Разве медведь станет есть всякую дрянь! Но ты лучше скажи мне, как ты очутился здесь на рассвете?

КЛИК-КЛЯК. На охоту пришел. Вот и все.

КАРАКОЛЬ. А как тебя угораздило попасть в яму?

КЛИК-КЛЯК. Да нашел твою сумку, куртку, подумал, что это ты в яму угодил…

КАРАКОЛЬ. И полез ко мне в гости? Спасибо.

КЛИК-КЛЯК. Не стоит! Ну, прощай, Караколь. Я пойду в город.

КАРАКОЛЬ. В город? Зачем! Я думаю, там и без тебя прекрасно обойдутся. А ну, полезай обратно!

КЛИК-КЛЯК. Ты что, спятил? У меня послезавтра свадьба!

КАРАКОЛЬ. Поэтому тебе лучше сидеть в яме. *(Подталкивает его к яме.)*

КЛИК-КЛЯК. Не полезу, горбун проклятый. Я тебя самого столкну!

Неожиданно из чащи появляется лев; он грозно рычит.

Караколь! Он разорвет меня!

КАРАКОЛЬ. А ты скорей полезай в яму, вот он и не тронет тебя.

КЛИК-КЛЯК. Да ведь там медведь.

КАРАКОЛЬ. Медведя я вытащу.

КЛИК-КЛЯК. Вытащишь? Нет, знаешь, Караколь, лучите отпусти меня домой!

КАРАКОЛЬ. Это на свадьбу-то?

КЛИК-КЛЯК. Какая там свадьба! Клянусь жизнью, что я не женюсь на Веронике. Да ты только подумай, разве мастер Фирен отдаст ее за меня!

КАРАКОЛЬ. Но ведь ты сам говорил, что наместник его заставит.

КЛИК-КЛЯК. Мало ли что я говорил! Да пропади он совсем, этот наместник!..

Наместник *(из ямы)*. Мушерон!

КЛИК-КЛЯК. Ох, я и забыл совсем!..

КАРАКОЛЬ. Кто это там, Клик-Кляк?

КЛИК-КЛЯК. В яме-то… Н-не знаю… Медведь, наверно…

КАРАКОЛЬ. Так это медведь тебя по имени зовет?

КЛИК-КЛЯК. А что ж? Я ведь тоже его по имени зову. Он меня «Мушерон», а я его «Медведь»…

НАМЕСТНИК. Помолчи, Мушерон! Слушай, метельщик, я – Бистеколь, хранитель печати его светлости. Вытащи меня отсюда – не пожалеешь!

КЛИК-КЛЯК. Ага… хранитель!..

КАРАКОЛЬ. А как же он сюда попал?

КЛИК-КЛЯК. Не попал, а упал. Мы с ним вместе.

НАМЕСТНИК. Ну что же, метельщик?.. Брось мне веревку! Я тебе хорошо заплачу.

КАРАКОЛЬ. А мне от вас ничего не надо, сударь. Храните свою печать в этой яме. Лучшего места для нее и придумать нельзя.

НАМЕСТНИК. Не смейся над герцогской печатью, метельщик! Она может послать человека на плаху, но она может избавить тысячи людей от тюрьмы, от изгнания, даже от казни.

КАРАКОЛЬ. Даже от казни? Что и говорить – славная печать!

НАМЕСТНИК. Вытащи меня, и я дам тебе эту печать на три дня. Подумай: целых три дня ты будешь править своим городом. За это время можно многое успеть!

КАРАКОЛЬ. Да, немало… А не обманываете ли вы меня, господин Бистеколь? Печать-то в самом деле при вас?

НАМЕСТНИК. Она всегда при мне. Ну! Спускай веревку!

КАРАКОЛЬ. Пожалуй. Только на первый раз я спущу вам не веревку, а веревочку. Печать-то она выдержит, а вот вашу милость нет.

НАМЕСТНИК. А если ты возьмешь печать, а меня оставишь в яме?

КАРАКОЛЬ. Не верите? Ну что ж, живите себе в этой берлоге, пока живется. Мне-то что?

НАМЕСТНИК. Спускай веревку!

КАРАКОЛЬ. Веревочку! А ты, Клик-Кляк, сиди смирно. Мой лев шутить не любит.

Клик-Кляк замирает на месте. Лев возле него на страже.

Привязали?

НАМЕСТНИК. Тяни!

КАРАКОЛЬ *(вытягивает перстень и рассматривает его).* Верно, перстень с печатью. На печати – змея.

НАМЕСТНИК. Это не змея, а трехглавый дракон с тремя коронами. Фамильный герб наместника.

КАРАКОЛЬ. А, все равно, – одна порода, – что дракон, что наместник. Ну, если дело идет без обмана, спускаю вам веревку потолще. *(Тянет с трудом.)* Ох, и тяжеленький же вы, ваша милость!

Из ямы показывается голова медведя.

Вот тебе и на! Это и в самом деле ты, бурый! Зачем же ты выдавал себя за хранителя печати? Ну, пой– дем, пойдем отсюда!.. Нашему брату лучите держаться подальше от всяких ловушек.

Лев и медведь скрываются в чаще.

НАМЕСТНИК. Стой, обманщик! Ты хочешь одурачить меня? Взял мою печать и уходишь?

КАРАКОЛЬ. Да не тревожьтесь вы, сударь! Караколь еще никогда никого не обманывал. Но вас в яме так много, что мне не разобраться, кто из вас медведь, а кто хранитель печати… Ну, спускаю опять веревку. Держитесь! Посмотрим, какой зверь вылезет на этот раз!

Из ямы вылезает наместник. Караколь смотрит на него с удивлением.

Вот вы какой, господин Бистеколь! Недаром у нас с вами схожи имена. Мы и сами немножко похожи друг на друга. Только если меня за мой горб прозвали улиткой, то вы – по крайней мере, верблюд? Ну, давайте я вам помогу распутать веревку. Она вам больше не нужна.

НАМЕСТНИК. Зато тебе она еще понадобится. Я в этом уверен!

КАРАКОЛЬ. Вот и готово, ваша милость. Вы свободны.

НАМЕСТНИК. Спасибо, метельщик. Ты, видно, честный

малый… Ну, Мушерон, бери свой рог.

Клик-Кляк звонко трубит.

КАРАКОЛЬ. Что-то мне не нравится эта музыка… Надо уносить ноги! Прощайте, господин Бистеколь!

НАМЕСТНИК. Нет, погоди, погоди, метельщик! Ровно через три дня час в час, минута в минуту, ты должен явиться на это самое место. Понял?

КАРАКОЛЬ. Ладно, приду.

НАМЕСТНИК. Да смотри не потеряй перстень. Ведь это печать самого наместника.

КАРАКОЛЬ. Уж я-то не потеряю. С тех пор как я стал хранителем печати его светлости, я только о ней и думаю.

НАМЕСТНИК. Что же ты собираешься с ней делать?

КАРАКОЛЬ. Увидите, господин Бистеколь.

НАМЕСТНИК. Посмотрим, Караколь.

На поляну выбегают егеря, латники, Большой Гильом и Мушерон Старший.

Большой Гильом. Ваша светлость! Мы и не знали, что думать!

КАРАКОЛЬ. Так вот оно что!.. Ваша светлость!

НАМЕСТНИК. Думать не о чем, Гильом. Хватайте этого человека. Он украл у меня перстень с печатью.

КЛИК-КЛЯК. Украл! Украл!
Стража хватает Караколя.

КАРАКОЛЬ. Вы оба лжете!

НАМЕСТНИК. Бургомистр Мушерон, кто по вашим городским законам судит людей, совершивших кражу, и как их за это наказывают?

МУШЕРОН СТАРШИЙ. Ваша светлость, воров судит у нас совет старшин. За первую кражу вора лишают левой руки и приговаривают к изгнанию из города…

КАРАКОЛЬ. Ах, мне следует отрубить обе руки!

НАМЕСТНИК. Вот как?

КАРАКОЛЬ. Да, обе! Эти руки вытащили из ямы такую ядовитую гадину.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ваша светлость, не прикажете ли вы сейчас же повесить его на этом дереве?

НАМЕСТНИК. Нет, Гильом! Пусть все будет по законам и обычаям славного Вольного Города Мастеров. Бургомистр Мушерон! Вы видите кольцо у него на пальце? Господин Мушерон Младший! Гильом! Егеря! Солдаты! Все видите? Хорошо. Завтра же он предстанет перед судом старшин.

КАРАКОЛЬ. Так тебе и надо, Караколь! Ловко тебя поймали в западню…

Занавес.

Просцениум

С одной стороны выходят лев, медведь и заяц. С другой появляется улитка.

ЛЕВ. Медведь! Ты умеешь говорить?

МЕДВЕДЬ. Говорить? Да вот с тобой, зайцем и улиткой разговариваю. А поймут ли меня люди – не знаю. Я их не всегда понимаю.

ЗАЯЦ. Я тоже.

ЛЕВ. Как же быть? Сейчас я завидую пятилетнему ребенку, который может рассказать словами обо всем, что видел. Его тоненький голосок, его детский лепет услышат и поймут, а мое львиное рычание, твой медвежий рев, самый отчаянный, самый жалобный крик зайца – все это для них только лесной шум и

больше ничего. Уж лучше молчать как рыба, как улитка!

УЛИТКА. Говорить можно не только словами.

МЕДВЕДЬ. А как же?

УЛИТКА. Словами я этого сказать не могу. Идемте за мной.

Улитка уходит. За нею – заяц, медведь, лев.

Картина пятая

Та же площадь, что и в первой картине. В глубине на высоком помосте, окруженном латниками, – нечто вроде шатра. Темные занавеси опущены. Рядом с шатром – кресло Большого Гильома. Над помостом развевается черное знамя завоевателей. Внизу, на площади, разостлан ковер. На нем стоит тяжелый резной стол с весами правосудия. Перед столом – кресло бургомистра. Справа и слева – места обвинителя и защитника. Площадь полна народа. Каждый цех формируется возле своего старшины. В руках у знаменосцев – стяги с вышитыми гербами цехов. На балконе сидит Вероника.

МУШЕРОН… Господа старшины, славные мастера всех искусств, ремесел, рукоделий! Сегодня мы будем судить преступника, нарушившего законы нашего Вольного Города Мастеров. Судите его по совести и разумению, строго и нелицеприятно, как судили найти отцы и деды. *(Садится в кресло.)* Кто потерпевший?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(поднимаясь с места).* Его светлость герцог Филипп Юстус де Маликорн, правитель города. А его высокую особу представляю я, первый советник его светлости, Гильом Марцелл Готшальк.

МУШЕРОН. Введите обвиняемого.

Латники вводят Караколя.

ГОЛОСА. Бедный Караколь! За что его судят?

– Говорят, за кражу.

– Какая там кража! Кто поверит, что наш Караколь на руку нечист?

– Дело тут не в руке, а в языке!..

МУШЕРОН. Обвиняемый, назови свое имя и звание.

КАРАКОЛЬ. Что с вами, дядюшка Мушерон? Забыли вы меня, что ли? А я-то думал, что вы знаете меня не хуже, чем я вас.

МУШЕРОН. Не говори лишнего, мельщик Жильберт.

КАРАКОЛЬ. А если вы знаете, как меня зовут, так зачем же спрашиваете?

МУШЕРОН. Откуда ты родом?

КАРАКОЛЬ. Спросите у Большого Мартина, бургомистр. Мы с ним земляки.

МУШЕРОН. Ты не на ярмарке, мельщик, а на суде старшин. И пришел ты сюда не для того, чтобы смешить народ, а для того, чтобы отвечать за свое преступление!

КАРАКОЛЬ. О, если речь идет о преступлении, так не сядете ли вы на мое место, господин Мушерон? А я найду себе местечко поудобнее.

ГОЛОСА.
– Верно, Караколь!
– Так и быть, уступи ему свое место!
– Пусть поменяется с тобой!

МУШЕРОН. Соблюдайте тишину, горожане!.. Кто желает защищать подсудимого Жильберта, обвиняемого в краже?

ГОЛОСА.
– Я!
– Я хочу его защищать!
– Нет, я! Я!..

МАРТИН. Я, Мартин, старшина оружейного цеха, буду защищать мельщика Жильберта.

МУШЕРОН. Займите свое место, старшина оружейного цеха! Кто будет обвинять мельщика Жильберта?

Все молчат.

Кто желает быть обвинителем метельщика Жильберта?

Молчание.

Я, Мушерон, старшина ювелиров и часовщиков, займу место обвинителя. А свое кресло я уступаю старейшему из нас – старшине гранильного цеха мастеру Тимолле. Пожалуйте, мастер Тимолле!

Один из старшин, седой, дряхлый старик, занимает кресло бургомистра. Мушерон и Мартин располагаются справа и слева.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Господин Гильом Марцелл Готшальк, скажите нам, в чем обвиняет метельщика Жильберта ваш доверитель?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(поднимаясь).* Герцог де Маликорн обвиняет метельщика Жильберта в том, что он похитил у его светлости перстень с фамильной печатью. Герцог требует, чтобы столь дерзкое преступление было наказано по всей строгости законов и обычаев Города Мастеров.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Что скажет обвинитель?

МУШЕРОН *(разворачивая длинный пергаментный свиток).* Цеховые старшины и мастера! Все мы, и старые и молодые, родились и выросли в этом славном городе. Здесь, под гробовыми плитами, лежит прах наших отцов и дедов. Честь нашего вольного города нам дороже всего…

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Да знаешь ли ты, что такое честь, бургомистр Мушерон?

МУШЕРОН *(гневно поглядев по сторонам).* Но среди жителей Города Мастеров нашелся такой, который запятнал его древний герб…

ГОЛОС. Уж не ты ли это, старая лиса?

МУШЕРОН. Это Жильберт, метельщик, прозванный Караколем…

В толпе волнение, ропот.

В темном лесу, с шайкой таких же, как он, воров и бродяг, напал он врасплох на его светлость и сорвал с его пальца драгоценный перстень, гордость старинного герцогского рода. Вот этот перстень, господа судьи, вы его видите. Воровская рука, дерзнувшая совершить столь тяжкое преступление, должна быть отсечена по самое плечо, а наша честная семья должна отсечь от себя гнилой отпрыск, изгнав преступника из города. Здесь нет места для жалости. Кто не хочет осудить вора, тот соучастник его преступления.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Введите свидетелей!

Входят Клик-Кляк, егеря и солдаты, которые были в лесу.

Господин Нанасс Мушерон Младший, видели ли вы собственными глазами, как метельщик Жильберт похитил у его светлости кольцо с печатью?

КЛИК-КЛЯК. Да все, что я видел, я видел собственными глазами.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Как же это было?

КЛИК-КЛЯК. Это было… это было в лесу… во время охоты… То есть нет… то есть да… во время охоты… Я находился в свите его светлости. *(Оправившись, начинает говорить гладко, как по-заученному.)* В погоне за зверем мы с его светлостью углубились в чащу. Неожиданно из-за деревьев вышел горбун, то есть метельщик Жильберт, в сопровождении нескольких неизвестных лиц, закутанных в плащи до самых глаз… Они… они… они… ну, словом, они напали на нас и отняли перстень.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Это все?

КЛИК-КЛЯК. Это все. Отняли перстень и углубились… *(помолчав)* в чащу.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Кто же именно углубился?

КЛИК-КЛЯК. Мы с его светлостью. То есть разбойники…

В толпе смех.

МУШЕРОН. Господин Мушерон Младший, видели ли вы перстень его светлости на руке у метельщика?

КЛИК-КЛЯК. Еще бы! Конечно, видел. Уж это-то правда!

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. А все остальное ложь?

КЛИК-КЛЯК. Почему ложь?

ГОЛОС. Потому что вранье!

МУШЕРОН. Прошу соблюдать тишину! Егеря и солдаты, правду ли говорит господин Мушерон Младший?

ЕГЕРЬ. Сущую правду.

СОЛДАТ. Кольцо было на пальце у метельщика.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Мастер Мартин, что вы можете сказать в защиту Жильберта?

МАРТИН. Что я могу сказать? Я даю руку на отсечение, что Караколь ни в чем не виноват.

МУШЕРОН… Руку отсекут не у вас, а у вора, мастер Мартин.

МАРТИН. У вора? Да что же тут делается, старшина Тимолле? Ну, вот скажите мне по совести, как сосед соседу, как мастер мастеру: разве вы не доверили бы Караколю свои деньги и свою мастерскую, и все, что у вас есть за душой? А вы, мастер Фирен? А вы, дядюшка Нинош? А вы, мастера и подмастерья?

ПИРОЖНИК НИНОШ. Кто же из нас не знает Караколя!

ГОЛОСА. Мы знаем его лучше, чем себя!

МУШЕРОН. *(усмехаясь и разводя руками).* А что говорят улики, мастер Мартин? А что говорят свидетели?

МАРТИН. Я верю не вашим уликам, не вашим свидетелям, а своему сердцу и рассудку. А сердце и рассудок говорят мне, что мы судим нынче не Караколя, а самих себя.

ГОЛОСА. Правильно, Мартин! Себя судим!

– Говори дальше!

МАРТИН. Что еще сказать? Все и так ясно! Нынче мы осудим Караколя, завтра – мастера Фирена, потом дядюшку Ниноша, потом меня, потом очередь дойдет до дедушки Тимолле и, чего доброго, до Большого Мартина. И это все мы сделаем своими руками, по совести и разумению, по законам и обычаям нашего славного города. А из замка будут смотреть на нас и смеяться над нами!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Господин бургомистр! Подтвердите, что ни его светлость, ни я, скромный представитель его высокой особы, ничем не нарушили свободы и независимости суда старшин.

МУШЕРОН. Я подтверждаю это, господин Гильом!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Выслушаем обвиняемого. Говори, Жильберт!

КАРАКОЛЬ. Ну что ж, скажу. Свидетели сказали правду, кольцо украл горбун.

ГОЛОСА.
– Что он говорит!
– Он с ума сошел!

МУШЕРОН. Вы слышите, старшины и мастера? Преступник сознался!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Не спешите, бургомистр. Это только начало речи. Еще неизвестно, каков будет ее конец. Мы слушаем тебя, Жильберт.

КАРАКОЛЬ. Кольцо украл горбун. Если господин Гильом отдернет вон ту расшитую золотом занавеску, я покажу вам его! Он там!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я требую, чтобы этому болтливому метельщику заткнули рот! Разве судьи не видят сами, что он несет всякий вздор, лишь бы выгадать время и отсрочить заслуженную казнь!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Суд должен выслушать обвиняемого до конца. Продолжай, Караколь.

КАРАКОЛЬ. А украдено кольцо у меня… Я только вчера купил его. Мне понравилась печать. Вы знаете, что это за печать? Если приложить ее к бумаге, бумага становится волшебной. Она может отворить дверь темницы, снять у человека веревку с шеи, вернуть наших друзей в родной дом… Вот для этого я и купил перстень у владельца. Купил на целых три дня, но не проносил и трех минут. Покупатель оказался простаком, а продавец – обманщиком.

МУШЕРОН. Кто же из нас поверит этим небылицам? Как мог нищий метельщик купить драгоценный перстень, да еще с фамильной печатью?

КАРАКОЛЬ. А все-таки я его купил. Да, да, купил! И заплатил слишком дорого: вытащил из ямы того, кто роет яму всем нам!

Шум в толпе.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Судьи, вместо того чтобы выслушивать весь этот бред, все эти нелепые и преступные россказни, вы должны были задать подсудимому один вопрос: есть ли у него свидетели?

МУШЕРОН. Да, да! Есть ли у него свидетели?

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Скажи, Караколь, кто может подтвердить справедливость твоих слов?

КАРАКОЛЬ. Боюсь, что никто. Моих свидетелей здесь нет, все они далеко.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Назови их, Жильберт.

КАРАКОЛЬ. Отчего же не назвать? Это славный, честный народ, наши соседи, наши земляки: лев, медведь и заяц из заповедного леса. Они все видели, да не скажут.

МУШЕРОН. Лев, медведь и заяц! Хороши свидетели! Господа старшины, все эти басни годятся только для маленьких детей! По законам нашего города обвинение считается доказанным, если у защиты нет свидетелей. Не так ли, мастер Тимолле?

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Да, по закону это так…

МУШЕРОН. Стало быть, больше не о чем раздумывать и не о чем говорить. Именем закона я требую, чтобы у вора отрубили левую руку и навсегда изгнали его из нашего города.

Старшины молчат. На площади становится совсем тихо. Мушерон разворачивает пергаментный свиток.

Приговор ясен. Нам остается только подписать под ним свои имена.

ФИРЕН Старший. Погодите, Мушерон! Мастер Тимолле, вспомните об одном хорошем обычае нашего города.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. О каком, мастер Фирен? Говорите, мы слушаем вас.

ФИРЕН СТАРШИЙ. Если свидетелей защиты нет на суде, их выкликают трижды, перед тем, как вынести приговор.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Вы правы, мастер Фирен. Я совсем забыл об этом обычае. Глашатаи! Трижды призовите свидетелей защиты!

Глашатаи с длинными трубами в руках выходят вперед. Все вокруг стоят в напряженном ожидании.

ПЕРВЫЙ ГЛАШАТАЙ. Кто может доказать невиновность метельщика Жильберта, по прозвищу Караколь, явитесь сюда без страха и сомнения!

На площади тихо. Все замирают.

ВТОРОЙ ГЛАШАТАЙ. Мужчина или женщина, старик или ребенок, лицо, известное всем или неведомое никому, явитесь сюда во имя истины и справедливости!

Молчание.

ТРЕТИЙ ГЛАШАТАЙ. Жители города и окрестностей, уроженцы наших гор, лесов и полей, явитесь и свидетельствуйте!

Никто не отзывается.

МУШЕРОН *(с торжеством)*. Свидетелей защиты нет!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ *(беспомощно разводя руками).* Свидетелей защиты нет…

Народ на площади молчит, омраченный и подавленный. И вдруг тишину прерывает многоголосый крик. Толпа в смятении раздается, и на площади – под гербом города, изображающим льва, медведя и зайца, появляются живые лев, медведь и заяц.

КАРАКОЛЬ. Это они, мои звери! Мои свидетели!

КЛИК-КЛЯК. Не пускайте их сюда! Я сам все расскажу! Всю правду расскажу!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Стража! Егеря! Да что вы смотрите? Дикие звери бродят по городу! Окружайте их! Ловите! Бейте!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Нет, ваша милость, свидетели по нашим законам неприкосновенны.

МАРТИН *(выступая вперед).* Старшины и мастера! Если даже звери наших лесов свидетельствуют за Караколя, можем ли мы сомневаться в его правоте! А если бы звери не пришли, пришли бы деревья! А если бы не деревья – явились бы камни с наших дорог!

В толпе бурно хлопают в ладоши, кричат: «Правильно, Мартин! Правильно, мастер Тимолле!» Звери скрываются.

МУШЕРОН. Звери, деревья и камни не могут быть свидетелями. Свидетели должны владеть человеческой речью.

МАРТИН. Зато твой сынок владеет человеческой речью. Он все и расскажет за них. Ну, говори, Нанасс! Ты обещал сказать правду. Где ты видел этих зверей?

КЛИК-КЛЯК. Кого где… Льва – над ямой, а медведя в яме…

МАРТИН. В какой яме?

КЛИК-КЛЯК. Ну, в западне.

МАРТИН. В западне? А кто ее вырыл?

КЛИК-КЛЯК. Одноглазый…

МАРТИН. Какой еще одноглазый?

КЛИК-КЛЯК. А тот, которого я нанял.

МАРТИН. Вон что!.. А зачем же ты сам полез в свою западню?

КЛИК-КЛЯК. Да я не полез, я упал…

МАРТИН. А кто тебя вытащил?

КЛИК-КЛЯК. Никто, сам вылез.

КАРАКОЛЬ. Как же выбрался, Нанасс? По лестнице что ли?

КЛИК-КЛЯК. По какой еще лестнице? По самой обыкновенной веревке.

КАРАКОЛЬ. А не скажешь ли ты, Нанасс, кой конец веревки ты держался – за верхний или за нижний?

КЛИК-КЛЯК. Ну конечно, за нижний.

КАРАКОЛЬ. Обманываешь, Клик-Кляк.

КЛИК-КЛЯК. Нет, нет! Ты не собьешь меня! Я хорошо помню, что за нижний. За верхний ты держался сам!

В толпе смех.

МАРТИН. Стало быть, тебя вытащил Караколь.

КЛИК-КЛЯК. Мало ли что вытащил! Это он нечаянно… Хотел выручить медведя, а сначала по ошибке вытащил меня…

МАРТИН. А потом?

КЛИК-КЛЯК. Потом медведя и его светлость!.. Нет, хранителя печати его светлости!

МУШЕРОН. Я предлагаю прервать допрос свидетеля. Он не в своем уме.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Нет, господин Мушерон Старший, в

своем! Мы так же, как и вы, знаем господина Мушерона Младшего с самого рождения и можем подтвердить, что у него никогда не было больше ума, чем сегодня. Продолжайте, мастер Мартин!

МАРТИН. Значит, Караколь выручил и тебя, Мушерон Младший, и медведя, и хранителя печати?

КЛИК-КЛЯК. Да, и меня, и медведя, и хранителя.

МАРТИН. Ну, выходит, что звери оказались благодарнее людей: они заплатили ему добром. А вот люди чем заплатили?..

КЛИК-КЛЯК. Люди тоже заплатили добром: за самую простую веревку ему дали перстень…

МАРТИН. Перстень? Какой еще перстень?

КЛИК-КЛЯК. Да вон тот, что лежит в ларце!

МАРТИН. Вот ларчик и открылся! Теперь все ясней ясного.

В толпе радостный шум.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я требую, чтобы допрос был прекращен.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Ваше желание будет исполнено. Допрос окончен. Старшины и мастера, подойдите к весам правосудия. Левая чаша весов, как всегда, чаша обвинения, правая – оправдания!

Старшины один за другим подходят к весам и кладут медные шары в правую чашу. Только один Мушерон опускает свой шар в левую. Правая низко опускается, перевешивая левую.

Суд старшин славного Города Мастеров, допросив обвиняемого и свидетелей, выслушав потерпевшего, обвинителя и защитника и рассудив дело по древним законам и обычаям, по совести своей и разумению, постановляет: обвиняемого Жильберта-метельщика, по прозвищу Караколь, считать оправданным!.. Ты свободен, Караколь! Ступай домой!

Караколя сразу окружает ликующая толпа, и он теряется в ней. К судейскому столу подходит Гильом с двумя латниками.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Не спешите расходиться, господа старшины! От имени моего высокого доверителя заявляю вам, что решение вашего суда неправильно и незаконно.

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Мы решили это дело по совести и по закону, господин Гильом Готшальк. Если одна из сторон недовольна…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Как вы смеете называть его светлость герцога де Маликорна «одной из сторон»?

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Однако его светлость судился с метельщиком.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Нет. Вы судили метельщика за кражу!

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. И оправдали его! Если его светлость не пожелает сообщить, что именно он считает неправильным и незаконным, решение суда остается в силе.

Занавес отдергивается, перед толпой появляется наместник.

НАМЕСТНИК. Хорошо же! Я скажу вам, чем я недоволен!
ГОЛОСА. Кто это?
– Что за чудовище?
– Да у него горб больше, чем у Караколя.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Тише вы, медники и башмачники! Его светлость говорит!

Стража ощетинилась алебардами. Становится тихо.

НАМЕСТНИК. Старшины! Я оказал вам честь, разрешив судить преступника Жильберта по вашим старым законам и обычаям. Я хотел испытать благоразумие горожан. Но вижу – меня обманули ваши седые бороды и старческие морщины. Вы не судьи, вы запальчивые юноши, а собравшиеся здесь жители города – неразумные дети, достойные розги! До сих пор я вас щадил. Но, если с этой минуты кто-нибудь из вас посмеет нарушить мою волю, весь город поплатится за это. Я не оставлю здесь камня на камне…

ВЕРОНИКА *(порывисто поднимаясь с места).* Ах, довольно мы

берегли камни нашего города. Нам надо беречь его честь!

НАМЕСТНИК *(потрясая жезлом)*. Прочь! Да и вам всем, старшины и мастера, лучите разойтись по своим мастерским – к вашим печам, верстакам и наковальням. Это вам больше пристало, чем сидеть в судейских креслах. С этого дня я буду судить преступников сам, своим судом!.. Господин Гильом, вы знаете, что надо делать… *(Исчезает.)*

Большой Гильом. Бургомистр Мушерон! Прикажите городской страже отвести преступника Жильберта в тюрьму.

МУШЕРОН. Ваша милость, преступника нигде нет. Он скрылся!..

Занавес.

Действие четвертое

Просцениум

МЕДВЕДЬ.

Мы, звери, сошли с городского герба
Сегодня в последний раз.
На площади этой решится борьба,
Виновных и правых рассудит судьба…

УЛИТКА.

И это случится сейчас!

ЛЕВ.

Недели и месяцы быстро бегут
В лучах театральных огней.
Здесь рушатся стены в пятнадцать минут,
А в жизни их, жертвуя жизнью, берут…

УЛИТКА.

И это гораздо трудней!

ЗАЯЦ.

Вчера мы пришли из дремучих лесов,
Узнав, что в плену Караколь.
В беде мы явились на дружеский зов,
И пусть наша роль оказалась без слов…

УЛИТКА.

Но это прекрасная роль!

ЛЕВ.

Теперь мы достойное место займем
Над сводами древних ворот,
В старинном гербе, что покрыт серебром,
Наш город мы будем хранить вчетвером.

УЛИТКА.

И это высокий почет.

Картина шестая

Площадь Большого Мартина. Раннее утро. У ворот замка и у дверей дома мастера Фирена – часовые. Тетушка Мимиль и матушка Марли почти одновременно появляются в своих нишах.

МАТУШКА МАРЛИ. Смотрите-ка, соседка, а старуха Тафаро все-таки готовится к празднику – и коврик разостлала, и цветов припасла. Бабушка Тафаро! Что это вы нынче праздновать собрались? Майский день или, чего доброго, свадьбу?

БАБУШКА ТАФАРО. Может, и то, может, и другое.

МАТУШКА МАРЛИ. Да что вы, бабушка Тафаро! Неужто вам не жаль Вероники? Плакать надо, а не праздновать.

БАБУШКА ТАФАРО. Раньше времени плакать-то не стоит.

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. Где там раньше времени! Ей, бедняжке, всего три часа на воле жить осталось. Да и то – какая это воля! Ведь она и сейчас под замком, наша Вероника, хоть еще из дома родного не выходила.

На пороге пекарни появляется дядюшка Нинош.

МАТУШКА МАРЛИ. Добрый день, дядюшка Нинош!

НИНОШ. Нечего сказать – добрый! Я и не помню дня хуже этого. Мне и тесто месить неохота, и миндаль толочь невмоготу… Все из рук валится. Куда ни погляжу, только его и вижу…

БАБУШКА ТАФАРО. Это кого же?

НИНОШ. Да все его, этого… сыча из замка. Вот и сейчас – во сне или наяву, а чудится мне, будто там, из-за угла, носилки его показались…

Из-за угла появляются наглухо закрытые носилки, окруженные латниками. Впереди – маленький барабанщик. Сбоку, как всегда, – высокий человек в темном плаще. Капюшон надвинут на глаза.

МАТУШКА МАРЛИ. Какое там – чудится! Он самый! К дому мастера Фирена идут… Тетушка Мимиль. За Вероникой…

По мере приближения носилок разговор становится все тише.

МАТУШКА МАРЛИ. Что же он теперь с ней сделает – к венцу поведет или в тюрьму посадит?

НИНОШ. Одно другого стоит.

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. У ворот остановились…

НИНОШ. Лучше и не глядеть! *(Уходит к себе.)*

МАТУШКА МАРЛИ. Да и на глаза им лучше не попадаться!.. *(Тоже прячется.)*

Носилки скрываются в доме Фирена.

ТЕТУШКА МИМИЛЬ. Голубка Вероника, что-то с ней будет! Ох! Смотрите! Уже назад идут!. *(Всплеснув руками, бросается к одному окошку, потом к другому и стучит в ставни.)* Дядюшка Нинош! Матушка Марли! Уносят!.. Бабушка Тафаро! Да что же это?

Носилки двинулись от дома Фирена. В это время из ворот замка появляются другие носилки. Они также окружены латниками. Возле них тоже человек в черном плаще. Лицо его открыто, и все видят, что это Большой Гильом. Происходит мгновенное замешательство. Потом Гильом кричит: «Стойте!» – и с несколькими латниками бросается наперерез первым носилкам.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Остановите этих людей! Это обманщики! Задержите их носилки!

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Попробуйте только! Там его светлость! Герцог!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Вы лжете! Его светлость в этих носилках!

ЛАТНИКИ ГИЛЬОМА. Ни с места!

ЛАТНИКИ ДРУГОГО ОТРЯДА. С дороги!

Происходит короткая схватка. Латники Гильома пытаются задержать первые носилки, но в это время из-за занавесей показывается рука, которая останавливает их знакомым повелительным жестом.

ЛАТНИКИ. Герцог!

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Теперь видели? Прочь!

Даже Большой Гильом на мгновение теряется. Тогда из своих носилок выскакивает сам наместник.

НАМЕСТНИК. Что вы смотрите? Хватайте этого человека!

Законный правитель города я!

Из первых носилок навстречу ему кидается другой горбун, в таком же плаще и в такой же шляпе. Это Караколь.

КАРАКОЛЬ. Лжешь! Не по закону, а силой захватил ты наш город. А на всякую силу есть сила!

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Ко мне, горожане! Сюда! Гоните чужеземцев! Я – Мартин-оружейник!

КАРАКОЛЬ *(открывая лицо).* А я – Караколь!
Герцог бросается на него с кинжалом. Но Караколь предупреждает его удар, и наместник падает мертвым.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ваша светлость! Герцог! Он убил герцога… Ну, не уйдешь ты от меня!.. *(Замахивается своим волшебным мечом.)*

ВЕРОНИКА *(откидывая занавес носилок и соскакивая на землю).* Берегись, Караколь!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(со всего размаха опускает меч на плечи Караколя).* Вот я тебя выпрямлю!..
Караколь падает.

НИНОШ. Он ударил Караколя своим волшебным мечом!

ВЕРОНИКА. Он убил Караколя!..

МАРТИН. Друзья! Горожане! Караколь убит! Наш Караколь! Рубите чужеземцев! Пусть они запомнят этот день! Оружейники, ко мне!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Латники, ко мне!

К Маленькому Мартину со всех сторон сбегаются горожане, вооруженные чем попало. Большого Гильома окружают латники. Вероника и женщины переносят тело Караколя к подножию статуи Большого Мартина и оттуда в слезах и тревоге следят за всеми перипетиями боя.

МАРТИН. Смелей, горожане! Умирать, так умирать с честью!

ГРАНИЛЬЩИК. Вот вам, грабители, объедалы, опивалы!

ОРУЖЕЙНИК. Прочь с нашей земли, воры медноголовые!

НИНОШ. За Большого Мартина! За Караколя!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Окружайте этих башмачников! Не выпускайте живыми! А-а, побежали!..

Горожанам приходится все труднее. Одетые в железо латники теснят их.

МАРТИН. Остановитесь! Нам некуда отступать…

Издалека слышны пастушеский рожок и песня, которая словно плывет к городу.

ВЕРОНИКА. Мартин! Горожане! Слушайте! Лес идет к нам на помощь!

Песня звучит все ближе, громче, все грознее и веселей.

В горах снега лежат зимой,
Весной бегут с вершин.
Мы из лесов идем домой,
К тебе, Большой Мартин!

МАРТИН. Лес идет к нам на помощь! Держитесь, мастера!

ГОРОЖАНЕ. Помощь, помощь идет! Держитесь!

А песня уже заливает улицы.

Мы навсегда вернулись вновь
К старинным очагам.
Родному городу – любовь
И смерть – его врагам!

Из боковых улиц и переулков на площадь выбегают люди, вооруженные мечами, копьями, самострелами. На шляпах у них, за поясами и перевязами – зеленые ветки. Впереди – Фирен Младший и Тимолле Меньшой.

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Мы дома, братья! Гоните чужеземцев!

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Гоните их! Бейте! Нас много – не пересчитать! Мы заняли всю дорогу – от леса до городских ворот.

МАРТИН. Вовремя подоспели, друзья!.. Вперед, внуки и правнуки Большого Мартина! За мной! Да здравствует Город Мастеров!

В рядах чужеземцев смятение. Латники в растерянности отступают к замку.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Ни шагу назад! Стыдно солдатам бояться кузнецов и пирожников! Смотрите, у меня в руках мой славный меч «Гайан», мой волшебный меч. Мы непобедимы!

МАРТИН. Оружейника мечом не испугаешь. А ну, держись, господин Гильом.

Мартин бросается на Большого Гильома, но Гильом выбивает оружие у него из рук и заносит над самой головой Мартина свой волшебный меч.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. А вот тебе и последний удар!

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ *(неожиданно вынырнув из толпы, с размаху ударяет Гильома по руке толстой палкой).* А вот тебе – мой первый!

Гильом роняет меч. Мартин подхватывает его.

ЛАТНИКИ. Меч! Волшебный меч! Мальчишка выбил меч из рук Гильома!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. В замок! За мной! Им не прорваться туда… Запирайте ворота!

Гильом и латники бегут к замку. Горожане преследуют их. На площади возле тела Караколя остаются Вероника и бабушка Тафаро. Они прислушиваются к шуму боя. Из замка доносятся шум голосов, звон оружия, тяжелые удары и треск дверей.

ВЕРОНИКА. Слышишь, бабушка? Наши уже ломают двери замка. А Караколь этого не знает. Нет у нас больше Караколя.

БАБУШКА ТАФАРО. Он еще тут, милая. Он возле тебя.

ВЕРОНИКА. Мертвый, бабушка Тафаро! *(Плачет.)* А ты еще говорила, что он расправит крылья, будет красив, будет счастлив…

БАБУШКА ТАФАРО. А разве он не расправил крылья? Вон какого коршуна подбил!

ВЕРОНИКА. Уж очень дорого заплатил он за это – своей жизнью. Да и моей тоже.

БАБУШКА ТАФАРО. Кто хочет дешево платить, тот хорошего не купит. Можно и целую жизнь прожить, а жизни не увидеть. *(Наклоняется над Караколем.)* Сынок, а сынок, знаешь ли ты, какие у нас новости? Горбатого могила взяла, лес на городскую площадь пришел, маленький из рук большого меч выбил. Все, как я говорила. Слышишь, Караколь? А?

ВЕРОНИКА. Разве мертвые слышат, бабушка?

БАБУШКА ТАФАРО. Иной раз смерть на сон похожа, а сон – на смерть.

ВЕРОНИКА. Ты думаешь, он не умер, бабушка? Отвечай же! Ты думаешь, он не умер?

БАБУШКА ТАФАРО. Если проснется – значит, не умер. А заглядится на свои сны, так и не вернется к нам. Меч-то ведь волшебный, говорят.

Из ворот дома выбегают Лориана и Маргарита.

МАРГАРИТА. Вероника! Уйдем скорей отсюда! Бой еще не кончен!

ЛОРИАНА. Надо унести Караколя. Не лежать же ему здесь, на площади…

ВЕРОНИКА. Нет, пусть он останется здесь, пока не решилась судьба нашего города. Разве может Караколь, даже мертвый, быть в четырех стенах, когда все на улице!

Грохот в замке еще сильней.

БАБУШКА ТАФАРО. От такого веселого стука и мертвый проснется. Долго мы ждали этого дня!

ВЕРОНИКА. Если бы не горе – было бы счастье!

ЛОРИАНА. Слушайте! В замке что-то тихо стало.

БАБУШКА ТАФАРО. А ведь верно.

МАРГАРИТА. Смотрите! Большой Гильом идет!

ЛОРИАНА. Нет, это наши ведут Большого Гильома!

Из ворот замка выходят толпой горожане, усталые, разгоряченные боем, счастливые. На площади собирается толпа.

МАРТИН. Горожане! Мастера и подмастерья! Мы свободны! В замке наши, и замок Наш! Вот его вчерашние хозяева – один валяется на площади рядом со своими раззолоченными носилками, другого мы привели сюда, на ваш суд. Все до единого чужеземцы сдались. Наемники бросают оружие, когда перестают бояться хозяйских угроз и не ждут платы.

ГОЛОСА.
– Да здравствует Вольный Город Мастеров!
– Конец чужеземцам!
– Смерть предателям!

МАРТИН. Унесите отсюда того, кто еще сегодня называл себя правителем нашего города. А его верного слугу Гильома подведите поближе.

Тело наместника уносят. Гильома подводят к статуе Большого Мартина.

ПИРОЖНИК НИНОШ. А Мушероны где? Неужто убежали?

ГОЛОСА ИЗ ТОЛПЫ. Тут они, тут! Хотели улизнуть, да не удалось. У городских ворот поймали.

Мушеронов выталкивают вперед.

ГОЛОСА. А, попались, изменники! Что, небось стыдно, Мушерон? Смотрите, цепь-то еще на нем! Цепь бургомистра!

МУШЕРОН. Горожане! Мастера и подмастерья! Выслушайте меня! Вот вам цепь Большого Мартина! Наконец-то я дождался того счастливого дня, когда могу отдать ее законному бургомистру, вашему достойному избраннику! Возьмите ее. *(Передает цепь Мартину.)* Тяжелым бременем лежала она на моих старых плечах. Я нес ее вам, когда эти добрые люди остановили меня.

ГОЛОСА. А как же ты очутился у городских ворот? Неужто ты забыл дорогу на площадь Большого Мартина?

МУШЕРОН… Радость, как и горе, может помутить рассудок. Я и сам не знал, куда иду.

МАРТИН. А ты куда шел, Мушерон Младший?

КЛИК-КЛЯК. Я – за отцом.

МАРТИН. А отец куда?

КЛИК-КЛЯК. Он сказал: все равно куда, лишь бы подальше от вас.

МАРТИН. Значит, он хотел бежать из города с цепью Большого Мартина?

КЛИК-КЛЯК. Ну, конечно, хотел. Ведь вы ему, чего доброго, голову свернете. А заодно и мне.

В толпе опять смех.

МАРТИН. Пожалуй, что и так. Ты стал догадлив, Мушерон Младший.

МУШЕРОН. Не слушайте этого дурака, мастер Мартин!

МАРТИН. Нет, видно, он не так глуп, как мы думали до сих пор!

КЛИК-КЛЯК. Вот и его светлость господин наместник говорил то же самое.

Смех.

МУШЕРОН. Вы сами видите, мастер Мартин, судьба наказала меня, наградив таким сыном. И когда только я от него избавлюсь!

КЛИК-КЛЯК. Нет, когда я наконец избавлюсь от такого отца! Ему бургомистром быть захотелось, а я отвечай! Мартин. Скоро вы оба избавитесь друг от друга. Лису выдал хвост, осла – угли.

ГОЛОСА. Да что с ними разговаривать! Удавить их! Сбросить с крыши замка! Утопить в колодце!

МАРТИН. Все в свое время. Завтра в ратуше соберется суд старшин и будет судить предателей. А пока уведите их и заприте в подземелье замка.

Оружейники ведут Мушеронов.

КЛИК-КЛЯК. Мастер Мартин, я не хочу сидеть вместе с отцом! Посадите меня отдельно! Он только что показал мне кулак! Вы не видели!

Все смеются. Мушеронов уводят.

МАРТИН. Ну а вы, господин Гильом, тоже хотите сидеть отдельно или проведете последнюю ночь вместе с вашими приятелями Мушеронами?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я хочу, чтобы меня казнили сейчас.

ГОЛОСА. Ишь, как торопится!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Я солдат, а солдат умирает без разговоров.

МАРТИН. Что вы скажете, старшины и мастера?

ПИРОЖНИК Нинош. Отчего же? Можно и сейчас, если уж так ему не терпится.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Перед смертью я прошу только об одном.

МАРТИН. О чем же?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Пусть меня убьют моим мечом, а не чужим, и пусть этот меч вложат в мои руки прежде, чем они окоченеют.

ТИМОЛЛЕ Меньшой. Да как же это можно? Отдать ему волшебный меч?! Пусть он теперь нам послужит.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Сегодня мой «Гайан» потерял свою силу. Его выбил из моих рук ребенок. Вы сами это видели.

ТИМОЛЛЕ Меньшой. Тот, кто выбил у тебя из рук меч, перестал быть ребенком!

ГОЛОСА. Верно, верно, маленький Тимолле! Да здравствует мастер Тимолле Меньшой!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Дослушайте меня до конца. Пускай мой меч изменил мне, я не изменю ему. Он перестал быть грозным, непобедимым «Гайаном». Он больше никому не принесет удачи, но в моих руках он будет памятью прежних побед…

МАРТИН. Согласны ли вы выполнить его просьбу, горожане?

СТАРЫЙ ГРАНИЛЬЩИК. Всякому мастеру свой инструмент дорог. Кому резец, кому молоток, а ему – меч…

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Он был мне дороже жизни!

ВЕРОНИКА. Горожане! Мастера! Позвольте и мне сказать слово!

ГОЛОСА. Послушаем дочь мастера Фирена!
– Пусть говорит!

ВЕРОНИКА. Горожане! Мастера! Этим мечом убит Караколь! Его кровь еще не засохла на клинке. Неужели мы смешаем кровь нашего Караколя с волчьей кровью Гильома?!

ГОЛОСА. Верно! Она хорошо говорит! Слушайте ее!

ВЕРОНИКА. Караколь купил этот меч своей жизнью. Это наш меч. Если мертвые руки должны держать его рукоятку, то это

руки Караколя.

ГОЛОСА. Правда! Это наш меч! Не отдадим меча! Пусть он без него ложится в могилу!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Горожане! Я у вас в плену! Мой конец близок, исполните же мою предсмертную просьбу.

ВЕРОНИКА. Ты и смерть хочешь обмануть, Гильом? Что написано на твоем волшебном мече?

Гильом молчит. Пусть он ответит мне!

МАРТИН. Отвечай!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Там написано: «Прямого – сгибаю. Согнутого – выпрямляю».

ВЕРОНИКА. Это все?

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. Все.

ВЕРОНИКА. Плохо же ты знаешь надпись на своем мече! Дочитай ее до конца, а не то я за тебя дочитаю.

Мартин вытаскивает меч из ножен и протягивает Гильому.

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ. «Павшего – подымаю».

ВЕРОНИКА. Вложите этот меч в руки Караколя!

БАБУШКА ТАФАРО. Скорее, пока руки его не окоченели.

Фирен Младший и Тимолле Меньшой поднимаются на ступеньки, где лежит Караколь. Фирен наклоняется и вкладывает ему в руки меч. На площади становится совсем тихо. Караколь приподнимается и садится, прислонившись к щиту Большого Мартина.

ГОЛОСА.
– Караколь!
– Смотрите, Караколь очнулся!
– Он жив!

МАРТИН. Тише, горожане!

КАРАКОЛЬ. Что это? Столько народу на площади! Разве нынче праздник?

ГОЛОСА.
– Праздник, Караколь!
– Майский день!

КАРАКОЛЬ. А ведь верно! Я совсем забыл… Как же это я заснул на площади, под ногами у Большого Мартина?

ФИРЕН МЛАДШИЙ. Видно, ты нынче сильно устал, Караколь.

КАРАКОЛЬ. Да. У меня и сейчас еще в глазах мутится и в углах звенит. Фирен! Ты здесь! И маленький Тимолле! Да когда же вы пришли? А я-то думал, что мне это приснилось… Мартин. Сегодня все наши сны сбылись, Караколь! Смотри, ворота замка открыты. Мы свободны!

КАРАКОЛЬ. А где наместник?

ВЕРОНИКА. Разве ты не помнишь, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Помнить-то помню, да не знаю, что было во сне, а что наяву. Что это за меч у меня в руках?

ВЕРОНИКА. Это волшебный меч Гильома.

КАРАКОЛЬ. А где же сам Гильом?

Тимолле Меньшой. Он у нас в плену!

КАРАКОЛЬ. В плену? Так что же вы его не стережете? Вон он бежит, ваш Гильом! За угол заворачивает.

ГОЛОСА.
– Бегите за ним!
– Ловите его!
– Закрывайте все двери! Ворота!

Несколько человек гонятся за Гильомом и приводят его назад – к статуе Большого Мартина.

МАРТИН *(Гильому)*. Не удалось обмануть – так наутек пустился?

ФИРЕН СТАРШИЙ. Где же твоя солдатская честь, Гильом Готшальк? «Солдат умирает без разговоров»…

ГОЛОСА.
– Какой он солдат? Он вор! Палач!
– Снесите ему голову не мечом, а дубиной! Топором!..
– Пусть умирает без разговоров!

БОЛЬШОЙ ГИЛЬОМ *(падая на колени)*. Пощадите меня! Моя жизнь может вам еще пригодиться!

МАРТИН. Твоя смерть нам нужнее. Отведите его к Мушеронам. Да не спускайте с него глаз, покуда он жив.

Гильома уводят.

Недаром этот волк столько лет служил своему хозяину – научился у него змеиным увертками. Если бы не Вероника, он бы, чего доброго, остался живым, а Караколь – мертвым.

ГОЛОСА. Да здравствует Вероника!

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. А если бы не Караколь, ему, пожалуй, удалось бы убежать от нас!

ГОЛОСА. Да здравствует Караколь!

КАРАКОЛЬ *(поднимаясь на ноги)*. Да здравствует Вольный Город Мастеров!

ГОЛОСА.
– Смотрите! Смотрите!
– Это не он!
– Это не Караколь!

КАРАКОЛЬ. А кто же? Вы что, не узнаете меня?

ПИРОЖНИК НИНОШ. Караколь, а где же твой горб?

КАРАКОЛЬ. До сих пор был при мне… А сейчас…

ЛОРИАНА. А сейчас его нет, как не бывало! Посмотри, Вероника, какой он стал красивый, наш Караколь!

МАРГАРИТА. Прямой, статный! Как он переменился!

ВЕРОНИКА. Разве? А по-моему, он всегда был такой.

БАБУШКА ТАФАРО. Правда, Вероника! Он всегда был такой, да не все это видели. Ну что, Караколь? Все вышло по-моему! И горба у тебя нет, и красив ты, и счастлив, и женишься на первой красавице в городе.

КАРАКОЛЬ. А пойдет ли она за меня, первая красавица?

БАБУШКА ТАФАРО. Уж если я говорю, что пойдет, так пойдет. Тут и гадать нечего. Правда, Вероника?

ВЕРОНИКА. Не знаю, пойдет ли за него первая красавица, а я бы пошла.

БАБУШКА ТАФАРО. Ну, теперь за вами слово, мастер Фирен.

ФИРЕН Старший. Караколь заменял мне сына в печальные дни, когда мой сын был в изгнании. Я рад назвать его сыном в счастливый день. Фирен Младший. А я уже давно считаю его своим братом.

МАРТИН. Пусть же день нашего освобождения будет днем свадьбы Караколя и Вероники!

ГОЛОСА.
– Да здравствует Вольный Город Мастеров!
– Да здравствуют Караколь и Вероника!

ПИРОЖНИК НИНОШ. Такого Майского дня у нас еще никогда не было. Верно, мастер Фирен? Верно, дедушка Тимолле?

МАСТЕР ТИМОЛЛЕ. Верно, мастер Нинош. Сколько лет живу на свете, а еще ни разу не бывало, чтобы три праздника пришлось на один день!

МАРТИН. Ну что ж! Если так, мы сумеем как следует отпраздновать все три праздника разом. Жаль только, что мы не запаслись в этом году Майским деревом. Не до того было.

ТИМОЛЛЕ МЕНЬШОЙ. Как – не запаслись? Мы принесли его с собой из леса. Такого дерева у нас еще никогда не было, оно все в цвету. Мы шли с ним домой, как со знаменем.

Мартин. Где же оно? Давайте его сюда! Гранильщики! Башмачники! Ткачи! Златошвеи! Оружейники! Стекольщики! Пирожники! Несите подарки моему старому каменному деду – нынче его день! А вы, мастер Фирен, наденьте опять золотую цепь бургомистра, цепь Большого Мартина. Она принадлежит вам по праву.

ГОЛОСА. Привет бургомистру Вольного Города Мастеров!

На площади устанавливают кудрявую цветущую яблоню. Со всех сторон несут цеховые знамена и эмблемы цехов: меч в рост человека, граненый хрустальный фонарь на высоком шесте – эмблему гранильщиков, огромный башмак, пирог величиной с ладью, цветные ковры, кружевные шали. Площадь становится пестрой и веселой, как во время карнавала.

ФИРЕН СТАРШИЙ. Мастера и подмастерья! Три дня тому назад запретили зажигать фонари перед этим замком и плясать под музыку на этой площади.

ПИРОЖНИК НИНОШ. Тот, кто это запретил, лежит в могиле…

ФИРЕН Старший. Это судьба всякого, кто захочет отнять у нас свободу и честь. Берегите их, друзья! Дороже их ничего нет на свете. А теперь зажигайте фонари, факелы, светильники и плошки. Все, что может гореть и светить, пусть горит и светит! Пускай наши скрипачи, трубачи и барабанщики не жалеют сегодня ни своих рук, ни щек, ни струн…

МАРТИН. А Караколь пусть споет сам. Ты споешь, Караколь? Хоть и говорят, что покойники на своих похоронах не плачут, а плясуны на своей свадьбе не пляшут, но без твоей песни нам и праздник не праздник.

КАРАКОЛЬ. Я бы спел, да боюсь – не разучился ли…

ВЕРОНИКА. Разве может Караколь разучиться петь? Ты пел тогда, когда весь город молчал, неужели же ты будешь молчать, когда весь город поет?

ГОЛОСА.

– Спой, Караколь! Большой Мартин тебя слушает!

– Майское дерево без тебя не цветет!

КАРАКОЛЬ. Что ж, попробую! Спою о вас, о себе и о своем вчерашнем горбе. Слушайте!

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай,
Но самый радостный в году —
Прекрасный месяц май.
В прекрасном мае много дней —
Их тридцать и один.
Но лучший день из майских дней
Твой день, Большой Мартин.
Пускай наш город до утра
Поет и веселится.
Трубите в трубы, мастера,
Пляшите, мастерицы!
Одна счастливая судьба
У вас и Караколя —
И он избавлен от горба,
И вы, друзья, на воле.
Когда-то двое горбунов
На этом свете жили.
Один, как видите, здоров,
Другой горбун – в могиле.
Пряма, как трость, моя спина,
Ее ничто не давит.
Зато другого горбуна
Могила не исправит.
Он, как полено, глух и нем,
Не страшен добрым людям,
И мы теперь ни перед кем
Сгибать спины не будем.
Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай,
Но самый радостный в году —
Веселый месяц май!..

Музыка становится все тише и тише. Занавес медленно опускается. Перед занавесом появляется улитка.

УЛИТКА.

Когда это было, в какой стороне,
Об этом сказать мудрено:
И цифры и буквы у нас на стене
От времени стерлись давно.
Но были улитки во все времена,
Медведи, и зайцы, и львы.
А может быть, были и два горбуна,
Которых увидели вы.

Занавес.

Вопросы и задания

1. Почему в подзаголовке пьеса названа «Сказкой о двух горбунах»?

2. За что борются жители Города Мастеров?

3. Откуда зритель узнает о чертах характера Караколя?

4. Почему Вероника говорит, что она не замечает горба Караколя?

5. Почему Вероника готова выйти замуж за бедного горбуна Жильберта, но отказывается стать женой герцога де Маликорна?

6. Какую роль играют в пьесе «сошедшие с герба» звери?

7. Зачем в пьесу вводится образ гадалки – бабушки Тафаро?

8. Что означает прозвище Мушерона Младшего (Клик-Кляк)?

9. Назови эпизоды пьесы, построенные на явной фантастике.

10. Подготовься к выразительному чтению пьесы по ролям.

11. Напиши пьесу на основе любимой детской песенки.

В мастерской художника слова
Что такое сценарий?

Надеюсь, тебе понравилась пьеса-сказка Т. Г. Габбе? И ты конечно же заметил, что драматическое произведение по своей форме отличается от произведений других родов: текст пьесы в основном состоит из **реплик** – слов персонажей, которые произносят монологи, вступают в разговор друг с другом, обращаются к зрителям. И лишь незначительная часть текста занята описанием места действия и поведения персонажей.

Тебе понятно, почему пьеса строится именно так: она ведь должна превратиться в спектакль, получить сценическое воплощение.

Но представь себе, что тебе захотелось поставить на сцене не пьесу, специально написанную для театра, а сказку, предназначенную для чтения. Возможно ли это? Конечно же возможно! Но для этого сначала нужно переделать саму сказку, точнее, на ее основе создать **сценарий,** то есть текст, предназначенный для сценического воплощения. Как это сделать?

Прежде всего следует выбрать из текста литературного произведения всю прямую речь персонажей и записать ее в виде реплик. При этом где-то придется перевести косвенную речь в прямую. Это не всегда просто. Нужно очень внимательно «прислушаться» к голосу персонажа, отметить его речевые особенности. Затем нужно разбить действие на **сцены,** учитывая, что сцена может происходить только в одном месте. Конечно же каждую сцену надо снабдить **ремарками:** указать, где происходит действие, какие на сцене должны быть **декорации,** отметить появление и уход со сцены того или иного персонажа.

К сожалению, не все произведения возможно перенести на сцену театра. Попробуй-ка представить на ней сражение двух огромных армий или бурю на море! Даже художественная условность не всегда способна преодолеть ограниченность театральных возможностей.

Но кроме театра существует еще и кино. Его возможности практически безграничны. Можно, например, сделать мультфильм по любому литературному произведению. Но для этого тоже необходим сценарий. Он, разумеется, будет отличаться от театрального. Отличия эти будут касаться в первую очередь того, что в театральном сценарии называется ремарками. В **киносценарии** реплики персонажей даны так же, как и в драме, а вот описания места действия и поведения действующих лиц

будут иными.

Дело в том, что в театральном сценарии описывается сцена, а в киносценарии нужно описать то, что будет находиться в **кадре.** Кино ведь снимается с помощью кинокамеры, которая и «следит» за тем, что потом окажется на экране. Поэтому в киносценарии очень важны указания о том, что будет находиться на переднем плане, а что на заднем. Кино может представить персонаж **крупным планом:** тогда на экране не будет видно ничего, кроме лица персонажа. Но оно может дать **панораму:** изображение поля битвы или бунтующего моря. В киносценарии следует указать краски (кино ведь обладает цветом) и звуки (стук упавшего в соседней комнате стула, звук музыки).

Киносценарий предоставляет еще одну интересную возможность. С его помощью можно перенести в кино рассуждения самого автора. Ты, наверное, уже обращал внимание, что в некоторых фильмах слышится голос, хотя на экране нет персонажа, произносящего эти слова. В сценарии можно предусмотреть **«закадровый» голос автора.**

Вот видишь, какая сложная штука киносценарий! Не думай, пожалуйста, что я раскрыл тебе все секреты этого жанра. Кино – особый вид искусства, и у него много своих тайн, которыми надо заниматься не менее серьезно, чем тайнами словесного творчества.

Читательская лаборатория
Как научиться характеризовать персонаж художественного произведения?

Скоро закончится учебный год. Ты многому научился за это время. Ты теперь умеешь читать произведения художественной литературы, а главное, – любишь их читать. Ты уже понимаешь, что любое произведение литературы – удивительный и прекрасный мир образов, красок, звуков. А в центре этого мира всегда стоит человек. Поэтому особое место в произведении всегда занимают персонажи – действующие лица литературного произведения.

Образ персонажа автор создает при помощи особых приемов. Если ты научишься видеть их в тексте, то сможешь сложить о герое полное и яркое впечатление, научишься понимать его мысли и чувства.

Наше знакомство с героем, как правило, начинается с **его имени.** Поэтому очень часто имя несет в себе художественную информацию. Желая подчеркнуть особенности внешности, автор может дать персонажу очень необычное имя или даже прозвище: Лягушонок, Караколь. Порой внешнее уродство героев только с особой силой выявляет внутренние качества характера: смелость, мужество, решительность, умение постоять за себя. Обрати внимание, что отрицательный персонаж чаще всего полностью (и внешне, и внутренне) соответствует своему имени, например, Мушерон Младший, имеющий прозвище Клик-Кляк.

Имена могут многое рассказать читателю о качествах характера персонажа. Вспомни, как характеризуют персонажей произведения Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» их фамилии. Фамилия Жилин «говорящая». Любовь к жизни, смелость, отвагу, терпение, осмотрительность – «жилистость» характера главного героя произведения отражает его фамилия. И наоборот. Фамилия Костылин говорит читателю о том, что перед нами персонаж слабохарактерный, избалованный, эгоистичный, привыкший к опеке – к костылям. Имена персонажей в данном случае не только характеризуют их носителей, но и указывают на их противоположность.

Изображение внешности – портрет – также очень важно для характеристики персонажа. Откроем новеллу Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» и в третьей главе прочитаем портрет одного из персонажей – старика-татарина: «Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, бородка и

усы подстрижены – белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идет, бывало, в чалме своей, костылем подпирается, как волк, озирается». *Какая основная черта характера героя раскрывается автором в этом описании внешности? Какие художественные сравнения, используемые Л. Н. Толстым в портрете, усиливают эту черту характера?* Представление о жестокости характера персонажа усиливается запоминающимися сравнениями: «как у ястреба», «как волк». Использование слов «озирается», «два клыка» подчеркивает нечто звериное в облике старика.

Наше знакомство с этим персонажем продолжит в новелле **история его жизни.** Эта история объяснит чувство ненависти старика-татарина к русским, и читатель изменит свое отношение к герою: он не проникнется симпатией, но у него появится сочувствие. И откроется читателю взгляд Л. Н. Толстого на войну: война – источник жестокости и злобы, она разъединяет людей, делая их врагами до конца жизни. Наиболее ярко герой проявляет себя **в поступках.**

Сравнивая двух героев, Жилина и Костылина, Л. Н. Толстой в новелле «Кавказский пленник» рассказывает об их совместном побеге. Как ведет себя Костылин в этом эпизоде?

«– Тише, – говорит, – иди: сапоги проклятые все ноги стерли».

«– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все».

«Костылин так и упал со страху».

«– Не могу, ей-богу, не могу; сил моих нет».

А как ведет себя Жилин?

«Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок».

«Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтобы повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге».

«– Нет, не пойду, не годится товарища бросать».

Поступки героя: его поведение в трудную минуту, отношение к товарищу – говорят о силе и стойкости Жилина, его мужестве и терпении. И, наоборот, о физической слабости и слабости духа, трусости говорят поступки Костылина.

Достаточно полную характеристику можно составить о действующем лице произведения на основе наблюдений за особенностями **его речи.**

Перечитай басню И. А. Крылова «Волк и Ягненок». *Как раскрывается характер Волка в его речи:*

Кричит:

«Как смеешь, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву».

Многое об особенностях характера персонажа может рассказать **окружающий его мир: дом, в котором живет герой, обстановка комнаты, предметы, принадлежащие персонажу.**

В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина царевна решает остаться в доме у богатырей, потому что здесь «люди добрые живут». *Почему она сделала такой вывод?* Ответ в следующем фрагменте текста:

И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут…

Детали обстановки дома: иконы («под святыми стол дубовый»), чистота и порядок в доме – говорят о доброте хозяев.

Создавая героя, автор не может не высказать к нему своего отношения. Есть произведения, в которых **авторская характеристика** выражена открыто, и она помогает читателю составить свое впечатление о герое. Сравните две пушкинские характеристики из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела.
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,

Своенравна и ревнива.

Это сравнение помогает читателю увидеть восхищение автора одной героиней и насмешку над другой.

Но писатель и не всегда высказывает свое отношение к герою открыто. Иногда нам нужно очень внимательно поработать с текстом, чтобы найти «скрытую» оценку. Вспомните, как только одна деталь портрета Дины в новелле Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» создает ее привлекательный облик. «Глазенки так и блестят, как звезды…» – говорит о ней повествователь. Вместо слова «глаза» – «глазенки», сравнение со звездами, блеск в описании глаз – все это намекает на ее живой, «ясный» характер и свидетельствует о симпатии автора к девочке.

А теперь подведем итоги нашей работы. Для того чтобы научиться характеризовать персонаж художественного произведения, следует всегда ставить перед собой вопрос: о каких чертах характера говорит тебе

– имя персонажа;
– портрет персонажа;
– поступки персонажа;
– история его жизни;
– речь персонажа;
– мир, который окружает героя;
– авторская характеристика героя.

Сокровища книжных полок

Пьесы надо смотреть в театре, но, к великому сожалению, не во всех городах есть театры и не все пьесы могут быть поставлены на сцене. Поэтому человек, любящий театр, читая драматические произведения, представляет сцену, декорации, актеров… А если пьеса нравится ему, он чувствует близость ее героев, то собирает своих друзей и ставит полюбившееся произведение на сцене школьного театра.

Раз уж ты начал знакомиться с таким драматическим жанром, как пьеса-сказка, я хочу назвать тебе еще несколько произведений, знакомство с которыми, надеюсь, доставит удовольствие и обогатит твой духовный мир.

Признанным мастером этого жанра был итальянский драматург XVIII века Карло Гоцци – автор таких известных сказок, как «Принцесса Турандот», «Король-Олень», «Любовь к трем апельсинам». В сказке «Король-Олень» происходят удивительные превращения людей в животных, добрый волшебник вмешивается в дела людей, но самое удивительное и волшебное – это нежная любовь короля Дерамо и прекрасной Анжелы. Непрост и образ злодея Тартальи, осознающего собственную низость, но неспособного справиться с завистью и стремлением к власти. Это добрая, веселая и мудрая сказка.

У пьес К. Гоцци есть одна очень интересная особенность. Они писались для «театра масок», в котором актеры, игравшие роли слуг (Бригелла, Труффальдино, Смеральдина), не заучивали реплики, а импровизировали прямо на сцене, часто обмениваясь репликами, в которых отражались злободневные проблемы. Хорошо знакомый тебе сказочник Х. К. Андерсен написал несколько пьес, с успехом шедших на сценах разных стран мира. Познакомься с его пьесой «Бузинная матушка», и, я думаю, ты поймешь, почему ее так часто ставят в детских театрах.

По мотивам словацкой народной сказки поэт С. Я. Маршак написал пьесу-сказку «Двенадцать месяцев». Хотя действие происходит в сказочном королевстве, где действуют министры и волшебники, но заботы двух девочек, главных героинь сказки, мало отличаются от забот современных школьниц. Да и в характерах их нетрудно различить черты обычных детей. С. Я. Мар итак показывает явное превосходство бедной девочки-сироты над королевой, но главное различие между ними не в том, что одна живет во дворце, а другая – в хижине. Они отличаются человеческими качествами, поэтому в пьесе не крестьянка побеждает королеву, а трудолюбие – лень, доброта – капризность.

В образах двенадцати месяцев драматург сумел воплотить как характерные черты отдельных времен года, так и облик природы, законы которой должен уважать любой человек.

А вот в сказке Е. Шварца «Тень» королева должна думать не только о себе, но и о своем королевстве. Решая собственную судьбу, выбирая себе жениха, она одновременно выбирает форму государственного устройства и способ взаимоотношений со своими подданными. А те, в свою очередь, собственной трусостью и жадностью способствуют превращению страны в государство, где по-настоящему властвует только страх.

Остроумная сказка С. В. Михалкова «Смех и слезы» опирается на сюжет пьесы К. Гоцци «Любовь к трем апельсинам». Я уже говорил тебе о том, что драматургия итальянского автора была рассчитана на импровизацию. Можно сказать, что, импровизируя на тему Гоцци, С. В. Михалков ушел так далеко, привлек так много других сказочных элементов, так весело посмеялся над привычными приемами сказки и так соединил традиционные мотивы с нашей современной жизнью, что, только внимательно приглядевшись, можно увидеть литературный источник его сказки. Очень советую тебе познакомиться с этой остроумной пьесой.

Но в жизни радость и горе часто соседствуют друг с другом. Так, у С. В. Михалкова наряду с веселыми пьесами-сказками есть драма «Я хочу домой!». В ней отразилась боль и тревога за жизни и судьбы детей, угнанных фашистами в Германию во время Великой Отечественной войны. Ничто не может заставить Сайту и Иру смириться со своей участью. Каждый твердо идет своим путем к достижению поставленной цели: дети, которых чужие люди в военной форме перевозят из одного приюта в другой, стремятся на Родину и убегают из приютов, что бы им потом ни грозило. Воспитательница приюта Смайда Ландмане, рискуя жизнью, передает списки угнанных детей и делает все, чтобы они вновь обрели Родину и родителей. Изображая борьбу взрослых, драматург показывает, что судьба каждого ребенка зависит от его собственной позиции, от того, насколько активно он будет бороться за свою судьбу.

Краткий словарь терминов

Аллего́рия – один из художественных приемов, иносказание, изображение какой-нибудь отвлеченной идеи в конкретном, отчетливо представляемом образе.

Анималисти́ческое произведе́ние – литературное произведение, в котором правдиво показаны повадки и характерные черты каких-либо животных и где нередко животные оказываются главными героями.

Анони́мное произведе́ние – литературное произведение, чье авторство по каким-либо причинам не установлено.

Балла́да (литерату́рная) – лиро-эпический жанр, в котором на основе сюжетного повествования об исторических событиях, личных драмах или фантастических явлениях дается лирическая эмоциональная оценка персонажей. Как правило, включает в себя пейзажный зачин, пейзажную концовку и строится на введении открытого (явного) или скрытого (монолог, обращенный к молчащему собеседнику, введение обращений) диалога, подразделяется на исторические, семейные, фантастические (страшные) и пр.

Балла́да (фолькло́рная) – лиро-эпический жанр народной поэзии, имеет сюжет и, как правило, диалог, пейзажный зачин и пейзажную концовку; в народной поэзии существовали баллады: «страшные», исторические, семейно-бытовые, любовные, трагические, разбойничьи.

Ба́сня – эпический жанр, в котором художественный мир, где живут и действуют животные и предметы, создан с помощью художественного приема аллегории, носящего нравоучительный и воспитательный характер. Басня может быть стихотворной и прозаической.

Были́на – жанр русского фольклора, эпическая песнь героического содержания, повествующая о подвигах русских богатырей и отражающая жизнь средневековой Руси.

Геро́ическое – изображение действий персонажа, требующих предельного напряжения его сил и готовности к самопожертвованию во имя поставленной цели.

Дета́ль (худо́жественная) – описание какого-то предмета или явления внешнего мира, части портрета или пейзажа с целью эмоциональной оценки не только описываемой части, но и всего целого, к которому она (часть) относится.

Де́тский фолькло́р – произведения устного народного творчества, созданные детьми или для детей (например, считалки).

Диало́г – способ повествования в литературном произведении, когда приводится прямая речь персонажей, обменивающихся репликами, содержащими оценку и сущность того, о чем повествуется.

Дра́ма – один из литературных родов, художественный мир которого предполагает сценическое воплощение в виде спектакля.

Драматурги́я – обобщенное наименование всех литературных произведений, предназначенных для сценического воплощения в театре.

Ду́ма – жанр лиро-эпической поэзии, близкий к балладе.

Жанр – сходные черты создания художественного мира в ряде произведений, определяемые особенностями художественной условности данных произведений.

Жизнеподо́бие – один из видов художественной условности, смысл которого состоит в придании характерам и обстоятельствам произведения сходства с характерами и обстоятельствами реальной действительности.

Зага́дка – фольклорный жанр, в котором предлагается поэтический вопрос для нахождения правильного ответа по содержащейся в самом вопросе информации.

За́говор – фольклорный жанр, имеющий магическое значение и призванный с помощью определенных сочетаний слов оказать определенное воздействие на материальный мир (унять боль, уберечь от порчи и т. д.).

Заклина́ние – фольклорный жанр, магическая формула, призванная воздействовать на природу или человека; обычно сопровождается ритуальными (магическими) действиями.

Закли́чки – жанр детского фольклора, наивное поэтическое обращение к силам природы.

Идеа́л – в литературе авторское представление о том, каким должен быть человек и мир, его окружающий, определяющее отношение и оценка автором изображаемых событий и персонажей, не следует путать понятия «идеал» и «идеальный герой» как персонаж, лишь приближающийся к воплощению идеала.

Иро́ния – скрытая насмешка.

Истори́ческие пе́сни – фольклорный жанр, близкий народной балладе, в котором содержится лирическое описание и оценка какого-либо исторического события или исторической личности.

Конфли́ктная ситуа́ция – создание с помощью художественных средств такого положения в художественном мире произведения, которое требует от персонажей активных действий, ставит их перед необходимостью вступить в борьбу с

противостоящими силами.

Леге́нда – фольклорный и литературный жанр, в котором представлено мифологизированное повествование о реальном важном историческом событии или о деяниях исторической личности; характерной чертой жанра является идеализация событий и героев.

Ли́рика – один из литературных родов, в котором художественный мир произведения отражает внутренние переживания лирического героя, эмоциональное восприятие действительности.

Лири́ческая оце́нка – эмоциональное восприятие описываемого, выраженное в произведении художественными средствами.

Ли́ро-э́пика – один из литературных родов, художественный мир произведений которого читатель наблюдает и оценивает со стороны (эпическое начало), но одновременно события и персонажи получают эмоциональную оценку повествователя (лирическое начало).

Литерату́ра – один из видов искусства и форма общественного сознания; словесными средствами создавая художественную реальность, она выполняет эстетическую, познавательную и воспитательную функции, вовлекая читателя в зону мощного эмоционального воздействия и заставляя его принять точку зрения автора.

Ма́гия – совокупность действий, обрядов, ритуалов и словесных формул, воздействующих на материальный мир с целью его изменения; а также установления связей между реальным и ирреальным мирами.

Мистифика́ция – художественный прием, заключающийся в том, что автор приписывает свое произведение другому, известному или вымышленному автору; часто сочетается со стилизацией.

Миф – объяснение сложных явлений природы, происхождения мира и человека с помощью художественной фантазии, восполняющей недостаточность научных знаний.

Моноло́г – развернутое высказывание одного персонажа или повествователя.

Нове́лла – литературный эпический жанр, в основе которого лежит художественное описание одного завершенного события и его авторская оценка.

Обря́довая пе́сня – жанр фольклора, песня, являющаяся частью магического ритуала и призванная способствовать магическому обряду (свадебные песни, похоронные песни, плачи и т. п.).

О́черк (литерату́рный) – эпический жанр, художественное повествование о реальных людях или событиях.

Пейза́ж – описание природы в литературном произведении; может использоваться для мотивировки действий персонажей, передавать их душевное состояние и создавать эмоциональный настрой произведений (эпизода).

Персона́ж – обобщенное обозначение любого действующего лица литературного произведения.

Плач – фольклорный жанр, художественное воплощение скорби по утраченному, может быть в стихотворной или прозаической форме, сохраняет в себе элементы магического действия.

Повествова́тель – условный образ, от лица которого ведется рассказ в произведении.

Погово́рка – образное, крылатое одночастное выражение, становящееся устойчивым оборотом речи.

Посло́вица – краткое, ритмически организованное изречение, содержащее суждение из области философии, морали и т. д.

Поэ́тика – 1) система художественных средств и приемов, используемых писателем для создания художественного мира отдельного произведения и в его творчестве в целом; 2) учение о принципах и законах создания литературного произведения («Поэтика» Аристотеля, «поэтика классицизма» и т. д.).

Причита́ния – фольклорный жанр, формулы выражения скорби при каких-либо печальных событиях (расставании, похоронах и т. п.).

Про́за – немелодический (без явно выраженной напевности) способ художественного повествования в литературе.

Пье́са – термин, обозначающий любое драматическое произведение (предназначенное для постановки на сцене театра) без указания на жанр, к которому это произведение относится.

Расска́з – термин, синонимичный термину «новелла». При использовании обоих терминов под новеллой подразумевается короткий рассказ с динамичным сюжетом и неожиданной концовкой.

Ритм – в фольклорном и литературном произведениях один из отличительных признаков поэтической речи: подчиненная художественным задачам расстановка логических ударений (акцентов) и смена интонаций повествования; различаются мелодический ритм (стихи) и немелодический (проза).

Ро́ды литерату́ры – четыре основные группы, на которые подразделяются все произведения словесного творчества по принципам восприятия читателем (слушателем) художественного

мира произведения (см. *эпос, лирика, драма, лиро-эпика)*.

Сказ – эпический жанр, опирающийся на народные предания и легенды, а также название особого повествования, имитирующего разговорную речь.

Ска́зка (литерату́рная) – эпический жанр, формирующий на основе фантастической условности мифологический художественный мир для создания необычных ситуаций, в которых вынужден действовать герой. Подразделяются на философские, дидактические (воспитательные) и сатирические.

Ска́зка (фолькло́рная) – фольклорный жанр, стремящийся на основе фантастической условности дать наиболее полное, обобщенное изображение мира, в котором живет человек.

Спекта́кль – воплощение на сцене театра в драматической игре актеров художественного содержания пьесы.

Стилиза́ция – литературный прием, состоящий в том, что автор, создавая свое произведение, подражает стилю и художественным средствам какого-либо другого известного произведения или автора.

Стихи́ – художественная речь, создающая языковыми средствами мелодичность (напевность) повествовательного ритма.

Сцена́рий – переработка литературного произведения с целью его сценического воплощения.

Те́ма – основной предмет повествования, то главное, о чем сообщается в произведении.

Трудовы́е пе́сни – фольклорный жанр; песни, сопровождающие трудовой процесс и своим ритмом и эмоциональными установками способствующие его облегчению.

Устное народное поэтическое творчество – совокупность произведений, созданных анонимными сказителями и бытующих в народной среде в устной передаче, во время которой происходит дальнейшая обработка и варьирование первоначального материала.

Фанта́стика – один из видов художественной условности: построение художественного произведения или его части на основе вымысла.

Фолькло́р – то же самое, что и устное народное поэтическое творчество, этот термин также применяется и к другим видам искусства. Художественная условность – отличительная черта любого искусства, противопоставляющая реально существующему миру мир, созданный воображением художника: может быть явной (фантастика) и скрытой, имитирующей реальную действительность (жизнеподобие).

Худо́жественный вы́мысел – описание, возникающее в

результате творчества и создающее на основе одного (или нескольких) видов условности художественный мир произведения.

Худо́жественный мир – вымышленная реальность, существующая в пределах конкретного художественного произведения по законам, заданным творческой фантазией автора.

Худо́жественные сре́дства – использование возможностей языка для создания художественных образов, построения художественного мира произведения и эмоционального воздействия на читателя.

Худо́жественный о́браз – образ, возникающий в сознании читателя (слушателя) фольклорного или литературного произведения в результате эмоционального отклика на эстетические чувства автора, запечатленные в произведении художественными средствами.

Часту́шки – жанр русского фольклора, содержательно законченная стихотворная строфа юмористического или сатирического содержания: часто создаются на основе импровизации.

Э́пос – один из литературных родов, в котором читатель воспринимает художественное произведение как бы со стороны, имея возможность составлять собственное суждение об описываемых событиях и персонажах.

Ю́мор – веселая добродушная насмешка над кем-либо или чем-либо.

notes

Примечания

1

Синкли́т – собрание уважаемых сановников, высших должностных лиц.

2

При́тчи – басни философско-назидательного характера.

З

Апофео́з – обожествление, прославление, торжественное завершение какого-либо события.

4

Ло́вчий – главный псарь, ведавший всей псовой охотой.

5

Редкая птица (лат.).

6

«Гаргантюа́ и Пантагрюэ́ль» – роман французского писателя XVI века Франсуа Рабле, в котором содержится описание множества комических сцен, нередко весьма грубоватых; «Зади́г» – философская повесть французского писателя-просветителя XVIII века Вольтера, отличается глубиной философской проблематики и тонким юмором.

7

Воспри́емник – человек, принимающий на руки ребенка из купели после христианского обряда крещения и дающий ему имя; крестный отец.

Праздника (франц.).

9

Блеск (франц.).

10

Борне́о – большой остров в Индийском океане.

11

Канделя́бр – большой подсвечник на несколько свечей.

12

Кариати́да – колонна в виде женской статуи, выступающая из стены.

13

Фут – английская мера длины, равная 30,479 см.

14

Десяти́на ме́ста – своеобразное выражение, обозначающее: «через одну десятину» (десятина – немного больше гектара; гектар – 10 000 м^2). Ниже подобное исчисление расстояния встретится еще раз: на лошадь места, то есть на расстояние в корпус лошади.

15

Подпру́га – широкий ремень, которым укрепляют седло.

16

Ау́л – татарская деревня. (Примечание Л. Н. Толстого.)

17

Нога́йцы – народ, живущий в горах Кавказа.

18

Са́кля – дом горца.

19

Распоя́ской – без пояса.

20

Бешме́т – верхняя одежда горца.

21

Храп – нижняя часть морды лошади.

22

Мони́сто – ожерелье из монет.

23

Ток – место для молотьбы и просушки зерна.

24

Колесо́ опери́л – то есть прибил к ободу колеса дощечки, на которые падала вода.

25

Мече́ть – мусульманская (восточная) церковь.

26

Чалма́ – кусок ткани, обернутый вокруг шапки или другого головного убора.

27

Шепта́лы – абрикосовые деревья.

28

Ме́кка – религиозный центр у мусульманских (восточных) народов.

29

На по́лдни – здесь: на юге.

30

Мулла́ – мусульманский священник.

31

Чина́ра – южное дерево.

32

Под лы́тки – под колени.

33

Перха́ет – кашляет.

В закуте́ – в помещении для скота.

35

Высожа́ры – название созвездия.

Рассолоде́л – ослабел, устал.

37

Тóня – одна закидка невода.

38

Дон-Кихо́т Лама́нчский – главный герой одноименного романа М. Сервантеса, великого испанского писателя, рыцарь, стремящийся восстановить справедливость на земле.

39

Тартáна – тип небольшого одномачтового парусника.

40

Балансе́ль – тип небольшого двухмачтового парусника (франц.).

41

Синдика́т – объединение нескольких предприятий одной отрасли хозяйства.

Экстравага́нтный – причудливый, необычный.

43

Финики́не – древний народ, живший на восточном побережье Средиземного моря, опытные мореходы.

Карли́стка – сторонница дона Карлоса.

45

Ба́ски – кельтская народность, живущая в Испании.

46

Запре́тные това́ры – намек на то, что на «Тремолино» перевозились товары тайно, беспошлинно.

Контра́льто – низкий женский голос.

48

Глупости, мой милый! Это все равно ничего не значит! (исп.)

49

Глава экипажа.

50

Сын Лаэ́рта и Антикле́и – хитроумный Одиссей, главный герой поэмы древнегреческого поэта Гомера «Одиссея».

51

Ита́ка – остров в Средиземном море, на котором царствовал Одиссей.

52

Береговая охрана (исп.).

Разумеется, этот человек – совершенство! (франц.).

54

Швартóв – толстый канат, которым судно привязывается к пристани.

55

Рангóут – деревянные приспособления для постановки парусов на судне.

56

Кильва́тер – след, оставляемый идущим судном.

57

Тише едешь – дальше будешь (итал.).

58

Фальшбо́рт – верхняя бортовая доска на судне.

59

Таможенник.

60

Грот – главный парус на второй мачте (грот-мачте) парусника.

61

Надо ее убить (франц.).

Фа́лы – канаты, с помощью которых ставятся паруса.

63

Фок – основной парус на первой мачте (фок-мачте) парусника.

Возьмитесь за руль (франц.).

65

Ру́мпель – приспособление для поворота судна.

Фок-ре́я – брус, на который крепится фок.

Мещо́рская – авторское написание слова «Мещера».

Поёмные озёра – озера, оставшиеся после половодья.

Куга́ – болотный тростник.

Жи́то – хлебные злаки.

71

Ве́домость – известие.

Реду́т – земляное укрепление для войска: ров с валом.

73

Карте́чь – вид крупной дроби, свинцовые шарики, которыми стреляли из пушек по пехоте.

74

Лафе́т – приспособление в виде рамы на колесах, на которое помещается пушка.

75

Биваќ – привал войск для ночлега под открытым небом.

76

Ки́вер – высокий военный головной убор с плоским верхом и султаном.

77

Була́т – прочная литая сталь.

Ула́ны – легкая кавалерия, вооруженная пиками.

79

Драгу́ны – тяжеловооруженные кавалеристы, спешивающиеся для боя.

80

Золота́я Орда́ – феодальное государство, под игом которого находилась Русь, здесь имеется в виду выделившееся из Орды Казанское ханство.

Вельми́ – сильно.

82

Изразцо́вая пе́чка – печь, облицованная изразцами: керамической плиткой с цветным узором.

83

Поско́нные – изделия из домотканого холста.

Сме́рды – крестьяне-земледельцы.

85

Благоле́пие – величественная красота.

Зане́ – потому что.

Ви́ллы – загородные усадьбы.

88

Па́годы – храмы в виде башен.

89

Притво́р – входное помещение с западной стороны храма.

Зело́ – очень, весьма.

Торова́то – великодушно.

Кружа́ло – кабак, питейное заведение.

Правёж – суд, расправа.

Тать – вор.

Лепота́ – красота.

96

«Слово и дело!» – формула задержания, взятия под стражу.